

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРЫНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: socomsys@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО "Белорусский государственный технологический университет", e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: llham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsocio@isras.ru; **Мчедлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета "Сапиенца", г. Рим, Италия, e-mail: antimoluiigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Eygeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • Том 27 • 2021 •

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Эмпирические социологические исследования

- Осипова Н.Г., Елишев С.О.** Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. (Окончание)7
- Щекотуров А.В., Кришталь М.И.** Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016–2020 гг.43
- Зерчанинова Т.Е., Алаторцева И.С.** Научно-исследовательская деятельность аспирантов вузов России: проблемы и пути решения62
- Новоселова Е.Н.** Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия80

Социология религии

- Осипова Н.Г.** Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: буддизм104
- Елишев С.О.** Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (Начало)128

Социология коммуникаций и киберпространства

- Мамедов А.К.** Деконструкция культурного пространства: смерть текста151
- Тарасов К.А.** Мотив социального насилия в пространстве кинокоммуникации166

Экономическая социология и менеджмент

- Зубков В.И.** Методика отбора персонала в частной охранной организации: взгляд социолога186
- Осеев А.А.** Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований)208

Слово молодым ученым

- Новикова Е.С.** Анализ детских игрушек как инструмент прогнозирования облика будущего поколения235
- Тэн Юэ.** Китайский городской эмоциональный фильм: вкус жизни в текстах песен252

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 27 • 2021 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Empirical case studies

- Osipova N.G., Elishev S.O.** Social inequality and youth: key trends of 2020 (*The ending*)7
- Shchekoturov A.V., Krishtal M.I.** Dynamics of territorial identity and perception of the status of the region by residents of the Kaliningrad region in 2016–202043
- Zerchaninova T.E., Alatorceva I.S.** Research activities of graduate students of Russian universities: problems and solutions62
- Novoselova E.N.** Health as a value and a result of activity: problems and contradictions80

Sociology of religion

- Osipova N.G.** Social aspects of main religious doctrines: Buddhism104
- Elishev S.O.** Features of sociological analysis of religion of Russia during the imperial period of its history128

Sociology of communications and cyberspace

- Mamedov A.K.** Deconstruction of cultural space: death of the text151
- Tarasov K.A.** The motif of social violence in the space of cinematic communication166

Economic sociology and management

Zubkov V.I. Personnel selection methods in a private security organization: a sociologist's view186

Oseev A.A. Empirical models of the structure of personal qualities of leaders: traditional type of social action M. Weber (results of applied research)208

A word to young scientists

Novikova E.S. Analysis of children's toys as a method for predicting the future generation235

Teng Yue. Chinese urban emotional film — a Taste of life in lyrics252

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-7-42

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И МОЛОДЕЖЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ 2020 г.*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

Настоящая статья посвящена анализу одного из важнейших и всегда актуальных социальных феноменов — социального неравенства, которое рассматривается сквозь призму молодежных представлений о формах его проявления и особенностях. Авторами представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление отношения современной российской молодежи к проблеме социального неравенства в целом, а также диверсификации его форм в современном мире и в России. Исследование было проведено в 2020 г. сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством доктора социологических наук, профессора Н.Г. Осиповой и доктора социологических наук, профессора С.О. Елишева при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

В ходе проведения исследования летом 2020 г. методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России. Распределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов. 28% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 72% — женского. 9% опрошенных составили молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, 24,84% — от 16 до 19 лет, 12,26% — от 25 до 30 лет.

Методика исследования, в основе которой лежит анкета, была во многом аналогична методике, использованной авторами в 2019 г. для анализа ценностных ориентаций и представлений студенческой молодежи московских вузов.

* Окончание. Начало статьи см. в № 2 за 2021 г.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

*** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

Эта методика была дополнена новыми блоками вопросов, связанных с особенностями и спецификой проявления в России таких относительно новых форм социального неравенства, как неравенство цифровое и неравенство в отношении здоровья. Вопросы, на которые были получены ответы, носили как общий, так и частный характер и в целом отражали ключевые тренды отношений молодежи к проблеме социального неравенства в условиях во всех отношениях сложной социальной ситуации, сложившейся в 2020 г. Детальный анализ ответов на вопросы, представленных в анкете, показал, что, хотя социальное неравенство и признается современной российской молодежью в качестве актуальной социальной проблемы, но не занимает ключевого места в ряду злободневных для российской молодежи проблем.

Ключевые слова: социальное неравенство, формы и виды социального неравенства, экономическое неравенство, неравенство доступа, цифровое неравенство, неравенство в сфере здоровья, социальная эксклюзия.

SOCIAL INEQUALITY AND YOUTH: KEY TRENDS OF 2020

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The paper deals with the analysis of one of the most important and always relevant social phenomena called social inequality, which is viewed through the prism of youth ideas about the forms of its manifestation and features. The authors present the results of a sociological study aimed at identifying the attitude of modern Russian youth to the problem of social inequality in general, as well as the diversification of its forms in the modern world and in Russia. The study was conducted in 2020 by professors of the Sociological Faculty of Lomonosov Moscow State University under the direction of Doctor of Sociological Sciences Professor N.G. Osipova and Doctor of Sociological Sciences, Professor S.O. Elishev with the financial support of the RFBR, within the framework of the project No. 18-011-01106 "New forms of social inequality and the peculiarities of their manifestation in modern Russia".

In the course of the study in the summer of 2020, 628 young people (aged 16 to 30) from different regions of Russia were interviewed using the online questionnaire survey method. The distribution of respondents by gender and occupation corresponds to the parameters of graduates of humanitarian universities. 28% of young people surveyed were males, and 72% were females. 9% of the respondents were young people aged 20 to 24 years, 24,84% — from 16 to 19 years old, 12,26% — from 25 to 30 years old.

The research methodology (which is based on the questionnaire) was in many ways similar to the methodology used by the authors in 2019 to analyze the value orientations and perceptions of student youth in Moscow universities. This methodology was supplemented with new blocks of questions related to the peculiarities and specifics of the manifestation in Russia of such relatively new forms of social inequality as digital divide and inequality in health. The questions to which the answers were received were of both general and specific nature and, in general, reflected the key trends in the atti-

tude of young people to the problem of social inequality in the conditions of the complex social situation that developed in 2020 in all respects. A detailed analysis of the answers to the questions presented in the questionnaire showed that, although social inequality is recognized by modern Russian youth as an urgent social problem, it does not occupy a key place among the topical problems for Russian youth.

Key words: social inequality, forms and types of social inequality, economic disparity, unequal access, digital divide, health inequality, social exclusion.

Несмотря на то что в устоявшихся подходах к проблеме социального неравенства ряд исследователей подвергают критике “экономический детерминизм”, несомненным остается тот факт, что ведущей формой социального неравенства остается неравенство экономическое. «В широком смысле экономическое неравенство, которое разделяет общество на “богатых” и “бедных”, изначально основано на неравном распределении материальных ресурсов среди членов общества»¹. Изучению представлений современной российской молодежи о сущности и особенностях проявления экономического неравенства как о ведущей форме социального неравенства в рамках проведенного исследования был посвящен блок вопросов, позволяющих определить характер отношения к нему со стороны молодых людей.

Так, на вопрос анкеты “Как Вы относитесь к бедным людям?” 88,9% молодых людей ответили, что они относятся к бедным людям нейтрально, 8,1% — положительно и только 3% — отрицательно (рис. 1).

Рис. 1

¹ *Осипова Н.Г.* Теоретико-методологические основы социологического анализа социального неравенства // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021. С. 22.

Весьма интересны представления молодых людей о причинах тяжелого положения людей, оказавшихся за чертой бедности. По мнению 30,01% молодых людей главной причиной такого положения является безработица (первое место по количеству ответов). На втором месте среди отмеченных причин — лень и неприспособленность к жизни (20,86% ответов). На третьем месте — проживание в бедном регионе (18,15% ответов), на четвертом — низкий образовательный уровень (13,69%), на пятом — семейные несчастья (7,8% ответов). На последнем, шестом, месте (7,48% ответов) — алкоголизм (рис. 2).

Каковы причины тяжелого положения людей, оказавшихся за чертой бедности?

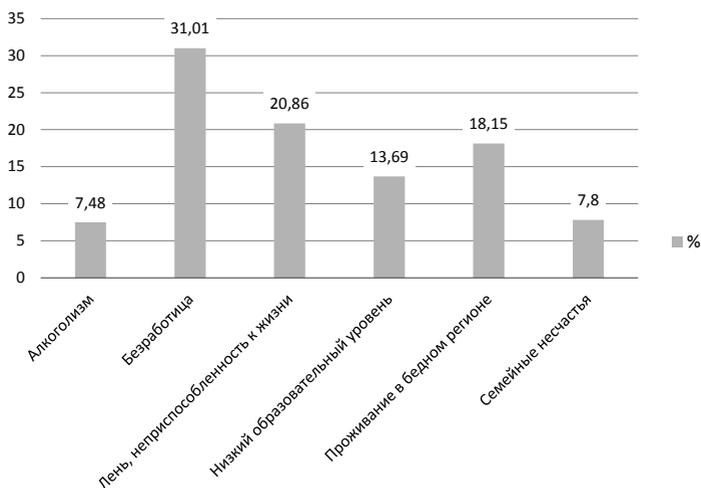

Рис. 2

Как Вы относитесь к богатым людям?

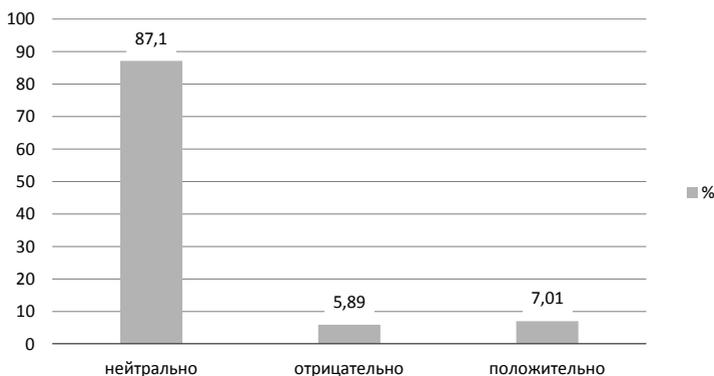

Рис. 3

На вопрос анкеты “Как Вы относитесь к богатым людям?” 87,1% молодых людей ответили, что они относятся к богатым людям нейтрально, 7,01% — положительно и только 5,89% — отрицательно (рис. 3).

При этом богатыми 42,68% молодых людей считают граждан РФ, имеющих ежемесячный доход от 50 000 до 145 000 рублей, 41,56% опрошенных считают таковыми граждан, имеющих ежемесячный доход от 150 000 до 490 000 рублей. 5,57% молодых людей считают, что богатыми являются граждане РФ, доход которых составляет от 500 000 до 990 000 рублей в месяц, а 2,23% респондентов — более 1 000 000 рублей в месяц. И только 3,98% отнесли к ним граждан, имеющих ежемесячный доход до 45 000 рублей (рис. 4).

Укажите, пожалуйста, с каким ежемесячным доходом (в российских рублях), на Ваш взгляд, российского гражданина можно считать богатым?

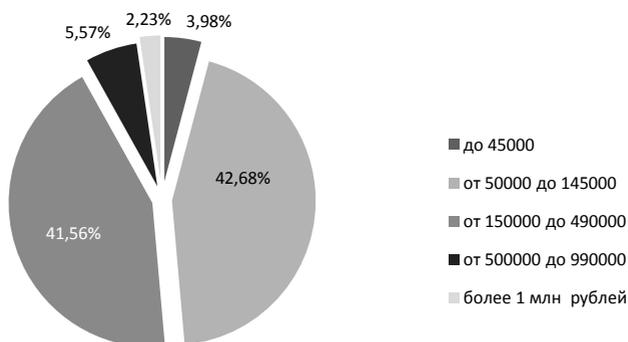

Рис. 4

В последние годы в нашей стране разница в доходах бедных и богатых людей сокращается или увеличивается?

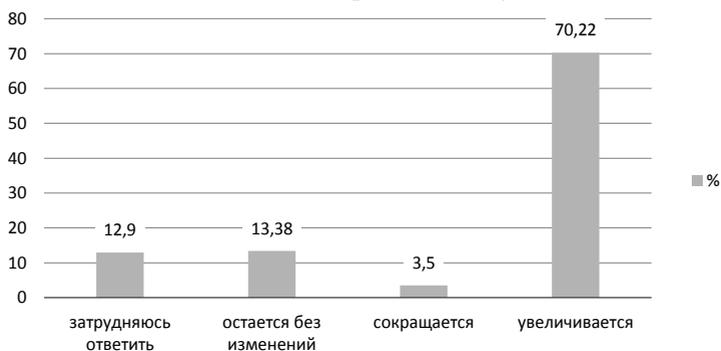

Рис. 5

В то же время более двух третей опрошенных (70,22% ответов) отметили тот факт, что в последние годы в нашей стране разница в доходах бедных и богатых людей однозначно увеличивается. По мнению лишь 13,38% молодых людей она остается без изменений. 12,9% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 3,5% молодых людей ответили, что эта разница сокращается (рис. 5).

Вместе с тем 59,87% респондентов настроены крайне пессимистично, они считают, что через год эта разница будет больше, чем в настоящее время. По мнению 19,75% молодых людей, эта разница останется точно такой же, как и сейчас. 17,83% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 2,55% молодых людей оптимистично заявили, что через год эта разница станет меньше (рис. 6).

Через год разница в доходах бедных и богатых будет меньше или больше, чем сейчас?

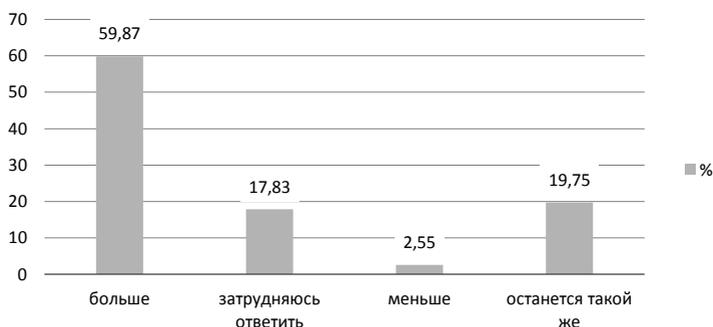

Рис. 6

Каким должен быть максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных?

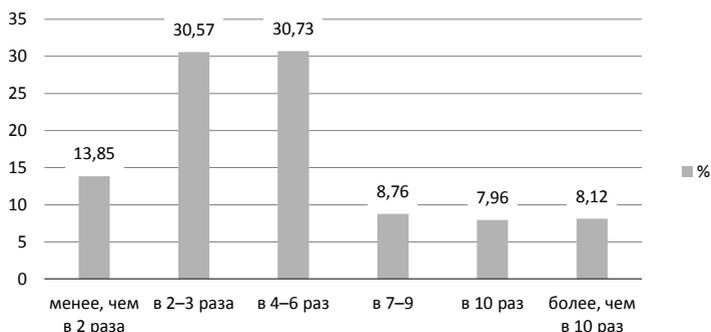

Рис. 7

На вопрос анкеты “Каким должен быть максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных?” 30,73% молодых людей ответили, что максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных не должен превышать 4–6 раз. 30,57% опрошенных считают, что разница в доходах самых богатых и самых бедных не должна быть больше, чем в 2–3 раза, 13,85 — меньше чем в 2 раза, 8,76 — разница в доходах самых богатых и самых бедных должна быть в 7–9 раз, 8,12 — в 10 раз, а 7,96% опрошенных — более, чем в 10 раз (рис. 7).

С утверждением о том, что в нашей стране слишком большие различия в доходах граждан, полностью согласна почти половина молодых людей (49,2% ответов). 40,61% респондентов также согласились с этим. Не совсем с этим согласны 8,6% респондентов, по 0,8% опрошенных не согласились или совершенно не согласились с этим утверждением (рис. 8).

Согласны ли Вы со следующим утверждением: “Различия в доходах граждан в нашей стране слишком велики”?

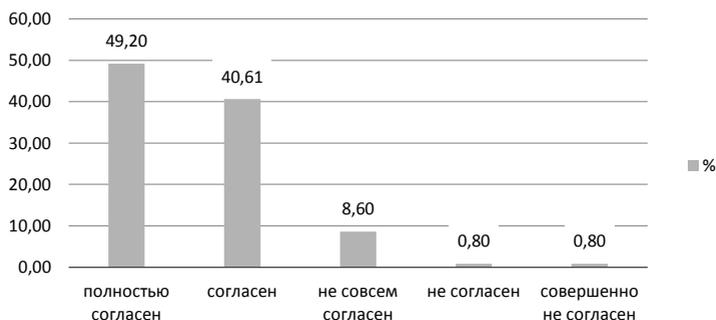

Рис. 8

Согласны ли Вы с утверждением, что в России материальный достаток людей напрямую зависит от региона их проживания?

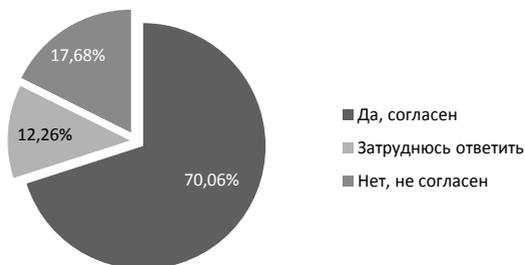

Рис. 9

По мнению более двух третей опрошенных (70,06% ответов), материальный достаток людей в России напрямую зависит от региона их проживания. 17,68% молодых людей выразили свое несогласие с этим тезисом. 12,26% респондентов затруднились с ответом (рис. 9). Таким образом, встает вопрос о новой и специфической для России форме социального неравенства — неравенстве региональном.

Если говорить о распределении доходов молодых людей, то 41,4% из них денег хватает только на крупную бытовую технику и они не могут купить себе новую машину. 37,9% опрошенных охарактеризовали свои материальные возможности таким образом, что им хватает денег на питание и одежду, но купить сейчас телевизор или холодильник им было бы трудно; 10,83% опрошенных заявили, что они могут позволить себе приобрести новую машину, квартиру; 9,08% респондентов отметили, что на питание им денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения; 0,8% опрошенных заявили, что им “денег не хватает даже на питание. Мы еле-еле сводим концы с концами” (рис. 10).

Какое из указанных утверждений наиболее верно отражает Ваши материальные возможности?

Рис. 10

Одним из ключевых трендов анализа новых форм социального неравенства является анализ сущности и особенностей социального неравенства различных групп людей в отношении здоровья. При этом вопросы, связанные со здоровьем людей, отношением к здоровьесберегающим технологиям, а также к неравенству в сфере здоровья, получают особую важность как в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции, так и при изучении ее последствий.

Результаты проведенного исследования показали, что в оценке состояния своего здоровья молодые люди в целом демонстрируют

оптимизм: 52,23% опрошенных заявили о хорошем состоянии своего здоровья, 24,84% — об удовлетворительном, а 18,79% — об отличном. 3,34% молодых людей оценили состояние своего здоровья как плохое, 0,8% — как очень плохое (рис. 11).

Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?

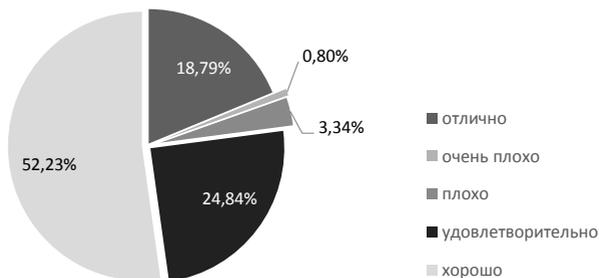

Рис. 11

Укажите, какие меры Вы предпринимаете для поддержания и сохранения своего здоровья?

Рис. 12

Для поддержания и сохранения своего здоровья молодые люди предпринимают следующие меры:

- 1) читают соответствующую информацию о рисках и пользе здоровью (26,11% ответов);
- 2) регулярно проходят диспансеризацию (12,42% ответов);
- 3) регулярно занимаются спортом (21,97% ответов);
- 4) следят за своим питанием, используя только качественные экологически чистые продукты (8,12% ответов);

- 5) не курят (22,61% ответов);
- 6) не употребляют наркотических веществ (5,1% ответов);
- 7) не употребляют спиртное (0,16% ответов);
- 8) следят за своим весом (0,64% ответов);
- 9) используют мобильные приложения для мониторинга своего состояния (шагомер, измерение сердечного ритма, сна, женского цикла и другие; 0,96% ответов);
- 10) ведут физически активный образ жизни (0,8% ответов) (рис. 12).

На вопрос анкеты “Как Вы оцениваете свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья?” половина молодых людей (50,64%) оценила свои возможности не очень высоко, так как, по их мнению, им доступны не все ресурсы по поддержанию и сохранению своего здоровья. 44,43% опрошенных высоко оценили свои возможности, поскольку считают, что у них есть все доступные им ресурсы для сохранения своего здоровья. 4,94% респондентов оценили свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья как низкие, так как большая часть ресурсов для них не доступна (рис. 13).

Рис. 13

Среди тех молодых людей, кто оценил свои возможности не очень высоко и низко, 77,94% к недоступным для них ресурсам отнесли высокий доход, 6,59 — проживание в крупном городском центре, 6,16 — наличие комфортных условий для проживания, 4,58% — доступность качественного питания. 2,87% опрошенных к недоступным для них ресурсам отнесли возможность санаторно-курортного лечения и отдыха, 1,15% — возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры. Одинаковое количество респондентов (по

0,86%) среди недоступных для них ресурсов указали на бесплатное медицинское обслуживание и интернет (рис. 14).

Укажите, пожалуйста, какие ресурсы Вам недоступны?

Рис. 14

Какие ресурсы, на Ваш взгляд, необходимы для поддержания и сохранения своего здоровья?

Рис. 15

К ресурсам, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья, молодые люди, прежде всего, отнесли высокий доход (47,61% ответов), наличие комфортных условий для проживания (21,02% ответов), доступность качественного питания (17,2% ответов), проживание в крупном городском центре (7,64% ответов), возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры (3,03% ответов), возможность регулярно проходить полное медицинское

обследование (2,71% ответов). Санаторно-курортное лечение и отдых, бесплатное медицинское обслуживание, наличие бесплатных площадок для занятий физической культурой, а также наличие доступа в интернет не являются для молодых людей значимыми ресурсами, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья — данные ресурсы в совокупности набрали менее 1% голосов опрошенных молодых людей (рис. 15).

От чего зависит неравенство в отношении здоровья у современного человека?

Рис. 16

Согласны ли Вы со следующим утверждением: “В России медицинские услуги в рамках системы обязательного медицинского страхования предоставляются в равной мере всем, имеющим страховой полис, независимо от их места проживания и социального статуса”?

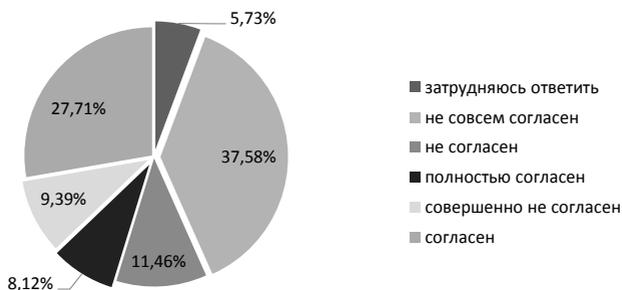

Рис. 17

Возникшее неравенство в отношении здоровья у современного человека, по мнению молодых людей, в значительной степени зависит от экологии (37,74% ответов), условий проживания (28,03% ответов), уровня дохода (24,04% ответов), личного отношения к здоровью

(8,12% ответов), уровня образования (1,91% ответов), наследственности (0,16% ответов) (рис. 16).

37,58% опрошенных не совсем согласились с утверждением о том, что “В России медицинские услуги в рамках системы обязательного медицинского страхования предоставляются в равной мере всем, имеющим страховой полис, независимо от их места проживания и социального статуса”. 11,46% молодых людей выразили свое несогласие с данным утверждением, 9,39% — полное несогласие. 27,71% респондентов согласились с данным утверждением, 8,12% выразили свое полное согласие с ним. 5,73% молодых людей затруднились с ответом на данный вопрос (рис. 17).

Вызывает серьезное беспокойство и одновременно поднимает вопрос о состоянии отечественного здравоохранения тот факт, что большая часть молодых людей (84,71%) пользуется платными медицинскими услугами (не пользуются ими только 15,29% опрошенных) (рис. 18).

Пользуетесь ли Вы платными медицинскими услугами?

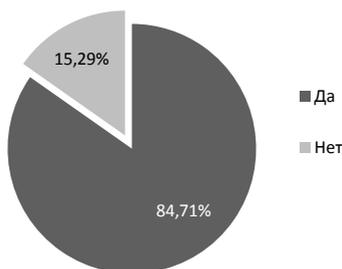

Рис. 18

Почему Вы используете платные медицинские услуги?

Рис. 19

Среди тех молодых людей, кто пользуется платными медицинскими услугами, к причинам, по которым они пользуются ими, были отнесены отсутствие нужного специалиста на бесплатной основе (44,3% ответов), отсутствие доверия к бесплатной медицине (24,2% ответов), более качественные и комфортные услуги платных клиник (26,9% ответов), отсутствие полиса ОМС (2,1% ответов), быстрый сервис платных клиник (1,43% ответов), наличие полиса ДМС (1,07% ответов) (рис. 19).

85,19% опрошенных считают справедливым, что “равный доступ к медицинским услугам в рамках государственного страхования должны иметь все, независимо от того, платят они налоги в фонд социального страхования или нет”, поскольку это, на их взгляд, соответствует принципам социальной справедливости. 14,81% молодых людей полностью не согласны с этим, так как считают верным принцип “От каждого — по способности, каждому — по труду” (рис. 20).

Считаете ли Вы справедливым, что равный доступ к медицинским услугам в рамках государственного страхования должны иметь все, независимо от того, платят они налоги в фонд социального страхования или нет?

Рис. 20

Одним из важных вопросов, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, является вопрос о доступности ресурсов, позволяющих снизить риски заражения ею.

Так, в условиях распространения коронавирусной инфекции молодые люди среди ресурсов, которые оказались для них наименее доступными, прежде всего, отметили: 1) материальные ресурсы (37,42% ответов), 2) человеческое общение (20,22% ответов), 3) медицинские ресурсы (19,27% ответов), 4) санитарно-гигиенические ресурсы (8,6% ответов), 5) информационные ресурсы (7,8% ответов). Также к недоступным для них ресурсам, среди предложенных вариантов ответов, они отнесли: 6) жилищные (1,59% ответов), 7) интернет-

ресурсы (0,64% ответов), 8) помощь (0,16%), 9) другие ресурсы (4,3% ответов) (рис. 21).

В условиях распространения коронавирусной инфекции
какие ресурсы для Вас оказались наименее доступны?

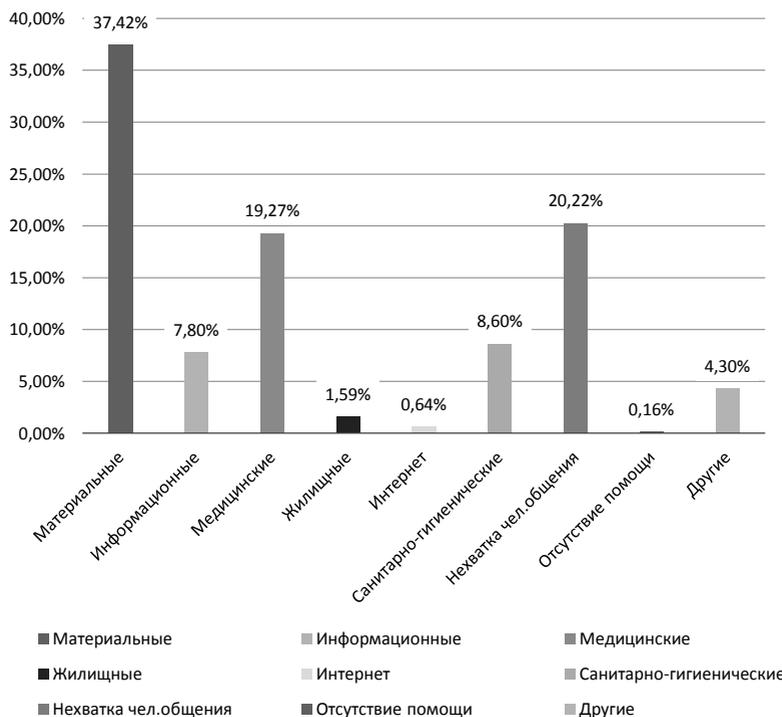

Рис. 21

При этом по мнению молодых людей, опасность распространения новой коронавирусной инфекции может усугубить следующие виды социального неравенства: 1) экономическое неравенство (65,8% ответов); 2) неравенство доступа к определенным нематериальным благам (4% ответов), 3) социальная эксклюзия (3,8%), 4) неравенство жизненных возможностей (3% ответов), 5) классовое неравенство (2,4% ответов), 6) расовое неравенство (1,6% ответов), 7) возрастное неравенство (1,6% ответов), 8) религиозное неравенство (1% ответов), 9) гендерное неравенство (0,6% ответов), 10) кастовое неравенство (0,5%), 11) этническое, национальное неравенство (0,3% ответов). 0,6% респондентов отметили иные формы неравенства. 14,8% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства могут способствовать

распространению новой коронавирусной инфекции (рис. 22), тем самым, усугубить и без того сложную ситуацию.

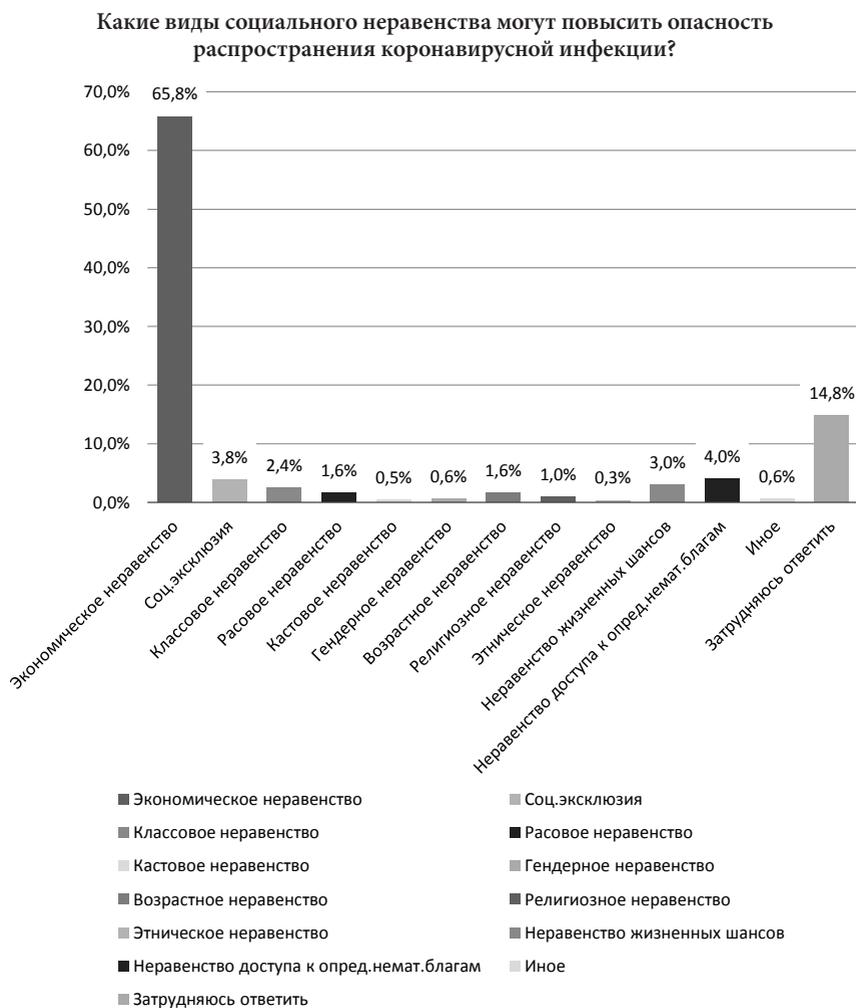

Рис. 22

Особое место в ряду ключевых трендов социологического анализа социального неравенства занимает анализ теоретических и методологических оснований достаточно нового вида социального неравенства — неравенства цифрового и связанных с ним так называемых “цифровых разрывов”. В проведенном исследовании достаточно много внимания было уделено блоку вопросов, связанных с особен-

ностями проявления такой новой формы социального неравенства, как неравенство цифровое. Так, 44,43% молодых людей выразили свое несогласие с тем, что Россия является страной с высоким уровнем цифровизации, 26,75% опрошенных, напротив, считают Россию страной с высоким уровнем цифровизации. 28,82% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 23).

Согласны ли Вы с тем, что Россия — это страна с высоким уровнем цифровизации?

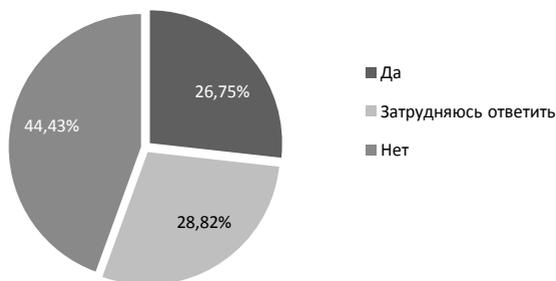

Рис. 23

45,38% молодых людей не считают экономику России цифровой; 16,4% — напротив, считают ее таковой; 38,22% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 24).

Можно ли считать, что экономика России является цифровой?

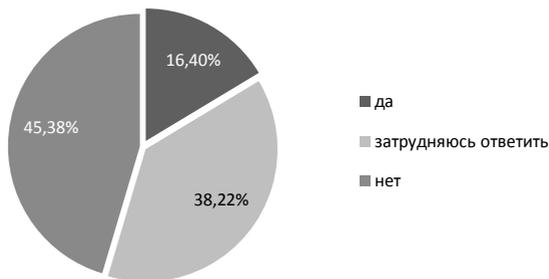

Рис. 24

По мнению 31,85% молодых людей, жизненные шансы, которые сегодня дает уровень цифровизации в России, не являются значительными. 28,66% опрошенных придерживаются иной точки зрения, считая такие жизненные шансы значительными. 39,49% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 25).

Являются ли жизненные шансы, которые сегодня дает уровень цифровизации в России, значительными?

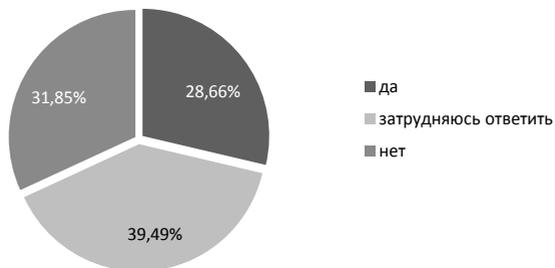

Рис. 25

При этом подавляющее большинство молодых людей (97,93%) являются активными пользователями интернета, и только 2,07% опрошенных не считают себя таковыми (рис. 26).

Являетесь ли Вы активным пользователем интернета?

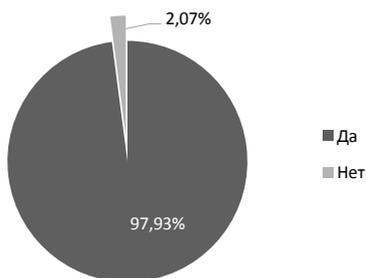

Рис. 26

Ежедневно пользуются интернетом 98,25% молодых людей, несколько раз в неделю — 1,11%, несколько раз в месяц — 0,64% (рис. 27).

Как часто Вы используете интернет?

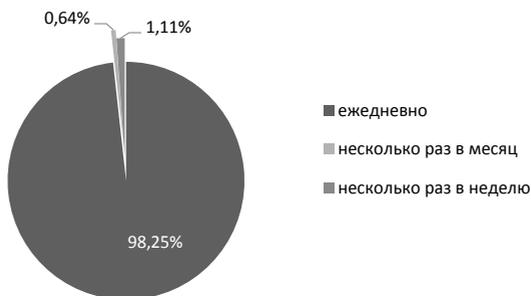

Рис. 27

49,52% опрошенных считают, что новые цифровые технологии предоставляют возможность выразить собственные политические взгляды, 31,21% — так не считают, 19,27% — затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 28).

Предоставляют ли Вам новые цифровые технологии возможность выразить собственные политические взгляды?

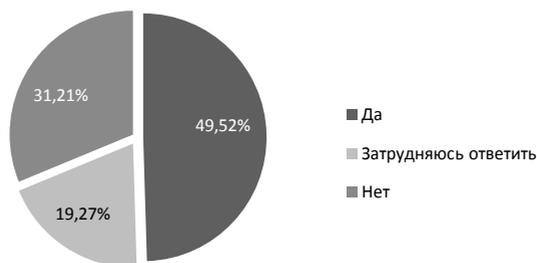

Рис. 28

На взгляд подавляющего большинства респондентов (95,06% ответов), новые цифровые технологии предоставляют возможность создавать профили в социальных сетях; 3,66% молодых людей выразили свое несогласие с тем, что такая возможность есть; 1,27% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 29).

Предоставляют ли Вам новые цифровые технологии следующие возможности: создавать профили в социальных сетях?

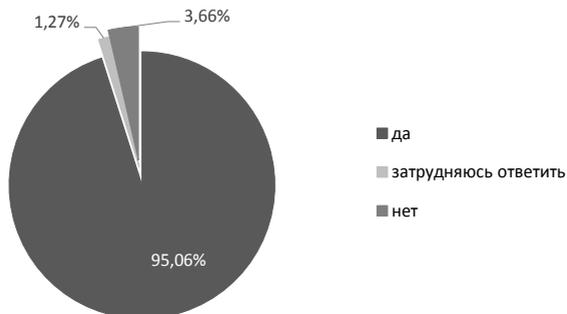

Рис. 29

По представлениям большинства молодых людей (92,52% ответов), новые цифровые технологии дают возможность создавать личные блоги, вести интернет-страницы; 5,25% опрошенных так не считают; 2,23% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 30).

Предоставляют ли Вам новые цифровые технологии следующие возможности: создавать личные блоги, вести интернет-страницы?

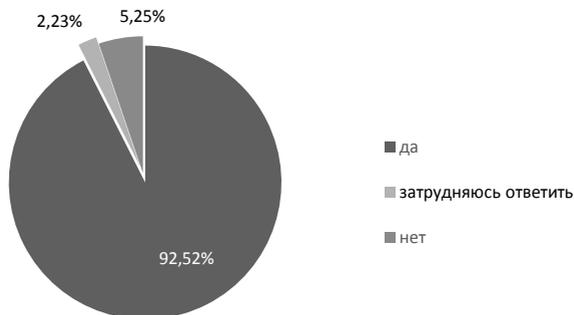

Рис. 30

75,64% опрошенных считают, что новые цифровые технологии дают возможность получать неограниченный доступ к необходимой информации; 18,47% молодых людей не согласны с этим утверждением; 5,89% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 31).

Предоставляют ли Вам новые цифровые технологии следующие возможности: получать неограниченный доступ к необходимой информации?

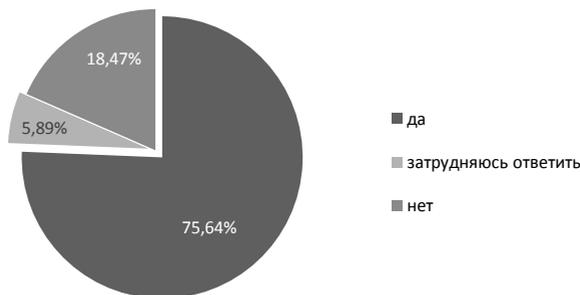

Рис. 31

При этом по мнению большинства молодых людей (92,36% ответов), новые цифровые технологии дают возможность расширять круг общения, способы социальной коммуникации; 4,46% молодых людей так не считают; 3,18% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 32).

На вопрос анкеты “Возможно ли с помощью новых цифровых технологий и тех возможностей, которые они предоставляют, иско-

Предоставляют ли Вам новые цифровые технологии следующие возможности: расширять круг общения, способы социальной коммуникации?

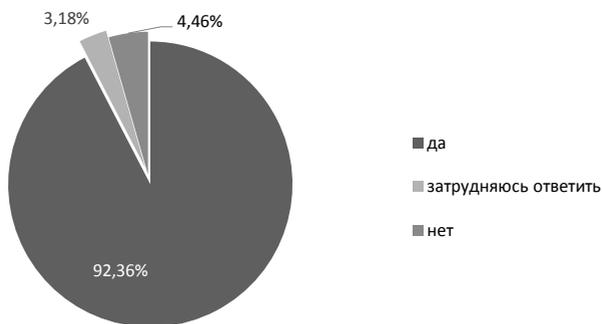

Рис. 32

рентить социальное неравенство?” более половины молодых людей (53,98%) ответили, что это невозможно. 18,79% опрошенных заявили, что искоренить социальное неравенство при помощи новых цифровых технологий вполне возможно. 27,23% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 33).

Возможно ли с помощью новых цифровых технологий и тех возможностей, которые они предоставляют, искоренить социальное неравенство?

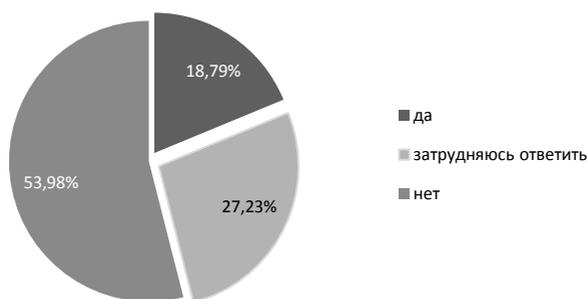

Рис. 33

К отрицательным последствиям активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь для отдельных групп населения 44,11% молодых людей отнесли сложности с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков. 31,85% опрошенных — перегруженность ненужной информацией, 19,43% — серьезный рост безработицы, 3,66% — интернет-зависимость, 0,96% респондентов — негативное воздействие на здоровье (рис. 34).

Негативные последствия активного внедрения цифровых технологий

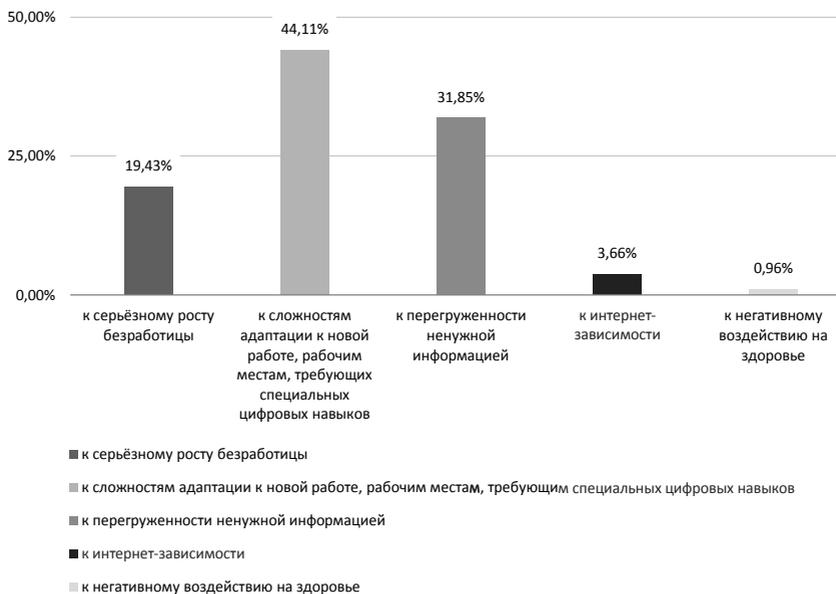

Рис. 34

О существовании в России цифрового разрыва — между теми, кто имеет свободный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям, и теми, кто не имеет доступа к ним, — заявили 64,65% молодых людей. 14,33% опрошенных отрицают факт существования цифрового разрыва. 21,02% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 35).

Существует ли в России цифровой разрыв?

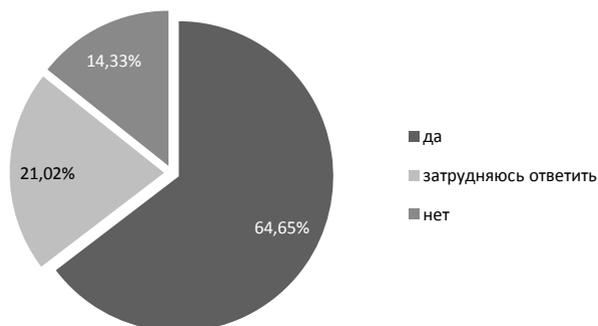

Рис. 35

52,71% молодых людей используют информационно-коммуникационные технологии активного участия в общественной и политической жизни, 47,29% опрошенных не используют их для данной цели (рис. 36).

Используете ли Вы информационно-коммуникационные технологии для активного участия в общественной или политической жизни?

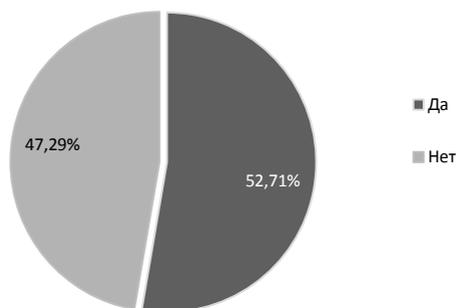

Рис. 36

В то же время о наличии у них свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и качественной цифровой связи заявили 89,81% молодых людей. 5,73% опрошенных констатировали факт отсутствия у них свободного доступа к ИКТ и качественной цифровой связи. 4,46% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 37).

У Вас есть свободный доступ к ИКТ, к качественной цифровой связи?

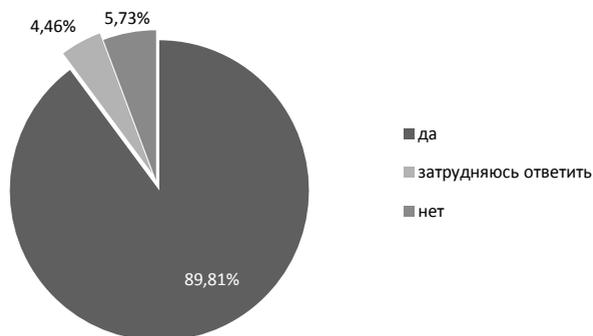

Рис. 37

48,89% молодых людей оценили уровень своих навыков работы с ИКТ как средний, 45,54 — как высокий, 3,5 — как низкий, 2,07% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 38).

Оценка уровня владения навыками для работы с ИКТ

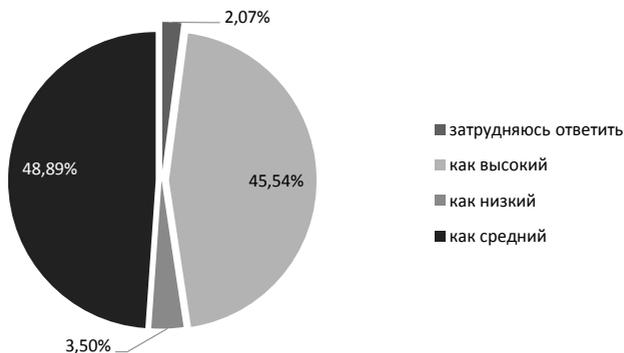

Рис. 38

При этом 85,35% опрошенных считают, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии, появляются дополнительные жизненные шансы и возможности; не согласны с этим 7,32% молодых людей; столько же, 7,32%, респондентов затруднились с ответом на данный вопрос (рис. 39).

Считаете ли Вы, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии, появляются дополнительные шансы и возможности?

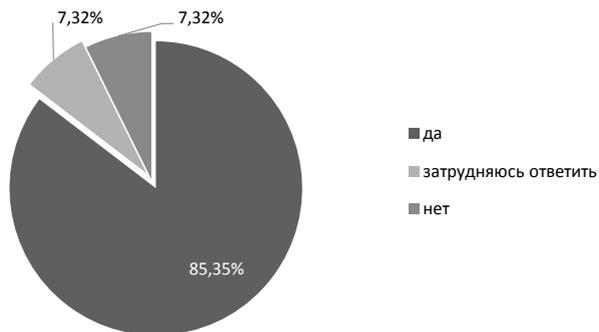

Рис. 39

58,28% респондентов используют информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей часто, 33,28% — периодически, 7,96% — редко, и только 0,48% опрошенных подчеркнули, что никогда не использовали информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей (рис. 40).

Для каких целей и как часто Вы используете ИКТ?
Для получения свежих новостей

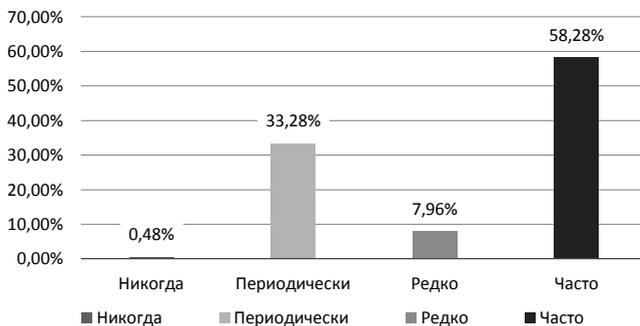

Рис. 40

Часто используют информационно-коммуникационные технологии для поиска новой информации 93,63% молодых людей, периодически — 5,89%, редко — 0,48% (рис. 41).

Для каких целей и как часто Вы используете ИКТ?
Для поиска новой информации

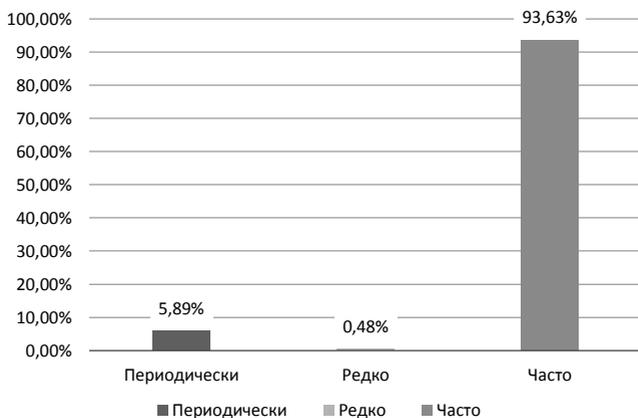

Рис. 41

В целях проведения досуга (просмотра фильмов и чтения) часто используют информационно-коммуникационные технологии 74,36% молодых людей, периодически — 21,3, редко — 3,5, никогда — 0,8% (рис. 42).

Рис. 42

Для саморазвития (посещения он-лайн курсов) часто используют ИКТ 37,9% респондентов, периодически — 38,38, редко — 19,75, никогда — 3,98% (рис. 43).

Рис. 43

В целях осуществления коммерческой деятельности информационно-коммуникационные технологии часто использовали только 14,01% молодых людей, редко — 33,92, периодически — 20,38, никогда — 31,69% (рис. 44).

77,07% респондентов использовали ИКТ для осуществления социального взаимодействия часто, периодически — 14,65, редко — 5,57, никогда — 2,71% (рис. 45).

Для каких целей и как часто Вы используете ИКТ?
Для коммерческой деятельности

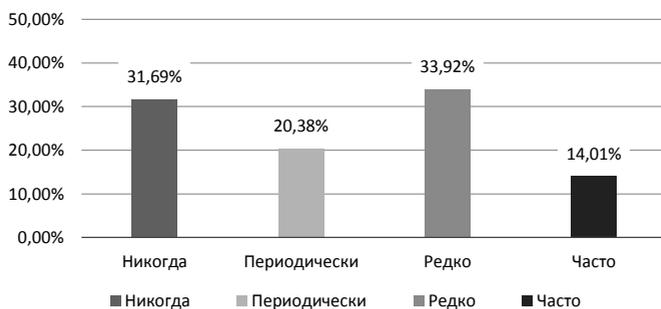

Рис. 44

Для каких целей и как часто Вы используете ИКТ?
Для социального взаимодействия

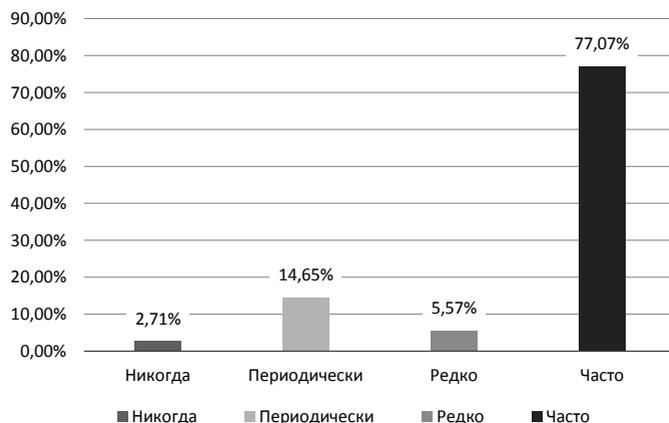

Рис. 45

В развлекательных целях, для участия в онлайн-играх информационно-коммуникационные технологии часто использовали 20,86% респондентов, периодически — 20,38, редко — 30,57, никогда — 28,18% (рис. 46).

При этом 95,38% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях заказа и покупки продуктов и непродовольственных товаров; 3,5% считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 1,11% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 47).

**Для каких целей и как часто Вы используете ИКТ?
Для онлайн-игр**

Рис. 46

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки использования ИКТ для заказа и покупки продуктов и непродовольственных товаров?

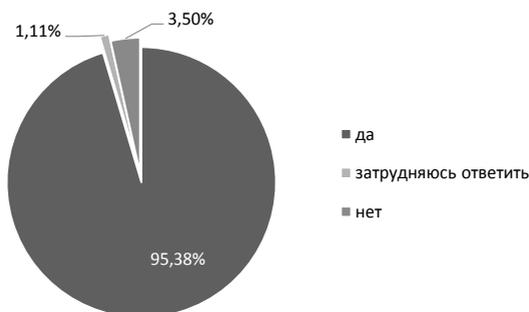

Рис. 47

89,33% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения транспортных услуг; 7,8% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 2,87% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 48).

92,2% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях использования услуг и сервисов; 5,25% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 2,55% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 49).

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях получения транспортных услуг?

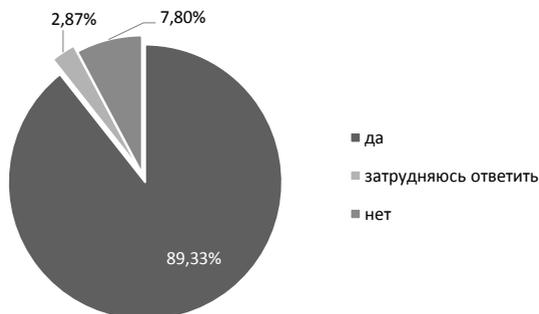

Рис. 48

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях использования услуг и сервисов?

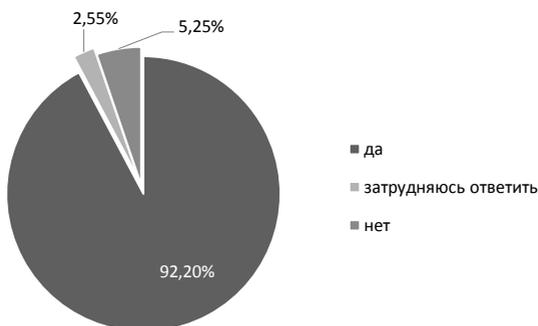

Рис. 49

В то же время 93,15% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях бронирования и покупки билетов на различные мероприятия; 4,62% молодых людей считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 2,23% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 50).

О наличии у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях совершения электронных платежей заявили 93,95% молодых людей; 3,98% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 2,07% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 51).

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях использования услуг и сервисов?

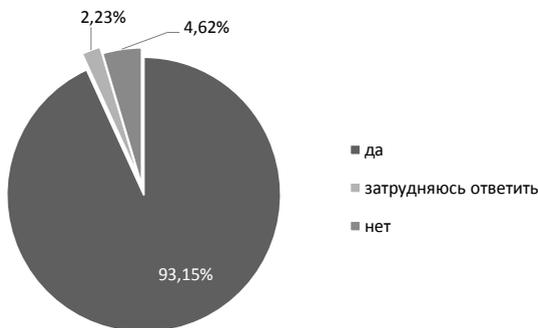

Рис. 50

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях совершения электронных платежей?

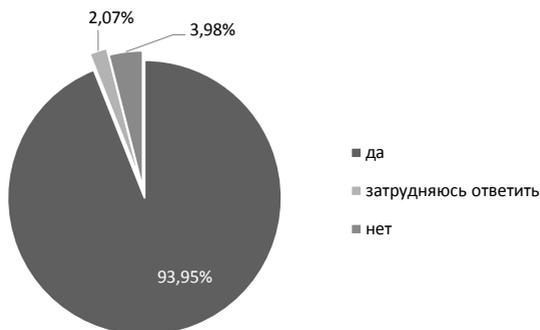

Рис. 51

83,76% молодых людей заявили, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях проведения финансовых операций; 9,87% респондентов сообщили, что такими компетенциями и навыками не обладают; 6,37% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 52).

93,31% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях регистрации на сайтах госуслуг и других официальных сайтах; 3,98% молодых людей утверждают, что не имеют таких компетенций и навыков; 2,71% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос (рис. 53).

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях проведения финансовых операций?

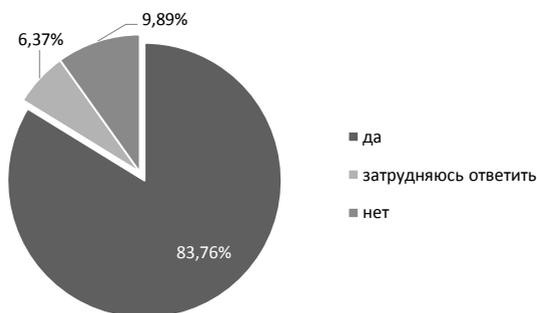

Рис. 52

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях регистрации на сайтах госуслуг и других официальных сайтах?

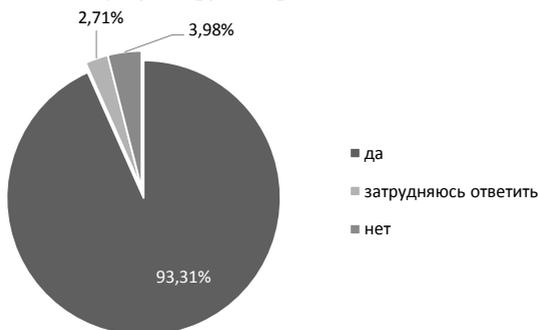

Рис. 53

78,82% опрошенных утверждают, что они обладают достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях поступления в высшее учебное учреждение; 10,99% молодых людей заявили, что у них нет таких компетенций и навыков; 10,19% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 54).

О факте наличия у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения среднего образования заявили 72,77% молодых людей; 14,49% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают; 12,74% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 55).

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки пользования ИКТ в целях поступления в высшее учебное учреждение?

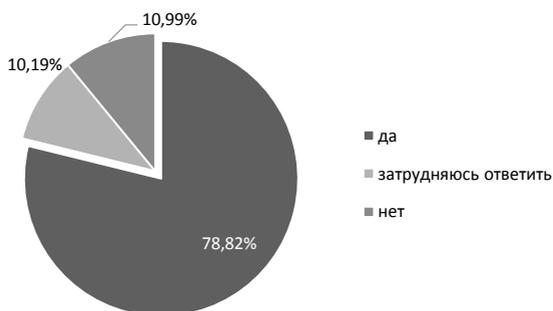

Рис. 54

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях получения среднего образования?

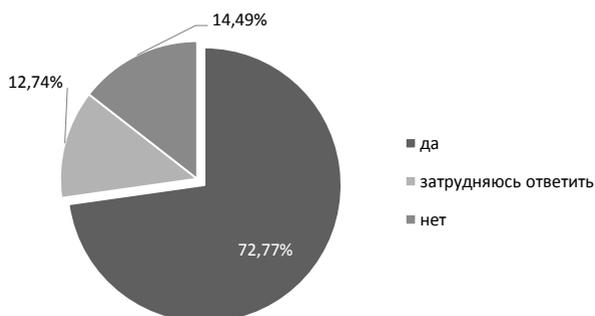

Рис. 55

74,36% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения высшего образования; 14,01% респондентов заявили, что такими компетенциями и навыками не обладают, что достаточно много, если учесть возрастную специфику опрашиваемых; 11,62% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 56).

О факте наличия у них цифрового капитала — совокупности опыта, цифровых навыков, знаний, компьютерной грамотности и доступности информационно-коммуникационных технологий — заявили 75,16% молодых людей; 10,19% участвовавших в опросе счита-

ют, что они не обладают цифровым капиталом; 14,65% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 57).

Можете ли Вы утверждать, что имеете достаточные компетенции и навыки для пользования ИКТ в целях получения высшего образования?

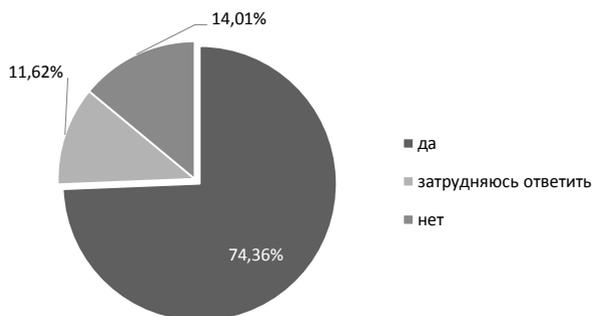

Рис. 56

Считаете ли Вы, что обладаете цифровым капиталом — совокупностью опыта, цифровых навыков, знаний, компьютерной грамотности и доступностью ИКТ?

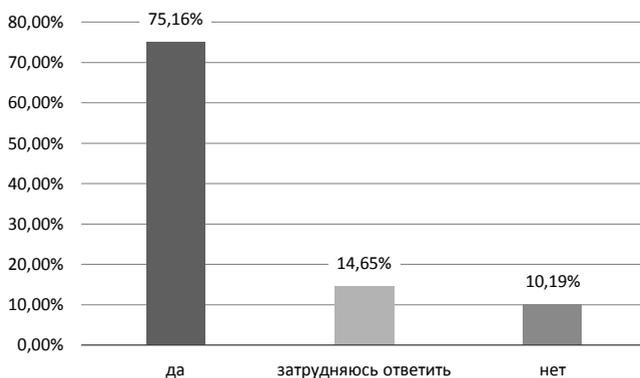

Рис. 57

В то же время следует отметить, что только 21,5% респондентов заявили о том, что, по их мнению, в настоящий момент преимущества цифровизации доступны всем гражданам России; почти две трети молодых людей (65,13%) считают, что преимущества цифровизации в настоящее время не доступны всем гражданам России; 13,38% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 58).

Считаете ли Вы, что в настоящий момент преимущества цифровизации доступны всем гражданам России?

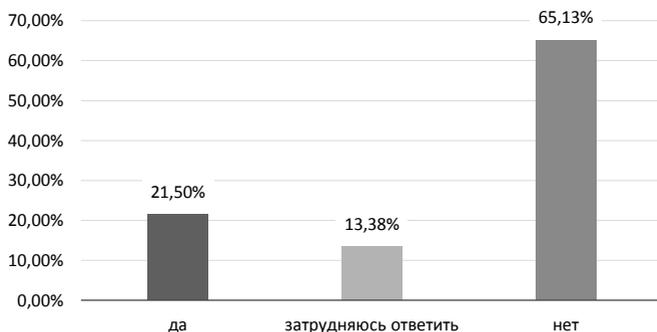

Рис. 58

Как утверждают Д.Е. Добринская и Т.С. Мартыненко, “преодоление цифрового разрыва и цифрового неравенства затруднено постоянным развитием и усложнением цифровых технологий... Значимым является предоставление широкого доступа к интернету, например, через создание точек общего доступа (общественный транспорт, образовательные учреждения, общественные пространства и т.д.). Особое внимание следует уделить отдельным социально-демографическим группам (учащиеся, пожилые люди, люди с низким уровнем дохода и др.), в том числе посредством внедрения соответствующих программ в систему образования (среднего и высшего образования)”².

В целом, проведенное исследование показало, что современная молодежь воспринимает неравенство как неизбежный факт повседневной жизни, несмотря на то что отдельные его виды — экономическое, ресурсное, цифровое или же неравенство в отношении здоровья — содержательно различаются по своей сути и по-разному ощущаются в различных социальных группах в контексте неоднозначных социальных, экономических, политических условий или просто жизненных ситуаций.

Таким образом, проблема социального неравенства, его традиционных и новых, относительно недавно концептуализированных форм, а также особенностей их проявления среди молодежи остается одной из наиболее актуальных и даже, можно сказать, злободневных социальных проблем.

² Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021. С. 269.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018.

Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования “Ценностные ориентации современной российской молодёжи, особенности процесса их формирования и осуществления молодёжной политики” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория: Уч. для обучающихся по направлению подготовки Социология по уровням образования (бакалавриат 39.03.01 и магистратура — 39.04.01). Ч. 2. М., 2020.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 46–69. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-46-69>.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3. С. 11–25. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10301.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016.

REFERENCES

Elishev S.O. Social’noe manipulirovanie molodjozh’ju [Social manipulation of youth]. М., 2018 (in Russian).

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul’taty sociologicheskogo issledovaniya “Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki” [Results of sociological research “Value orientations of modern Russian youth, peculiarities of their formation and implementation of youth policy”] // Sociologicheskie issledovaniya social’nyh problem sovremennogo rossijskogo obshchestva. Vol. 1. М., 2014. P. 64–129 (in Russian).

Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. V. 2. N VII.

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya speciaka i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional speciacity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. P. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. N. 4. P. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya: ucheb. dlya obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki Sociologiya po urovnym obrazovaniya (bakalavriat 39.03.01 i magistratura — 39.04.01). Ch. 2. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6. P. 541–550.

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskikh processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g.: Nauchnaya monograaya [Dynamics of ideas of Russian students about socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in the period from 2013 to 2017: Scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoj molodezhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Knowledge of Moscow students about the processes, institutions of socialization and the subjects of youth policy in the Russian Federation (based on the 2019 study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 1. P. 46–69. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-46-69> (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Vospriyatie social'nogo neravenstva moskovskimi studentami [Perception of social inequality by Moscow students] // Obrazovanie i pravo. 2020. N 3. S. 11–25. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10301 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya): Monograaya [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and implementation of youth policy in the Russian Federation (results of sociological research): Monograph]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // Journal of Social Studies Education Research. 2018. Vol. 9. N. 1. P. 28–59.

Osipova N.G., Vershina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and uncertainty: modern challenges for cities] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 1. P. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-43-61

ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВОСПРИЯТИЯ СТАТУСА РЕГИОНА ЖИТЕЛЯМИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2016–2020 гг.

А.В. Щекотуров, канд. социол. наук, зав. социологической лабораторией Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56, каб. 227, г. Калининград, Российская Федерация, 236022*

М.И. Кришталь, канд. географ. наук, научный сотрудник социологической лаборатории Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56, г. Калининград, Российская Федерация, 236022**

В статье рассматриваются особенности восприятия территориальной идентичности и статуса региона жителями Калининградской области. Особое внимание уделено 2016–2020 гг. как периоду, для которого характерна геополитическая нестабильность и милитаризация в регионе Балтийского моря. Исследовательский метод — массовые опросы жителей Калининградской области с последующим статистическим анализом данных. В качестве предиктора были использованы идеологические типы респондентов, рассчитанные в соответствии с методикой Д. Нолана (D. Nolan). На этой основе были сформулированы две основные (H1 и H2) и две частные гипотезы: либерал-демократы выступают за наделение области особым экономическим статусом (H1a) и в большей степени ощущают себя жителями Европы и планеты Земля (H2a); социал-элитисты хотели бы видеть регион обычной областью (H1b), их идентификация имеет выраженный пророссийский характер (H2b).

В результате установлено, что среди жителей Калининградской области абсолютными доминантами остаются пророссийские варианты идентификации, происходит отдаление от еврокосмополитичных категорий. Наиболее привлекательным статусом для региона большинство жителей назвали область с особым экономическим положением в составе Российской Федерации.

Идеологический тип в целом не оказал значимого влияния на оценку территориальной идентичности и восприятие административного статуса региона. Первая гипотеза не нашла подтверждения: лишь либерал-демократы предпочитают делать выбор в пользу обычной области, остальные — в пользу области с особым экономическим статусом. Вторая гипотеза подтвердилась частично: социал-демократы и социал-элитисты рассматривают себя преимущественно жителями того города или села, где сейчас проживают; либерал-демократы и либерал-элитисты определяют себя в большей степени как граждан мира, жителей планеты Земля.

* Щекотуров Александр Вячеславович, e-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

** Кришталь Михаил Игоревич, e-mail: MKrishtal@kantiana.ru

Ключевые слова: Калининградская область, территориальная идентичность, эксклав, статус региона, идеологический тип, массовый опрос населения, Д. Нолан.

DYNAMICS OF TERRITORIAL IDENTITY AND PERCEPTION OF THE STATUS OF THE REGION BY RESIDENTS OF THE KALININGRAD REGION IN 2016–2020

Shchekoturov Aleksandr V., PhD in Sociology, Head of the Sociological Lab at Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Chernyshevskogo st., 56, Kaliningrad, Russian Federation, 236022, e-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

Krishtal Mihail I., Candidate of Sciences (Geography), Researcher, Sociological Lab of the Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Chernyshevskogo st., 56, Kaliningrad, Russian Federation, 236022, e-mail: MKrishtal@kantiana.ru

The article deals with the specific of the territorial identity's perception and status of the region by residents of the Kaliningrad region. Special attention was paid to 2016–2020 as a period characterized by geopolitical instability and militarization in the Baltic Sea region. The research method is mass surveys of residents of the Kaliningrad region with subsequent statistical analysis of the data. Ideological types of respondents were used as a predictor calculated in accordance with the method of D. Nolan. On this basis two main hypotheses (H1 and H2) and two particular hypotheses were formulated: Liberal Democrats are in favor of giving the region a special economic status (H1a) and feel more like residents of Europe and the planet Earth (H2a); Social Statist would like to see the region as an ordinary region (H1b), their identification has a pronounced pro-Russian character (H2b).

It was found that among residents of the Kaliningrad region the pro-Russian identification options remain the absolute dominant, and there is a distance from the Eurocosmopolitan categories. The most attractive status for the region for majority of residents is an area with a special economic status within the Russian Federation.

The ideological type as a whole did not have a significant impact on the assessment of territorial identity and the perception of the administrative status of the region. The first hypothesis was not supported: only Liberal Democrats prefer to choose the actual area, the rest — the area with a special economic status. The second hypothesis was partially confirmed: Social Democrats and Social Statist consider themselves mainly as residents of the city or village where they now live; Liberal Democrats and Liberal Statist define themselves more as a citizen of the world, a resident of the planet Earth.

Key words: Kaliningrad region, territorial identity, exclave, regional status, ideological type, mass survey, D. Nolan.

Особенности географического и геополитического положения Калининградской области определяют ее в качестве западного фронта России — территории особых социально-экономических условий, связанных с более интенсивной трансграничной комму-

никацией и повышенным влиянием различных “приграничных” государств и культур¹. Стратегически важное положение региона и происходящие в нем изменения регулярно фигурируют как в научных дискуссиях, так и в политических диспутах. В частности, ряд исследователей обращают внимание на продолжающийся процесс “укоренения” жителей области, определяя это как трансформацию региональной идентичности, ее последующее усиление, “замыкание в себе” и как итог появление у жителей Калининградской области чувства оторванности от остальной России². В политическом поле дискуссионной темой стало отношение к митингам 2009–2010 гг. в г. Калининграде, на которых основные требования протестующих были связаны с наделением региона особым экономическим статусом: возвращение льгот по статусу ОЭЗ, выступление Областной Думы с федеральными законодательными инициативами о введении анклавного коэффициента по примеру северных и дальневосточных надбавок и т.д.³ Другим примером политико-идеологического воздействия на внутрорегиональные процессы служат президентские выборы 2012 г., когда кандидат М.Д. Прохоров предлагал внедрить в регионе законы Евросоюза о ведении бизнеса, а также антимонопольное и строительное законодательство и т.д.⁴ Таким образом, как для политического истеблишмента, так и для самих жителей региона предельно значимым является знание о самоидентификации и восприятии административного статуса Калининградской области.

Цель данной статьи — представить динамику территориальной самоидентификации жителей Калининградской области и восприятия ими статуса региона.

Исследования калининградской идентичности и статуса региона

Данная работа продолжает развитие темы, разрабатываемой коллективом ученых под руководством А.П. Клемешева и Г.М. Федорова⁵. В частности, основываясь на данных продолжительного

¹ *Задорин И.В.* Регионы “рубежа”: территориальная идентичность и восприятие “особости” // *Полития*. 2018. № 2. С. 103.

² *Абылкаликов С.И., Сазин В.С.* Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989–2015 гг. // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11. № 2. С. 46.

³ *Кришталь М.И.* Электронная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 104.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ *Клемешев А.П.* Актуальные направления комплексных исследований региона Балтийского моря (по материалам публикаций в журнале “Балтийский регион”) //

мониторинга общественных настроений, авторы приходят к выводу, что в период с 2001 по 2016 г. в регионе сформировалась устойчивая общенациональная идентичность, а также достаточно сильная привязанность к локальному и региональному сообществу. В свою очередь отождествление жителей себя с гражданами мира и европейцами находится на весьма низком уровне. Установлено, что наиболее предпочтительным административным статусом региона для жителей является область со статусом особой экономической зоны, а сепаратистские настроения пользуются минимальной поддержкой.

К схожим результатам пришла и другая группа исследователей, проанализировав представления двух поколений жителей региона (миллениалы и реформенное поколение) о Калининградской области. Во-первых, большинство опрошенных хотели бы видеть регион в статусе особой экономической зоны; во-вторых, наиболее значимыми символами, определяющими связь с областью, стали природные объекты (янтарь и Куршская коса) и мультикультурный дух городской архитектуры^{6,7}. О.И. Асташова также фиксирует, что стержневые идентификации жителей Калининградской области связаны с историей региона и архитектурной самобытностью⁸. Эти результаты во многом опровергают сложившееся в ряде кругов мнение об угрозе “германизации” Калининградской области, которая предполагает поддержку населением доминирования в регионе немецкой культуры и преобладание данной идентичности⁹.

Несмотря на всю значимость природно-архитектурных символов Калининградской области, они не отражают геополитическую специ-

Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 3. С. 7–14; Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю. Территориальные особенности развития прибрежных микрорайонов Балтийского региона // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 137–150; Klemeshev A., Fidrya E., Fedorov G. Specific Kaliningrad character of the Russian identity // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2017. N 38. P. 47–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2017-0033>

⁶ Кришталь М.И., Щекотуров А.В., Зимовина Е.П. Геополитические и социокультурные компоненты образа Калининградской области в представлениях реформенного поколения и поколения миллениалов // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4. С. 34–47.

⁷ Емельянова Л.Л., Радевич Е.Г. Формирование географического образа Калининграда и его использование в географической стратегии: по результатам социологического опроса горожан // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные и медицинские науки. 2020. № 3. С. 23.

⁸ Асташова О.И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2. С. 120–133.

⁹ Лихачева А.С. Государственные проекты по созданию коллективной памяти в России: имитация гражданского соучастия // Управление в современных системах. 2019. № 2. С. 25.

фику региона в сознании жителей. Существует ли географическая детерминанта в территориальной идентичности населения, восприятии федерального центра и отношении к расширению полномочий региона среди жителей различных регионов России? Этому вопросу посвящено компаративное исследование И.В. Задорина. Используя методы фокус-групп и массовых опросов населения, социолог отмечает, что именно жители самого западного региона сильнее всего отождествляют себя с Россией, объясняя это наиболее высокой долей некоренных жителей, что предопределяет их желание идентифицировать себя в первую очередь со страной. И.В. Задорин отмечает, что в Калининградской области самое низкое проявление “оборонного” сознания: среди жителей весьма непопулярна идея превращения региона в военный форпост¹⁰. Автор фиксирует в эксклаве наименьшую долю тех, кто считает актуальной угрозу внешнего нападения на Россию, несмотря на то что в 2016–2017 гг. в СМИ России образ Калининградской области как военного форпоста являлся одним из доминирующих¹¹. Наряду с этим исследователь выявил, что более половины жителей Калининградской области считают свой регион экономически зависимым от федерального центра и выступают за сохранение собранных налогов в региональном бюджете¹².

Л.М. Дробижева наблюдает “плотную солидаризацию населения” в пограничных субъектах Федерации¹³. Научные данные свидетельствуют, что “общероссийская (гражданская) идентичность там оказывается равнозначной этнонациональной и локальной идентичностям”¹⁴, сопоставимой или даже чуть превышающей идентичность профессиональную, религиозную¹⁵ и “по достатку”¹⁶. При этом государственно-гражданская и региональная идентичности имеют разные основания: первая базируется на сопричастности стране, вторая — на особенностях положения региона¹⁷. Усиление позиций

¹⁰ Задорин И.В. Указ. соч. С. 122.

¹¹ Щекотуров А.В., Винокуров В.В. Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014–2018 гг. // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2640> (дата обращения: 09.02.2021).

¹² Задорин И.В. Указ. соч. С. 133.

¹³ Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 52. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363

¹⁶ Дробижева Л.М. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Там же.

локальной идентичности в Калининградской области, по мнению социолога, является результатом деятельности региональных элит¹⁸.

Сравнительный анализ общественных настроений жителей регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) провели К.Н. Калашников и А.П. Будилов. Исследователи отмечают, что для жителей самой западной области России характерна более высокая степень привязанности к месту своего проживания, а сами калининградцы несколько реже жителей иных регионов СЗФО задумываются о смене места проживания¹⁹.

Научный интерес к идентичности жителей Калининградской области присутствует и у польских исследователей. В частности, М. Зелиньски приходит к мнению о доминировании общенациональной идентичности при наличии сильной региональной компоненты²⁰ в установках жителей эксклавного региона. Автор выделяет основные факторы формирования идентичности калининградцев: общее информационное пространство, политику федеральных и региональных властей, культурную среду и отношение к довоенному и советскому прошлому, экономическое положение и “синдром эксклавноности”²¹. В результате исследователь выделяет три типа жителей региона согласно их отношению к прошлому: “прусофилы” — часть интеллигенции, молодежи, которая включает образы немецкого прошлого в структуру региональной идентичности; “советофилы” — представители старшего поколения и молодежь, поддерживающие коммунистическую или националистическую идеологию. К третьему типу автор относит тех, кто не рефлексирует глубоко о прошлом региона²². Данная типология вызвала замечания у калининградского исследователя И.О. Дементьева, по мнению которого подобное разделение допускает существенное упрощение²³.

¹⁸ Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3 (15). С. 19.

¹⁹ Калашников К.Н., Будилов А.П. Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 522. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-12109

²⁰ Zieliński M.J. Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku: rozprawa doktorska. Warszawa, 2017. S. 259.

²¹ Ibid. S. 260–272.

²² Ibid. S. 264.

²³ Дементьев И.О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 106.

Рассмотрев ключевые исследования идентичности жителей Калининградской области и восприятия ими статуса региона, мы констатируем, что, во-первых, разными исследователями установлено доминирование общенациональной идентичности у жителей Калининградской области и предпочтение статуса региона как особой экономической зоны; во-вторых, в большинстве работ отсутствует анализ факторов, влияющих на формирование соответствующих установок у жителей региона; в-третьих, с 2016 г. отсутствуют публикации, в которых бы главными исследовательскими вопросами были идентичность жителей Калининградской области и статус региона.

В данной работе представлены результаты массовых опросов населения Калининградской области в 2016–2020 гг., цель которых — проследить динамику восприятия территориальной идентичности и статуса области. Период 2016–2020 гг. характеризуется геополитической нестабильностью в регионе Балтийского моря, что главным образом проявляется в его милитаризации: активном проведении военных учений и наращивании вооруженных сил в регионе и сопредельных странах-членах НАТО²⁴.

Нас интересовали не только специфика развития идентичности жителей и их восприятие региона, но и поиск возможных факторов, определяющих динамику. Одним из таких факторов стали идеологические установки, предложенные Д. Ноланом²⁵. В рамках этой концепции идеологические типы дифференцируются по двум шкалам, касающимся экономической и политической сфер. Экономическая свобода и государственное регулирование — полюса одной шкалы, демократия и авторитаризм — полюса второй. В результате пересечения шкал образуется четыре квадранта, соответствующие четырем идеологическим типам респондентов (названия даны в авторской интерпретации): либерал, выступающий за экономическую свободу; демократ, ратующий за идеалы политической свободы; этатист, придерживающийся авторитарных взглядов в политике; и социалист, поддерживающий принципы государственного регулирования экономики²⁶. Исходя из этого формируются два полярных идеологиче-

²⁴ Грибанова Г.И., Косов Ю.В. Политика НАТО на Балтике // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 1. С. 56–72. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-4; Худoley К.К. “Прохладная война” в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 4–24. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-1

²⁵ Nolan D. Classifying and analyzing politico-economic systems // *The Individualist*. 1971. N 1. P. 5–11.

²⁶ Falck F, Marstaller J, Stoehr N, Maucher S, Ren J, Thalhammer A., Rettinger A., Studer R. Sentiment political compass: a data-driven analysis of online newspapers regarding political orientation // *The Internet, Policy & Politics Conference*. 2018. N 3; Hadarics M.

ских типа — либерал-демократы и социал-этатисты, что определило постановку следующих исследовательских гипотез (H1 и H2):

- Либерал-демократы выступают за надделение области особым экономическим статусом (H1a) и в большей степени ощущают себя жителями Европы и планеты Земля (H2a).
- Социал-этатисты хотели бы видеть регион обычной областью в составе РФ (H1b), их идентификация имеет выраженный пророссийский (на всех уровнях — от локального до общенационального) характер (H2b).

В выборке представлены 29,9% социал-демократов, 24,3% социал-этатистов, 31,7% либерал-демократов и 14,1% либерал-этатистов.

Таким образом, в данной работе сформулированы три основных исследовательских вопроса: изменились ли представления жителей Калининградской области о 1) собственной идентичности и 2) своем регионе за 2016–2020 гг.; 3) существует ли зависимость этих представлений от идеологических установок (по данным опроса 2020 г.).

Метод. Основной метод исследования — массовый опрос жителей Калининградской области по репрезентативной двухступенчатой квотной выборке. В период 2016–2020 гг. было проведено четыре опроса (выборочная совокупность каждого исследования составила 1000 респондентов, что соответствует 97% доверительной вероятности и погрешности в $\pm 3,5\%$).

Восприятие статуса Калининградской области и территориальной идентичности жителей региона (2016–2020 гг.)

Анализ отношения жителей Калининградской области к административному статусу региона показывает устойчивое доминирование пророссийской принадлежности. Большинство респондентов выбрали между обычной областью и областью с особым экономическим статусом в составе Российской Федерации, отдавая последнему варианту предпочтение. Распространенность мнения о том, что Калининградская область должна обладать особым экономическим статусом выросла с 39,3% в 2001 г. до 60,6% в 2018 г., снизившись до 47,7% в 2020 г. (рис. 1).

В то же время доля респондентов, выбравших варианты, отражающие сепаратистские или ирредентистские настроения (независимое государство или регион в составе другого государства), неуклонно

Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe // Europe's Journal of Psychology. 2017. N 13 (2). P. 336–351. DOI: 10.5964/ejop.v13i2.1334

снижается с 2003 г., достигнув своих минимальных показателей в 2017–2018 гг. (1,3–1,8%)²⁷. Не пользуется популярностью и вариант создания на территории региона республики в составе России.

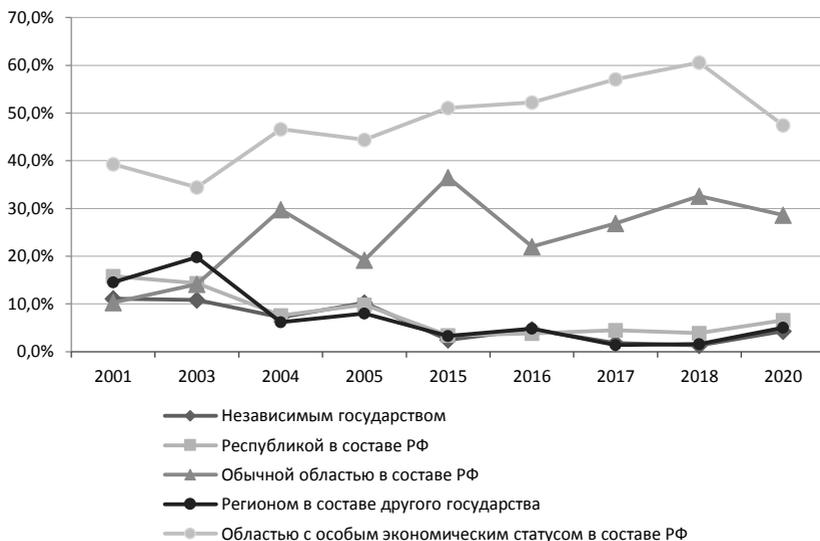

Рис. 1. Какой по статусу Вы хотели бы в будущем видеть Калининградскую область?

В 2001–2015 гг. респондентам предлагалось выбрать предпочтительную, доминирующую идентичность из списка предложенных вариантов (рис. 2). Проанализировав полученные результаты, исследователи зафиксировали равномерное усиление «общегосударственной идентичности населения Калининградской области с 2001 года»²⁸. Причем ощущение себя преимущественно жителем региона занимало третью позицию после локальной и национальной идентификации.

Понимая всю значимость полученных результатов, мы все же ставим под вопрос методiku определения региональной идентичности, которой пользовались исследователи. Е.С. Фидря и И.И. Жуковский предлагали респондентам выбрать наиболее предпочтительную форму идентификации из списка предложенных (рис. 2)²⁹.

²⁷ До 2017 г. вариант «регион в составе другого государства» звучал иначе: «территория в совместном управлении РФ и ЕС».

²⁸ Жуковский И.И., Фидря Е.С. Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2001–2016 гг. и факторы формирования предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 6. С. 80.

²⁹ Там же. С. 73–89.

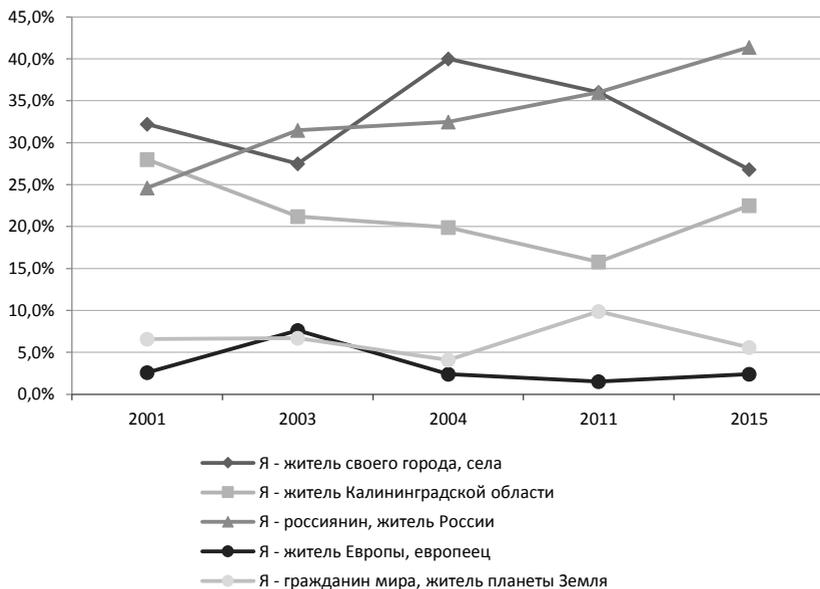

Рис. 2. Динамика социально-территориальной идентичности в 2001–2015 гг.³⁰

Мы же согласны с мнением А.П. Клемешева и др. о том, что “каждый человек в той или иной мере определяет себя к разным уровням идентичности”³¹. В связи с этим в данной статье представлены результаты мониторинга мнений жителей области с учетом их оценки всех вариантов территориальной самоидентификации. Оценка идентичности происходила по пятибалльной шкале, где 1 — “совсем не идентифицирую”, 5 — “полностью идентифицирую”, 99 — “загрудняюсь ответить”. Ответы “скорее идентифицирую” и “полностью идентифицирую” были просуммированы по каждому варианту (рис. 3). В 2016–2020 гг. прослеживаются следующие тенденции:

1. Локальная, региональная и общенациональная идентичности являются первостепенной идентификацией для жителей Калининградской области. Таким образом, количество пророссийски настроенных респондентов существенно преобладает над “европейцами” и “космополитами”. При этом в 2020 г. произошло значительное сни-

³⁰ Жуковский И.И., Фидря Е.С. Указ. соч. С. 81.

³¹ Klemeshev A., Fidrya E., Fedorov G. Specific Kaliningrad character of the Russian identity. P. 49.

жение доминирующих территориальных идентичностей при одновременном росте степени восприятия себя в качестве гражданина мира.

2. В отличие от замеров приоритетной идентичности в 2001–2015 гг., опросы с оценкой множественной идентичности в 2016–2020 гг. показывают одинаково высокую значимость отождествления респондентов с Россией, Калининградской областью и городом (селом) своего проживания.

3. Европейская идентичность варьирует у 30–50% жителей региона, являясь наименее значимой среди предложенных вариантов.

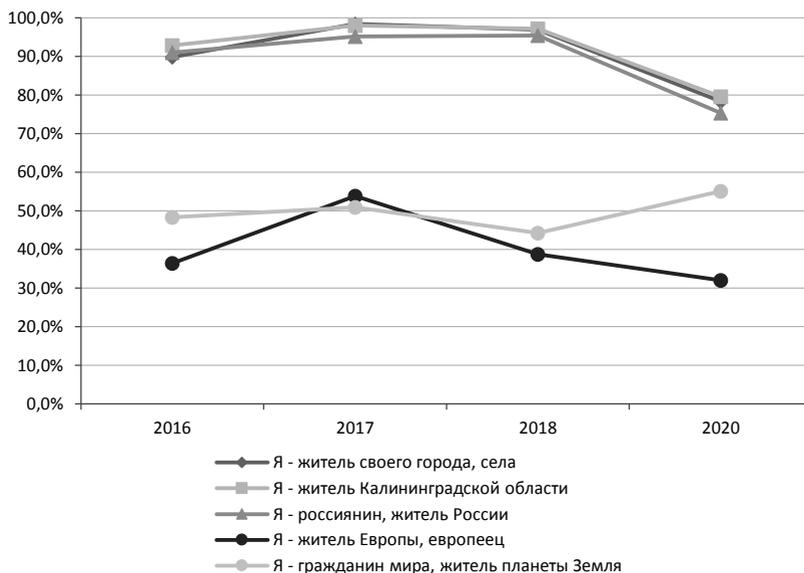

Рис. 3. Динамика социально-территориальной идентичности в 2016–2020 гг.

Примечательно, как коррелируют категории социально-территориальной идентификации друг с другом. Согласно корреляции, выполненной по методу Спирмена³², можно выделить два условных типа идентичности: пророссийскую и еврокосмополитичную (табл. 1). Пророссийский вариант самоопределения обусловлен сравнительно более высокой силой связи локальной, региональной и общенаци-

³² Тест Колмогорова-Смирнова показал распределение значений всех переменных, отличающееся от нормального при $p < 0,05$.

ональной идентификации друг с другом ($r \geq 0,540$) и низкой силой связи двух оставшихся категорий. Респондентам с еврокосмополитичной идентичностью, напротив, свойственна более сильная связь отождествления себя с жителем Европы и планеты Земля ($r \geq 0,265$), чем с российской территорией ($r \leq 0,086$).

Таблица 1

Корреляция категорий социально-территориальной идентификации друг с другом и с возрастом респондента

	Жителем того города, села, где живет сейчас	Жителем Калининградской области	Жителем России, гражданином РФ	Европейцем, жителем Европы	Гражданином мира, жителем планеты Земля
Жителем того города, села, где живет сейчас		0,805**	0,540**	0,010	0,086*
Жителем Калининградской области	0,805**		0,577**	0,018	0,080*
Жителем России, гражданином РФ	0,540**	0,577**		0,037	0,265**
Европейцем, жителем Европы	0,010	0,018	0,037		0,356**
Гражданином мира, жителем планеты Земля	0,086*	0,080*	0,265**	0,356**	
Количество полных лет	0,095**	0,099**	0,084*	-0,072*	-0,117**

** Корреляция значима на уровне 0,01, * Корреляция значима на уровне 0,05

Выделив в качестве дополнительной переменной возраст респондента, фиксируем слабую, но статистически достоверную положительную корреляцию с условно пророссийской идентичностью и отрицательную корреляцию с еврокосмополитичной идентификацией. Другими словами, чем старше житель Калининградской области, тем сильнее он ощущает себя жителем России, Калининградской области и того города или села, где сейчас проживает, и тем слабее воспринимает себя европейцем или гражданином мира.

Идеологический тип как фактор формирования территориальной идентичности и оценки административного статуса Калининградской области

Гипотеза о влиянии идеологического типа на восприятие административного статуса Калининградской области (H1a и H1b) не подтвердилась. Статистический анализ данных показывает, что все идеологические типы, за исключением либерал-демократов, хотели бы видеть Калининградскую область в качестве региона с особым экономическим статусом в составе РФ (табл. 2). Представители же либерал-демократов предпочитают делать выбор в пользу обычной области в составе Российской Федерации ($p=0,014$; $X^2=29,409$ при ст. св.=15). При этом среди сторонников рыночных принципов регулирования экономики зафиксировано преобладание сепаратистских настроений: примерно по 12–13% либерал-демократов и либерал-этатистов в качестве желаемого статуса региона выбрали независимое государство и регион в составе другого государства.

Гипотеза о влиянии идеологического типа на региональную идентичность подтвердилась частично. Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал наличие статистически достоверной связи только с локальной и космополитичной идентификациями

Таблица 2

Соотношение идеологических типов и желательного административного статуса Калининградской области (в %)

	Независимое государство	Республика в составе РФ	Обычная область в составе РФ	Регион в составе другого государства	Область с особым экономическим статусом в составе РФ	Затрудняюсь ответить
Социал-демократ	1,5	9,2	27,7	1,5	53,1	6,9
Социал-этатист	2,8	3,7	25,2	4,7	52,3	11,2
Либерал-демократ	5,7	9,3	34,3	7,1	32,9	10,7
Либерал-этатист	3,3	6,6	26,2	9,8	52,5	1,6

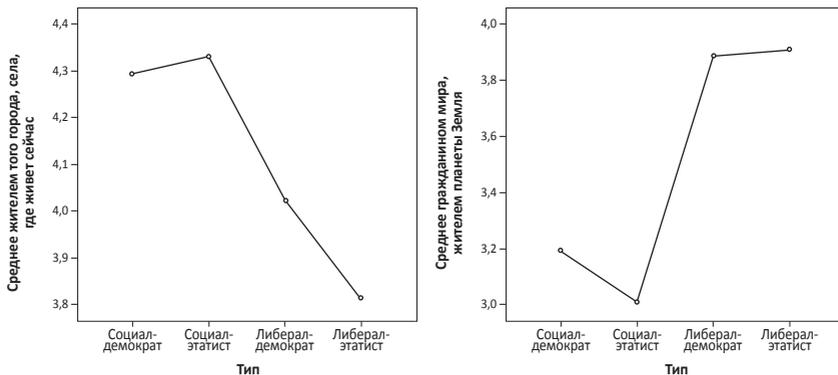

Рис. 4. Связь между идеологическим типом и региональной идентичностью

($p=0,012$; $F=3,721$ при ст.св.=3). Социал-демократы и социал-этноисты рассматривают себя преимущественно как жители того города или села, где сейчас проживают (рис. 4). Либерал-демократы и либерал-этноисты идентифицируют себя в большей степени как гражданином мира, жителем планеты Земля.

Интерпретация полученных результатов

Отвечая на первый поставленный исследовательский вопрос о том, наблюдаются ли значимые изменения в представлениях у жителей Калининградской области в отношении своей социально-территориальной идентичности, можно с уверенностью констатировать укрепление, сближение пророссийских вариантов идентификации и отдаление от еврокосмополитичных категорий. Более того, сила локальной, региональной и общенациональной сопричастности с возрастом только увеличивается.

В 2020 г. произошло сближение российской идентичности и варианта “я гражданин мира, житель планеты Земля”, что может быть объяснено сопричастностью глобальным вызовам в виде пандемии новой коронавирусной инфекции. Абсолютное большинство стран столкнулось с общей проблемой, были введены схожие запреты, ограничивающие привычный социальный порядок.

Ввиду смены исследовательской методики некорректно сравнивать все результаты, полученные в замерах за 2001–2015 и 2016–2020 гг. Тем не менее есть одно существенное отличие: начиная с 2016 г. региональная идентичность не только сопоставима с локальной и национальной, но и незначительно ее превосходит (рис. 2–3). Мы солидарны с мнением Л.М. Дробижевой о том, что усиление локальной идентичности является результатом деятельности региональных

элит³³. Инициативы властей и местных патриотических организаций находят отражение в следующих инфоповодах, доминировавших в СМИ в 2017–2018 гг.: экономически привлекательный регион, регион с развивающейся инфраструктурой и военный форпост России³⁴.

Что касается восприятия административного статуса собственного региона, то в 2016–2020 гг. не произошло значимых изменений: область с особым экономическим положением в составе Российской Федерации является наиболее привлекательным вариантом для большинства жителей Калининградской области. Мотивация получить экономические привилегии обусловлена решением первостепенных проблем Калининградской области, которые обозначили сами жители: рост цен на товары и услуги (59,1%), низкий уровень зарплат (45,2%), высокие тарифы на услуги ЖКХ (45,2%), а также низкий уровень пенсий, стипендий и пособий (45,2%)³⁵. В то же время в регионе произошло ослабление сепаратистских и крайне регионалистских (получение статуса республики) настроений в сравнении с настроениями начала XXI в. На наш взгляд, это связано с влиянием геополитического фактора — усилением напряженности между Россией и Западом, вылившимся в обоюдостороннее информационное противостояние. Его результатом стал рост патриотизма, сплочение перед лицом “внешнего врага” и как итог — усиление влияния про-российской ориентации среди жителей российского эксклава.

Идеологический тип респондента как фактор, определяющий установки относительно идентичности и статуса области, в целом не оказал значимого влияния. Во-первых, это свидетельствует о солидарности регионального общества в запросе на улучшение экономического положения. Во-вторых, обнаруженные различия между социалистами и либералами (типами, образованными экономической шкалой) в вопросе территориальной идентичности демонстрируют связь, прежде всего, с отношением респондента к степени государственного регулирования экономической сферы. Сторонники свободного рынка в большей степени ощущают себя частью глобального общества, не зависящего от государственно-территориальных границ. Напротив, приверженцы государственного

³³ Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях. С. 19.

³⁴ Щекотуров А.В., Винокуров В.В. Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014–2018 гг. // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2640> (дата обращения: 09.02.2021).

³⁵ Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Результаты социологического исследования “Жители Калининградской области о регионе и своей идентичности”. Калининград, 2021. С. 5.

участия в рыночных отношениях в большей степени определяют себя через город или село, в котором они проживают. В-третьих, разница в оценках идентичности и статуса области может быть обусловлена и другой ковариатой — местом жительства респондента. Доля либерал-демократов значительно выше в областном центре (74,3%), для которого традиционно более характерны космополитические настроения. Представители остальных типов примерно поровну проживают как в Калининграде, так и в малых городах и сельской местности.

Заключение

Выполнив поставленные задачи исследования и проверив гипотезы, мы приходим к выводу, что вопросы территориальной идентичности и административного статуса на протяжении последних лет не являются спорной темой для жителей региона. Зафиксирована стабильность в пророссийской ориентации. Тем не менее динамика ответов меняется в зависимости от сложившейся социально-экономической и политической конъюнктуры, а потому требует регулярного мониторинга и поиска сильных предикторов. В частности, наше предположение о связи с идеологическими установками лишь частично подтвердилось в исследовании. В качестве новых факторов можно выделить миграционный статус респондента, социальное положение, уровень дохода или образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов С.И., Сазин В.С. Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989–2015 гг. // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 32–50. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-3

Асташова О.И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2. С. 120–133.

Дементьев И.О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 104–112.

Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.

Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3 (15). С. 6–21.

Емельянова Л.Л., Радевич Е.Г. Формирование географического образа Калининграда и его использование в географической стратегии: по результатам социологического опроса горожан // Вестник Балтийского федерального

университета им. И. Канта. Серия: естественные и медицинские науки. 2020. № 3. С. 17–31.

Жуковский И.И., Фидря Е.С. Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2001–2016 гг. и факторы формирования предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 73–89.

Задорин И.В. Регионы “рубежа”: территориальная идентичность и восприятие “особости” // Полития. 2018. № 2. С. 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102–136

Калашиников К.Н., Будилов А.П. Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 519–525. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-12109

Клемешев А.П. Актуальные направления комплексных исследований региона Балтийского моря (по материалам публикаций в журнале “Балтийский регион”) // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 3. С. 7–14.

Кришталь М.И. Электоральная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 93–108.

Кришталь М.И., Щекотуров А.В., Зимовина Е.П. Геополитические и социокультурные компоненты образа Калининградской области в представлениях реформенного поколения и поколения миллениалов // Псковский регионало-гический журнал. 2019. № 4. С. 34–47.

Лихачева А.С. Государственные проекты по созданию коллективной памяти в России: имитация гражданского соучастия // Управление в современных системах. 2019. № 2. С. 23–27.

Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363

Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю. Территориальные особенности развития прибрежных микрорайонов Балтийского региона // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 137–150.

Щекотуров А.В., Винокуров В.В. Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014–2018 гг. // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2640> (дата обращения: 09.02.2021).

Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Результаты социологического исследования “Жители Калининградской области о регионе и своей идентичности”. Калининград, 2021.

REFERENCES

Abylkalikov S.I., Sazin V.S. Osnovnye itogi migratsionnykh protsessov v Kaliningradskoi oblasti po dannym perepisei i mikroperepisei 1989-2015 gg. [Main results of migration processes in Kaliningrad region according to censuses and micro-censuses 1989-2015] // Baltiiskii region. 2019. V. 11. N 2. P. 32–50. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-3 (in Russian).

Astashova O.I. Konstruirovaniye regional'noi identichnosti v mediadiskurse: opyt sravnitel'nogo analiza [Constructing Regional Identity in Media School: Experience of Comparative Analysis] // Politicheskaya lingvistika. 2020. N 2. P. 120–133 (in Russian).

Dement'ev I.O. Identichnost' i kollektivnaya pamyat' kaliningradtsev v zerkale sovremennykh pol'skikh issledovaniy [Identity and collective memory of Kaliningraders

in the mirror of modern Polish studies] // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. N 2. P. 104–112 (in Russian).

Drobizheva L.M. Obshcherossiiskaya identichnost' i uroven' mezhnatsional'nogo soglasiya kak otrazhenie vektora konsolidatsionnykh protsessov [All-Russian identity and level of interethnic harmony as a reflection of the vector of consolidation processes] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. N 1. P. 25–36 (in Russian).

Drobizheva L.M. Konsolidiruyushchaya identichnost' v obshcherossiiskom, regional'nom i etnicheskom izmereniyakh [Consolidating identity in all-Russian, regional and ethnic dimensions] // Perspektivy. Elektronnyi zhurna. 2018. N 3 (15). P. 6–21 (in Russian).

Emel'yanova L.L., Radevich E.G. Formirovanie geograficheskogo obraza Kaliningrada i ego ispol'zovanie v geograficheskoi strategii: po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa gorozhan [Formation of the geographical image of Kaliningrad and its use in geographical strategy: according to the results of a sociological survey of citizens] // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: estestvennye i meditsinskie nauki. 2020. N 3. P. 17–31 (in Russian).

Falck F., Marsteller J., Stoehr N., Maucher S., Ren J., Thalhammer A., Rettinger A., Studer R. Sentiment political compass: a data-driven analysis of online newspapers regarding political orientation // The Internet, Policy & Politics Conference. 2018. N 3.

Fedorov G.M., Kuznetsova T.Yu. Territorial'nye osobennosti razvitiya pribrezhnykh mikroraiionov Baltiiskogo regiona [Territorial features of development of coastal microdistricts of the Baltic region] // Ekonomika regiona. 2019. T. 15. N 1. P. 137–150 (in Russian).

Hadarics M. Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe // Europe's Journal of Psychology. 2017. N 13 (2). P. 336–351. DOI: 10.5964/ejop.v13i2.1334

Kalashnikov K.N., Budilov A.P. Kontury sotsiokul'turnoi samobytnosti zhitelei Kaliningradskoi oblasti [Contours of the socio-cultural identity of the inhabitants of the Kaliningrad region] // Epokha nauki. 2019. N 20. P. 519–525. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-12109 (in Russian).

Klimeshev A.P. Aktual'nye napravleniya kompleksnykh issledovaniy regiona Baltiiskogo morya (po materialam publikatsii v zhurnale "Baltiiskii region") [Topical areas of integrated research of the Baltic Sea region (based on publications in the journal Baltic Region)] // Baltiiskii region. 2016. T. 8. N 3. P. 7–14 (in Russian).

Klimeshev A., Fidrya E., Fedorov G. Specific Kaliningrad character of the Russian identity // Bulletin of Geography. Socio-Economic Series. 2017. N 38. P. 47–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2017-0033>

Krishtal' M.I. Elektoral'naya spetsifika Kaliningradskoi oblasti v usloviyakh eksklavnosti [The electoral specifics of the Kaliningrad region in the conditions of exclave] // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. N 2. P. 93–108 (in Russian).

Krishtal' M.I., Shchekoturov A.V., Zimovina E.P. Geopoliticheskie i sotsiokul'turnye komponenty obraza Kaliningradskoi oblasti v predstavleniyakh reformennogo pokoleniya i pokoleniya millenialov [Geopolitical and sociocultural components of the image of the Kaliningrad region in the representations of the reform generation and the generation of millennials] // Pskovskii regionologicheskii zhurnal. 2019. N 4. P. 34–47 (in Russian).

Likhacheva A.S. Gosudarstvennye proekty po sozdaniyu kollektivnoi pamyati v Rossii: imitatsiya grazhdanskogo souchastiya [State projects to create collective memory in Russia: imitation of civic complicity] // *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 2019. N 2. P. 23–27 (in Russian).

Nolan D. Classifying and analyzing politico-economic systems // *The Individualist*. 1971. N 1. P. 5–11.

Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust] // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2017. T. 23. N 3. P. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363 (in Russian).

Shchekoturov A.V., Krishtal' M.I. Rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya "Zhiteli Kaliningradskoi oblasti o regione i svoei identichnosti" [The results of a sociological study "Residents of the Kaliningrad region about the region and their identity"]. Kaliningrad, 2021 (in Russian).

Shchekoturov A.V., Vinokurov V.V. Forpost ili region mezhdunarodnogo sotrudnichestva: kak menyalis' obrazy Kaliningradskoi oblasti v rossiiskikh SMI v 2014–2018 gg. [Outpost or the region of international cooperation: how the images of the Kaliningrad region in the Russian media changed in 2014–2018] // *Mediascope*. 2020. N 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2640> (accessed: 09.02.2021) (in Russian).

Zadorin I.V. Regiony "rubezha": territorial'naya identichnost' i vospriyatie "osobosti" [Regions of the "frontier": territorial identity and perception of "personality"] // *Politiya*. 2018. N 2. P. 102–136. DOI 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102–136 (in Russian).

Zhukovskii I.I., Fidrya E.S. Vospriyatie zhitelyami Kaliningradskoi oblasti statusa regiona: dinamika v 2001–2016 gg. i faktory formirovaniya predpochtenii [Perception by residents of the Kaliningrad region of the status of the region: dynamics in 2001–2016 and factors of preference formation] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2016. N 6. P. 73–89 (in Russian).

Zieliński M.J. Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku: rozprawa doktorska. Warszawa, 2017.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-62-79

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСПИРАНТОВ ВУЗОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Т.Е. Зерчанинова, канд. социол. наук, доц., зав. кафедрой регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144*

И.С. Алаторцева, ст. преподаватель кафедры регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144**

В настоящее время обозначен новый этап реформирования аспирантуры как третьей ступени высшего образования. Все принимаемые государством меры направлены на увеличение числа защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по окончании аспирантуры. Однако процент выпускников аспирантуры, защитивших диссертации, неуклонно снижается каждый год. Цель исследования — выявить проблемы научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов России и предложить пути их решения. Для сбора данных использованы следующие методы: анализ официальных документов, онлайн-анкетирование и свободное интервью. В анкетировании приняло участие 386 аспирантов из 42 вузов России. В результате исследования выявлены основные проблемы научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов России: низкая результативность аспирантуры (в 2019 г. только 10,5% выпускников аспирантуры защитили диссертации); нехватка необходимых ресурсов (финансовых, материально-технических и т.п.) для проведения эмпирического исследования, эксперимента, особенно эта проблема актуальна для преподавателей технических специальностей; низкая публикационная активность аспирантов; недостаточное сопровождение научно-исследовательской деятельности аспирантов со стороны научного руководителя, выпускающей кафедры и других структур вуза; необходимость совмещать работу с аспирантурой; недостаточный уровень финансовой поддержки научно-исследовательской деятельности аспирантов со стороны государства и вуза; недостаток у аспирантов необходимых знаний, умений и навыков для осуществления научно-исследовательской деятельности и написания диссертации на соискание ученой степени кандидата наук; проблемы в организации образовательного процесса в аспирантуре. По результатам проведенного исследования сделаны предложения, которые могут способствовать решению выявленных проблем в сфере отбора

* Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, e-mail: zerchaninova-te@ranepa.ru

** Алаторцева Ирина Сергеевна, e-mail: planeta421993@mail.ru

аспирантов, развития образовательного компонента программ аспирантуры, государственной итоговой аттестации, публикационной активности и финансовой поддержки аспирантов.

Ключевые слова: аспирантура, аспиранты, диссертация, научно-исследовательская деятельность, гранты, научная статья.

RESEARCH ACTIVITIES OF GRADUATE STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Zerchaninova Tatiana E., Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Regional and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), March 8 st., 66, Ekaterinburg, Russian Federation, 620144, e-mail: zerchaninova-te@ranepa.ru

Alatorceva Irina S., Senior Lecturer of the Department of Regional and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), March 8 st., 66, Ekaterinburg, Russian Federation, 620144, e-mail: planeta421993@mail.ru

At present, a new stage of reforming postgraduate studies as the third stage of higher education has been identified. All measures taken by the state are aimed at increasing the number of defenses of dissertations for the degree of candidate of sciences at the end of graduate school. However, the percentage of PhD graduates who have defended their dissertations has been steadily declining every year. The purpose of the study is to identify the problems of research activities of graduate students of Russian universities and propose ways to solve them. The following methods were used to collect data: analysis of official documents, online survey and free interview. 386 postgraduate students from 42 Russian universities took part in the survey. As a result of the study, the main problems of research activities of postgraduate students of Russian universities were identified: low performance of postgraduate studies (in 2019, only 10,5% of graduate students defended their dissertations); lack of necessary resources (financial, material and technical, etc.) for conducting empirical research, experiment, this problem is especially relevant for representatives of technical specialties; low publication activity of graduate students; insufficient support of the research activities of graduate students by the scientific supervisor, the graduate department and other structures of the university; the need to combine work with graduate school; insufficient level of financial support for research activities of graduate students from the state and the university; lack of the necessary knowledge, skills and abilities among postgraduates to carry out research activities and write a dissertation for the degree of candidate of sciences; problems in the organization of the educational process in graduate school. Based on the results of the study, proposals were made that can contribute to solving the identified problems in the selection of graduate students, the development of the educational component of postgraduate programs, state final attestation, publication activity and financial support for graduate students.

Key words: postgraduate study, postgraduate students, dissertation, research activity, grants, scientific article.

Введение

Аспирантура сегодня рассматривается государством как главная “кузница” квалифицированных кадров для науки и образования России. В 2013 г. аспирантура стала третьей ступенью высшего образования. Произошло смещение основного содержания научно-образовательной деятельности аспирантов с подготовки диссертации на образовательную составляющую и выведение этапа защиты диссертации за рамки программы аспирантуры. И.В. Ершова и О.А. Тарасенко отмечают, что подобные изменения позволяют решать важную задачу аспирантуры — подготовку преподавателя¹. В.С. Сенашенко в свою очередь подчеркивает, что «происходит размывание основной целевой функции аспирантуры — “воспитание и обучение исследователя”»². Аспирант теперь на протяжении двух лет посещает лекционные и семинарские занятия, параллельно занимается научно-исследовательской деятельностью, на третьем году, как правило, к научно-исследовательской деятельности добавляются практики. По завершению обучения в аспирантуре выпускник получает диплом с присвоением квалификации “Исследователь. Преподаватель-исследователь”. Рассуждая о значимости диплома об окончании аспирантуры, В.В. Маркин, В.В. Воронов и Д. Илишко отмечают, что в соответствии с международными стандартами, “магистрант, защитивший научно-квалификационную работу по избранной специальности, получает первую научную степень (магистр), а обычный выпускник аспирантуры получает диплом без ученой степени”³. По факту больше половины аспирантов (учитывая процент защит) просто получают диплом об образовании, и сложно сказать с учетом существующей подготовки, отличается ли данный диплом от дипломов других ступеней высшего образования: “...сопоставительный анализ ФГОС магистратуры и аспирантуры показывает, что заявленные компетенции на этих двух уровнях высшего образования практически совпадают, из чего следует, что универсальные и общепрофессиональные компетенции аспиранта формируются на предыдущем уровне”⁴. Тем

¹ Ершова И.В., Тарасенко О.А. Подготовка кадров высшей квалификации в системе юридического образования: опыт социологического исследования // Lex Russica. 2017. № 7.

² Сенашенко В.С. Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии // Высшее образование в России. 2020. № 3.

³ Маркин В.В., Воронов В.В., Илишко Д. Инновации в подготовке научных кадров высшей квалификации: международный опыт и российские реалии (экспертное мнение) // Инноватика и экспертиза: Научные труды. 2019. Вып. 2 (27). С. 132.

⁴ Шестак В.П., Шестак Н.В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 73.

более что с дипломом об окончании аспирантуры они имеют те же профессиональные возможности в системе высшего образования, что и с дипломом об окончании магистратуры — работа в вузе в должности ассистента, а при наличии педагогического стажа — в должности старшего преподавателя. После такого длинного пути меньше половины аспирантов остается в секторах науки и образования. Снижение числа защит приводит к снижению численности молодых преподавателей и ученых. В науку и образование молодые ученые, как правило, “приходят” после получения ученой степени. Так, “более половины (60%) выпускников, имеющих ученую степень, трудятся в секторе науки и высшего образования”⁵. Значительное количество выпускников аспирантуры, не защитивших диссертацию, трудятся “в сфере услуг, промышленности и высокотехнологичном бизнесе”⁶. Также к недостаткам существующей системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре относят то, что “в новой модели не выявлена специфика аспирантуры как уровня образования, основанного на научной работе, результатом которой должна стать защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук”⁷. Б.И. Бедный и Е.В. Чупрунов отмечают, что необходимость прохождения государственной аккредитации программ аспирантуры акцентирует внимание вузов и экспертов на документах образовательной компоненты (РПД, ФОСы и т.д.).

Действительно, первые итоги выпусков “новой” аспирантуры по направлениям подготовки демонстрируют снижение ее эффективности. Несмотря на то что больше половины аспирантов успешно оканчивают аспирантуру (64,3%), главный показатель результативности аспирантуры, “удельный вес лиц, защитивших диссертации в общей численности выпускников”, продолжает ежегодно снижаться: в 2019 г. он достиг своего минимума по сравнению с предыдущими годами и составил 10,5%⁸.

Сегодня уже обозначена необходимость в проведении нового этапа институциональных изменений в аспирантуре. Стратегические приоритеты, связанные с усилением научной составляющей в подготовке аспирантов, обозначены в национальных проектах “Наука”

⁵ Бедный Б.И., Миронос А.А., Остапенко Л.А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. 2015. № 3. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 9–20.

⁸ Подготовка научных кадров в аспирантуре. URL: <https://issek.hse.ru/news/426486360.html> (дата обращения: 20.01.2021).

и “Образование”. Кроме этого, в декабре 2020 г. во втором чтении Государственная Дума приняла законопроект, который вводит обязательную предзащиту диссертации в аспирантуре и отменяет государственную аккредитацию программ аспирантуры⁹. В настоящий момент осуществляется разработка и принятие необходимых нормативно-правовых актов для реализации положений федерального закона, который вступит в силу уже с 1 сентября 2021 г.

Теоретические основы исследования

Проблемы функционирования новой модели аспирантуры в условиях происходящих реформ, в том числе особенности организации научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов рассматривали в своих работах Б.И. Бедный, А.В. Бодров, Е.Ю. Новикова, С.Д. Резник, Н.В. Рыбакова, В.С. Сенашенко, Н.Г. Попова, А.М. Марголин, Р.М. Мельников, Н.Н. Макаренко, Л.Н. Макарова, И.В. Налетова, П. Сакал, В.П. Шестак, Н.В. Шестак, В.В. Маркин, В.В. Воронов, Д. Илишко и др.

Научно-исследовательская деятельность является доминирующим видом научно-образовательной деятельности аспирантов и предполагает как минимум подготовку научно-квалификационной работы и написание научных статей по теме научно-квалификационной работы. Л.В. Санникова считает, что “аспирант должен за время обучения в аспирантуре не только углубить свои знания по избранной им научной специальности, но и овладеть приемами и навыками, необходимыми для осуществления им самостоятельной научной деятельности”¹⁰. Для этого аспиранту также необходимо принимать участие в научных мероприятиях (конференции, круглые столы и т.п.), в реализации научных проектов, только тогда он сможет понять сущностные характеристики научного исследования и применить их в дальнейшем для написания диссертации.

Написание и дальнейшая защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук должны выступать результатом научно-исследовательской деятельности аспирантов. Л.Ф. Красинская и А.С. Климова также отмечают по результатам своего исследования, что защита диссертации, необходимая для получения ученой степени, является доминирующим мотивом поступления в аспирантуру, на втором и третьем месте расположились желание заниматься наукой и карьерные соображения соответственно, на четвертом — возмож-

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/860618-7> (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁰ Маркин В.В., Воронов В.В., Илишко Д. Указ. соч.

ность повысить образовательный уровень и получить диплом об окончании аспирантуры¹¹.

Объектом нашего исследования являются аспиранты вузов, в которых сегодня обучается почти 90% аспирантов. Предмет исследования — проблемы научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов России. Цель исследования — выявить проблемы научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов России и предложить пути их решения.

Для выявления проблем, с которыми сталкиваются аспиранты вузов во время научно-исследовательской деятельности, авторами статьи в мае 2020 г. проведено эмпирическое социологическое исследование. Для сбора данных использовались следующие методы: анализ официальных документов, онлайн-анкетирование и свободное интервью. В анкетировании приняло участие 386 аспирантов из 42 вузов России.

Результаты исследования

Несмотря на то что защита кандидатской диссертации сегодня не является результатом обучения в аспирантуре, научно-квалификационная работа, подготовленная аспирантом, должна соответствовать требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации. В Постановлении Правительства РФ № 842 “О порядке присуждения ученых степеней” устанавливается порядок присуждения ученой степени кандидата наук, критерии, которым должны отвечать диссертации, порядок представления, защиты диссертаций и т.п. Результаты нашего исследования показали, что на первом курсе аспиранты не успевают основательно поработать даже над первой главой, большинство находятся в процессе теоретического анализа источников. О завершении работы над первой главой говорят только 47,4% обучающихся третьего курса и 56,3% обучающихся четвертого курса. Наш опрос проводился в мае 2020 г., государственная итоговая аттестация проводится у аспирантов в период с июня по октябрь, в зависимости от вуза. О готовности второй главы на время проведения опроса сообщает только треть аспирантов третьего курса и четвертого курса. У 18,9% аспирантов третьего курса и у 25% аспирантов четвертого курса не проведено диссертационное исследование, вероятно, поэтому и нет второй главы.

При ответе на вопрос “С какими трудностями Вы столкнулись во время написания текста кандидатской диссертации?” 27,2% аспиран-

¹¹ Красинская Л.Ф., Климова А.С. Аспирантура в ожидании перемен: насколько к ним готовы аспиранты и их научные руководители? // Высшее образование в России. 2020. № 3.

тов выбрали вариант ответа “Не имею возможности сделать эмпирическую часть диссертации (провести исследование из-за отсутствия необходимых ресурсов (финансовых, материально-технических и т.п.))” (занимает второе место после такого фактора, как отсутствие времени), особенно эта проблема актуальна для технических специальностей, для которых большое значение имеет опытно-экспериментальная работа. Так, это отметили 44,6% аспирантов направления подготовки “инженерное дело, технологии и технические науки”. Л.Ф. Красинская и А.С. Климова также подчеркивают, что во время опроса научных руководителей им задавался вопрос о трудностях, которые они испытывают в работе с аспирантами: “Оказалось, что наибольшие трудности связаны с нахождением базы для опытно-экспериментальной работы (28,1%), что важно для подготовки диссертаций по техническим специальностям”¹².

В рамках научно-исследовательской деятельности аспиранты обязательно должны заниматься написанием научных статей. Исследование НИУ ВШЭ показало, что третье место в числе трудностей, с которыми сталкиваются аспиранты ведущих вузов России во время обучения в аспирантуре после необходимости совмещать работу с учебой и отсутствием финансовой поддержки обучения, занимают трудности с подготовкой и публикацией статей в журналах из списка ВАК по теме своего диссертационного исследования (54%)¹³. Результаты нашего опроса показали, что 41,2% аспирантов в настоящее время не имеют опубликованной статьи в журнале ВАК, 19,2 — имеют одну статью, 15,1 — две, 10,1% — три.

Что касается публикаций в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования Scopus или WOS, то 58,3% аспирантов не имеют таких публикаций, 20,3 — имеют одну, 7,6 — две, 4,7% — три публикации.

Аспиранты активней всего публикуются в сборниках конференций и научных журналах, однако 19,9% пока не имеют таких публикаций.

Больше половины аспирантов принимают очное участие в научных мероприятиях независимо от формы обучения (так ответили 76,2% очников и 78,3% заочников). В целом аспиранты отдают предпочтение мероприятиям, которые проходят в их вузе (45,6%) или в городе, где расположен вуз (28%) (рис. 1).

¹² Красинская Л.Ф., Климова А.С. Указ. соч.

¹³ Бекова С.К., Груздев И.А., Джафарова З.И., Малошонок Н.Г., Терентьев Е.А. Портрет современного российского аспиранта. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Институт образования. М., 2017. С. 36.

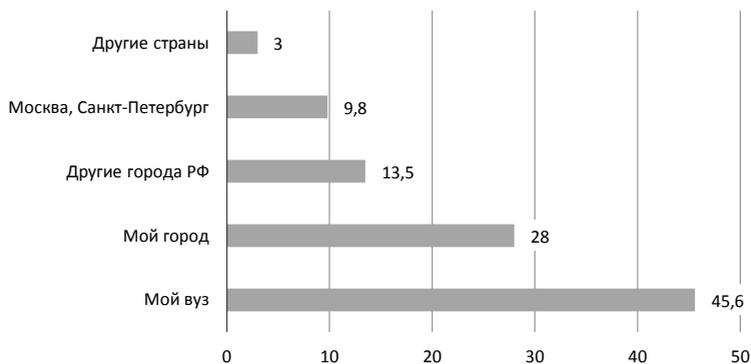

Рис. 1. “Где чаще всего проходят научные мероприятия, в которых Вы принимаете очное участие?”, %

К участию в грантах чаще других привлекаются аспиранты, представляющие точные и технические направления: “математические и естественные науки” (38,5%), “инженерное дело, технологии и технические науки” (31,8%) и гуманитарные науки (28%). Вероятно, это связано с тем, что в технических областях наиболее успешной считается командная работа, в которой аспиранты совместно работают над научно-техническим проектом наравне с прочими исследователями и с самим научным руководителем¹⁴. В связи с потребностью в кадрах для проведения опытно-экспериментальных работ привлекаются аспиранты. Распределение ответов аспирантов в зависимости от формы обучения представлено в табл. 1. Стоит обратить внимание, что аспиранты заочной формы не сильно уступают в активности аспирантам очной формы обучения. Заочники меньше привлекаются к участию в реализации грантов, однако, больше участвуют в написании учебных пособий и монографий.

Анализ вовлеченности аспирантов ведущих вузов России в научно-исследовательскую деятельность в зависимости от формы финансирования обучения показал, что “среди обучающихся на бюджетных местах больше доля тех, кто участвует в проектах в своем вузе, однако ниже доля участвующих во внешних проектах”¹⁵, соответственно среди тех, кто обучается на коммерческой основе, больше половины не принимают участия в научно-исследовательских проектах (рис. 2).

¹⁴ Вершинин И.В. Дискуссия об аспирантуре за рубежом: основные проблемы и тенденции // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 2.

¹⁵ Портрет современного российского аспиранта. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Институт образования. М., 2017. С. 26.

“На сегодняшний день Ваша научно-исследовательская деятельность включает в себя...” в зависимости от формы обучения, %

Варианты ответов	Форма обучения	
	Очная	Заочная
1. Участие в научных мероприятиях (конференции, круглые столы, конкурс научно-исследовательских работ и т.п.)	74,2	82,4
2. Написание научных статей	88,7	94,6
3. Участие в реализации грантов (РФФИ, Президентские гранты и т.п.)	29,0	14,9
4. Участие в написании учебных пособий, монографий и т.п.	16,8	21,6
5. Участие в проведение научных исследований по договорам с органами власти, коммерческими организациями и т.п.	16,1	9,5
6. Проведение теоретико-эмпирического исследования по теме кандидатской диссертации	51,3	37,8

Рис. 2. Участие аспирантов ведущих вузов России в научно-исследовательских проектах в зависимости от формы финансирования обучения, %

Некоторые аспиранты считают, что вуз не заинтересован в том, чтобы они завершили обучение с диссертацией. В целом 12,9% аспирантов в числе препятствий для реализации своего научного потенциала отметили “Отсутствие поддержки со стороны вуза в научно-исследовательской деятельности”, поддержки аспиранты ждут от администрации вуза, научного руководителя и кафедры, среди вариантов также отмечено “отсутствие единомышленников” и “отсутствие возможности общаться с другими учеными”:

1-й курс, инженерное дело, технологии и технические науки: “Не хватает крепкого научного сообщества/команды/содружества внутри кафедры или школы (департамента). Финансового обеспечения научного проекта. Вовлеченности научных центров и лабораторий в научную среду университета”.

2-й курс, гуманитарные науки: “Не хватает творческой группы с похожими темами (онлайн творческая группа/творческая группа в вузе)”.

Действительно, ученые сходятся во мнении, что несмотря на то что обучение аспирантуре предполагает большой объем самостоятельной работы аспиранта, подготовить диссертацию невозможно без серьезного участия научного руководителя и структур вуза.

Исследование НИУ ВШЭ показывает, что в числе наиболее весомых факторов, препятствующих обучению в аспирантуре и написанию текста кандидатской диссертации, на первом и втором местах среди трудностей находятся необходимость совмещать работу с аспирантурой (73%) и недостаточная финансовая поддержка обучения (67%). Основным доходом от научно-образовательной деятельности аспирантов является академическая стипендия (так ответили 64,9% аспирантов). П.А. Саскевич, Н.Г. Трапьянок, Б.И. Бедный, Н.В. Рыбаков, М.Б. Сапунов, И.А. Груздев, Е.А. Терентьев и др. отмечают в своих работах материальные трудности аспирантов в качестве отрицательных факторов, оказывающих влияние на подготовку научно-педагогических кадров в аспирантуре. Социологическое исследование И.А. Груздева и Е.А. Терентьева показало, что “78% аспирантов в среднем по университетам указали, что необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой препятствовала их обучению в аспирантуре”¹⁶. Во время нашего опроса мы задали аспирантам вопрос “Какие из указанных выплат Вы получали/получаете во время обучения в аспирантуре?” Распределение ответов представлено в табл. 2.

Стоит отметить, что больше всех гранты (РФФИ, Президентские и т.п.) получают представители направления подготовки “Математические и естественные науки” — 30,8%, для них гранты занимают второе место после академической стипендии. Также гранты получают представители гуманитарных наук — 17,6%. Меньше всех каких-либо выплат во время обучения в аспирантуре получают представители направления подготовки “Образование и педагогические науки”, 65,6% ответили, что ничего не получают.

¹⁶ Груздев И.А., Терентьев Е.А. Данные против мифов: результаты социологического исследования аспирантов ведущих вузов // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 95.

“Какие из указанных выплат Вы получали/ получаете во время обучения в аспирантуре?”, %

Варианты ответов	%
1. Академическая стипендия	68,7
2. Не получал (а) ничего	27,5
3. Гранты (РФФИ, Президентские гранты и т.п.)	11,7
4. Именные стипендии	4,9
5. Стипендия Правительства РФ	4,4
6. Стипендия Президента РФ	3,9
7. Стипендия Высшего должностного лица субъекта (Губернатора и т.п.)	3,4

Тем не менее для большинства аспирантов основным доходом в аспирантуре является академическая стипендия. Но в силу того, что в среднем она составляет 3000–4000 рублей в месяц, основным источником дохода сегодня является работа, этот вариант выбрали 78,5% аспирантов при ответе на вопрос “Укажите основной источник Вашего дохода на сегодня”. Для 10,3% аспирантов направления подготовки “математические и естественные науки” основным источником дохода является научно-исследовательская деятельность, для 17,9% — стипендия, т.е. около 30% (ранее 30,8% отмечали гранты) аспирантов живут на доходы от научно-образовательной деятельности. 18,9% аспирантов направления подготовки “инженерное дело, технологии и технические науки” отмечают стипендию в качестве основного дохода. Треть аспирантов отмечают, что их работа никак не связана с системой высшего образования или темой кандидатской диссертации.

Ученые отмечают, что новый законопроект не решает эту проблему: *“Но самая большая проблема заключается в том, что этот законопроект не отвечает на ключевой вызов: при существующем размере стипендии в несколько тысяч рублей у аспирантов нет никакой возможности сосредоточиться на исследовательской деятельности”*¹⁷.

Также к числу проблем научно-исследовательской деятельности аспирантов относится недостаток у аспирантов необходимых

¹⁷ Фрумин И. Аспирантам некогда заниматься наукой, и в этом кроется главная опасность. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/12/25/opinion/16085-isak_frumin_aspirantam_nekogda_zanimatsya_naukoj_i_v_etom_kroetsya_glavnaya_opasnost (дата обращения: 22.01.2021).

знаний, умений и навыков для осуществления научно-исследовательской деятельности. Каждый 10-й аспирант сам признает, что не обладает такими способностями. Ученые отмечают, что сегодня аспиранты не готовы к объему научно-исследовательской работы в аспирантуре и это проблема магистерской подготовки¹⁸. При этом каждый четвертый аспирант в принципе не имеет опыта научно-исследовательской работы до поступления в аспирантуру (24,4% ответили, что не занимались научно-исследовательской деятельностью до аспирантуры). Наибольший опыт в научно-исследовательской деятельности имеют представители направления подготовки “математические и естественные науки” (89,7%). Как отмечали сами аспиранты во время опроса, образовательная деятельность несмотря на заметное увеличение образовательной нагрузки не решает эту проблему. Так, при ответе на вопрос “На Ваш взгляд, какие сегодня существуют проблемы в организации образовательного процесса в аспирантуре?” 17,6% отметили “Ненужные дисциплины, непродуманные учебные планы, в результате чего отсутствует реальная взаимосвязь образовательной и научно-исследовательской деятельности, теории и практики”. Эта проблема находится на первом месте для аспирантов.

3-й курс, науки об обществе: “Большая теоретическая нагрузка для аспирантов. Очень мало обучающих дисциплин, связанных с подготовкой и защитой диссертации, написанием статей”.

В целом стоит отметить, что научно-исследовательская деятельность аспиранта сегодня больше похожа на НИС в магистратуре.

Заключение

По результатам исследования можно сделать некоторые предложения, которые могли бы способствовать решению выявленных проблем.

Для отбора кандидатов, поступающих в аспирантуру, кроме результатов вступительных экзаменов предлагается в качестве формальных критериев установить: наличие не менее двух статей в журналах РИНЦ (также поступающий должен быть зарегистрирован в системе elibrary); документальное подтверждение участия не менее чем в двух научно-практических конференциях.

Для развития образовательного компонента в программу аспирантуры предлагается включить учебные курсы по развитию академического письма и устной научной коммуникации. В некоторых

¹⁸ Сенашенко В., Сенаторова Н. Аспирантура как образовательная программа // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 58–66.

вузах уже сегодня существуют подобные дисциплины: “Научные коммуникации”, “Популяризация науки”, “Академическое письмо” и т.п., в рамках которых аспирантов знакомят с особенностями публикационного процесса, подготовки научных текстов на русском и других языках, особенностями научного стиля речи и публичной презентации результатов своего исследования.

Образовательный компонент должен найти отражение в итоговой аттестации, которая должна предусматривать оценку компетенций аспиранта в рамках двух траекторий его дальнейшей профессиональной деятельности: педагогической и научно-исследовательской. Также стоит отметить, что сама по себе итоговая аттестация и защита научного доклада — мера эффективная (как контрольная точка для поддержки дисциплины аспиранта во время работы над текстом диссертации), но не совсем своевременная. С этой точки зрения интересен опыт Гарвардского университета, где аспиранты на третьем году обучения сдают основной экзамен (General Examination), который состоит из трех частей: первые две части направлены на проверку знаний учебных курсов, которые аспирант проходил в первые два года обучения, “в третьей части экзамена аспирант представляет членам комиссии макет диссертации, построенный в виде развернутого плана с доказательствами положений, которые выносятся на защиту”¹⁹. После чего у аспиранта есть еще минимум год для завершения работы над текстом диссертации.

Также стоит обратить внимание на проект “академической магистратуры”, который в своей работе описывают Б.И. Бедный и О.А. Кузенков²⁰. Речь идет о двухуровневых программах “2+4” для тех, кто желает построить академическую карьеру и/или профессионально заниматься научно-исследовательской деятельностью. Иными словами, происходит институциональное объединение магистратуры и аспирантуры, которое обеспечивается одними и теми же административными и научно-исследовательскими структурами вуза. Например, большая часть учебных дисциплин осваивается обучающимися в рамках магистерской подготовки. В аспирантуре, по задумке авторов, аспиранты продолжают изучать иностранный язык и посещать курсы по выбору. Разумеется, в рамках аспирантской подготовки особое внимание уделяется проведению научных

¹⁹ *Мироненко Е.С.* Современные тенденции в развитии аспирантуры в контексте зарубежного и российского опыта // Вопросы территориального развития. 2017. № 2.

²⁰ *Бедный Б.И., Кузенков О.А.* Интегрированные образовательные программы “Академическая магистратура — аспирантура” // Высшее образование в России. 2016. № 5.

исследований. Только в таком случае авторы рассматривают возможность закрепления защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в качестве результата обучения в аспирантуре.

Что касается финансовой поддержки аспирантов, то здесь интересен опыт РУДН, о котором рассказал в своем интервью ректор РУДН Владимир Филиппов: “Мы в РУДН ввели аспирантуру полного дня. На конкурсной основе мы отобрали 68 аспирантов, которым платим дополнительно по 45000 рублей в месяц каждому. Поскольку мы предоставляем еще общежитие, этого, как правило, на достойную жизнь хватает”²¹. Действительно, финансовые проблемы аспирантов могут быть решены вузом. Например, вуз может устанавливать надбавки к стипендии аспирантов за успехи в научно-исследовательской деятельности; привлекать аспиранта к участию в заказных научных исследованиях или исследованиях, которые получили государственную поддержку в форме гранта. Говоря о решении финансовых проблем аспирантов, стоит отметить, что трудоустройство аспирантов в вуз и вовлечение их в научно-исследовательские проекты оценивается ведущими учеными как одна из самых эффективных стратегий решения финансовых проблем, отмечается также тот факт, что в таком случае работа и учеба не выступают конкурирующими видами деятельности аспиранта, а дополняют друг друга: “Работа в качестве ассистента в исследовательском проекте оказывает на показатели защищаемости более сильное влияние по сравнению с другими видами финансовой поддержки аспирантов”²².

Государство в свою очередь может предоставлять грант на обучение в аспирантуре. Здесь уже более реально ставить вопрос об ответственности аспиранта за результат своей научно-образовательной деятельности (целевое обучение). Возможно, целесообразней устанавливать гранты на проведение научных исследований для научных руководителей аспирантов. Подобный механизм описан в рамках концепции “диссертантуры”²³.

Результаты исследований показывают, что одной из самых эффективных мер также является трудоустройство аспирантов в вуз и вовлечение их в научно-исследовательские проекты: “Данная практика не только позволяет обеспечить аспирантам определенный доход,

²¹ Третья ступень. Интервью главы ВАКа об аспирантуре. URL: <https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6821282> (дата обращения: 24.12.2020).

²² *Ampaw F.D., Jaeger A.J.* Completing the three stages of doctoral education: an event history analysis // *Research in Higher Education*. 2012. Vol. 53. N 6. P. 640–660.

²³ *Лягушкина Е.А.* Сравнительный анализ действующей модели аспирантуры и проекта концепции “диссертантура” // *Образовательные технологии*. 2016. № 4.

но и способствует их профессиональной социализации, получению опыта реализации исследовательских проектов, сбору данных для написания диссертации”²⁴.

Молодой перспективный исследователь, согласно паспорту национального проекта “Наука”, это “исследователь в возрасте до 39 лет, имеющий ученую степень и за последние 3 года не менее 2 статей в изданиях, индексируемых в международных базах данных, или не менее 2 патентов на изобретение в Российской Федерации или за рубежом”²⁵. Таким видит будущего ученого государство. Чтобы быть “перспективным” аспиранту необходимо в рамках научно-исследовательской деятельности подготовить минимум три статьи, две из них в журналах, входящих в перечень ВАК, и одну — в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования Scopus или WOS. Это наиболее оптимальный вариант, который позволит аспиранту после завершения работы над текстом диссертации сразу подать документы в диссертационный совет.

Особого внимания заслуживает апробация результатов исследования на научных мероприятиях. Наличие опыта участия соискателя в научно-практических конференциях, симпозиумах и круглых столах также должно быть обязательным требованием к соискателям ученых степеней; так, для научно-исследовательской деятельности предлагается установить обязательное очное участие аспиранта в научных мероприятиях, не менее одного за первый год обучения и не менее пяти в течение последующих трех лет.

Перечисленные меры направлены на решение наиболее важных проблем, с которыми аспиранты сталкиваются во время научно-исследовательской деятельности. Сейчас наступает очередной этап реформирования аспирантуры, ожидается разработка новых документов и тем самым институциональное закрепление новых формальных правил для вузов и аспирантов. Самое главное, чтобы институциональные изменения были связаны не только с результатом всего обучения в аспирантуре, а наряду с этим предусматривали совершенствование самого процесса обучения в аспирантуре и способствовали решению наиболее актуальных проблем всей системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре.

²⁴ *Лягушкина Е.А.* Указ. соч.

²⁵ Паспорт национального проекта “Наука”. URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бедный Б.И., Кузенков О.А. Интегрированные образовательные программы “Академическая магистратура — аспирантура” // Высшее образование в России. 2016. № 5.

Бедный Б.И., Миронос А.А., Остапенко Л.А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. 2015. № 3.

Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3.

Бекова С.К., Груздев И.А., Джафарова З.И., Малошонок Н.Г., Терентьев Е.А. Портрет современного российского аспиранта. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Институт образования. М., 2017.

Вершинин И.В. Дискуссия об аспирантуре за рубежом: основные проблемы и тенденции // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 2.

Груздев И.А., Терентьев Е.А. Данные против мифов: результаты социологического исследования аспирантов ведущих вузов // Высшее образование в России. 2017. № 7.

Ершова И.В., Тарасенко О.А. Подготовка кадров высшей квалификации в системе юридического образования: опыт социологического исследования // Lex Russica. 2017. № 7.

Красинская Л.Ф., Климова А.С. Аспирантура в ожидании перемен: насколько к ним готовы аспиранты и их научные руководители? // Высшее образование в России. 2020. № 3.

Лягушкина Е.А. Сравнительный анализ действующей модели аспирантуры и проекта концепции “диссертантура” // Образовательные технологии. 2016. № 4.

Маркин В.В., Воронов В.В., Илишко Д. Инновации в подготовке научных кадров высшей квалификации: международный опыт и российские реалии (экспертное мнение) // Инноватика и экспертиза: Научные труды. 2019. Вып. 2.

Мироненко Е.С. Современные тенденции в развитии аспирантуры в контексте зарубежного и российского опыта // Вопросы территориального развития. 2017. № 2.

О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/860618-7> (дата обращения: 21.01.2021).

Паспорт национального проекта “Наука”. URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbbpUSwO8y.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

Подготовка научных кадров в аспирантуре. URL: <https://issek.hse.ru/news/426486360.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Санникова Л.В. Научно-исследовательская деятельность как основной вид деятельности аспиранта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4.

Сенашенко В.С. Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии // Высшее образование в России. 2020. № 3.

Сенашенко В., Сенаторова Н. Аспирантура как образовательная программа // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 58–66.

Третья ступень. Интервью главы ВАКа об аспирантуре. URL: <https://tass.ru/yu-di-i-veschi/6821282> (дата обращения: 24.12.2020).

Фруммин И. Аспирантам некогда заниматься наукой, и в этом кроется главная опасность. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/12/25/opinion/16085-isak_frumin_

aspirantam_nekogda_zanimatsya_naukoy_i_v_etom_kroetsya_glavnaya_opasnost (дата обращения: 22.01.2021).

Шестак В.П., Шестак Н.В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. 2015. № 12.

REFERENCES

Ampaw F.D., Jaeger A.J. Completing the three stages of doctoral education: an event history analysis // Research in Higher Education. 2012. Vol. 53. N 6. P. 640–660.

Bedny B.I., Chuprunov E.V. Sovremennaya rossiiskaya aspirantura: aktual'nye napravleniya razvitiya [Modern Russian postgraduate study: current directions of development] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. Vol. 28. N 3 (in Russian).

Bedny B.I., Kuzenkov O.A. Integrirovannye obrazovatel'nye programmy "Akademicheskaya magistratura — aspirantura" [Integrated educational programs "Academic magistracy — postgraduate studies"] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. N 5 (in Russian).

Bedny B.I., Mironos A.A., Ostapenko L.A. Professional'naya zanyatost' vypusnikov aspirantury i napravleniya sovershenstvovaniya aspirantskikh programm [Professional employment of graduate students and directions for improving postgraduate programs] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. N 3 (in Russian).

Bekova S.K., Gruzdev I.A., Jafarova Z.I., Maloshonok N.G., Terentyev E.A. Portret sovremennogo rossiiskogo aspiranta [Portrait of a modern Russian graduate student]. National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. M., 2017 (in Russian).

Ershova I.V., Tarasenko O.A. Podgotovka kadrov vysshei kvalifikatsii v sisteme yuridicheskogo obrazovaniya: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Training of highly qualified personnel in the system of legal education: the experience of sociological research] // Lex Russica. 2017. N 7 (in Russian).

Frumin I. Aspirantam nekogda zanimat'sya naukoj, i v etom kroetsya glavnaya opasnost' [Graduate students have no time to engage in science, and this is the main danger]. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/12/25/opinion/16085-isak_frumin_aspirantam_nekogda_zanimatsya_naukoy_i_v_etom_kroetsya_glavnaya_opasnost (accessed: 22.01.2021) (in Russian).

Gruzdev I.A., Terent'ev E.A. Dannye protiv mifov: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya aspirantov vedushchikh vuzov [Data against myths: the results of a sociological study of graduate students of leading universities] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2017. N 7 (in Russian).

Krasinskaya L.F., Klimova A.S. Aspirantura v ozhidanii peremen: naskol'ko k nim gotovy aspiranty i ikh nauchnye rukovoditeli? [Postgraduate studies in anticipation of changes: to what extent are graduate students and their supervisors ready for them?] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. N 3 (in Russian).

Lyagushkina E.A. Sravnitel'nyi analiz deistvuyushchei modeli aspirantury i proekta kontseptsii "dissertantura" [Comparative analysis of the current model of graduate school and the draft concept of "dissertation"] // Obrazovatel'nye tekhnologii. 2016. N 4 (in Russian).

Markin V.V., Voronov V.V., Ilishko D. Innovatsii v podgotovke nauchnykh kadrov vysshei kvalifikatsii: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie realii (ekspertnoe mnenie) [Innovations in the training of highly qualified scientific personnel: international experience and Russian realities (expert opinion)] // Innovatika i ekspertiza: Nauchnye trudy. 2019. Iss. 2 (in Russian).

Mironenko E.S. Sovremennye tendentsii v razvitii aspirantury v kontekste zarubeznogo i rossiiskogo opyta [Modern trends in the development of postgraduate studies in the context of foreign and Russian experience] // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2017. N 2 (in Russian).

О внесении изменений в Федеральны закон “Об образовании в Россиiskoi Federatsii” i otdeľnye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/860618-7> (accessed: 21.01.2021) (in Russian).

Passport natsional'nogo proekta “Nauka” [Passport of the national project “Science”]. URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf> (accessed: 14.01.2021) (in Russian).

Podgotovka nauchnykh kadrov v aspiranture [Training of scientific personnel in graduate school]. URL: <https://issek.hse.ru/news/426486360.html> (accessed: 20.01.2021) (in Russian).

Sannikova L.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' kak osnovnoi vid deyatel'nosti aspiranta [Research activity as the main activity of a graduate student] // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2014. N 4 (in Russian).

Senashenko V.S. Osobennosti reformirovaniya otechestvennoi aspirantury kak predmet diskussii [Features of reforming domestic postgraduate studies as a subject of discussion] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. N 3 (in Russian).

Senashenko V., Senatorova N. Aspirantura kak obrazovatel'naya programma [Postgraduate studies as an educational program] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2001. N 3 (in Russian).

Shestak V.P., Shestak N.V. Aspirantura kak tretii uroven' vysshego obrazovaniya: diskursivnoe pole [Postgraduate studies as the third level of higher education: a discursive field] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. N 12 (in Russian).

Tret'ya stupen'. Interv'y u glavy VAKa ob aspiranture [Third step. Interview of the head of the Higher Attestation Commission about graduate school]. URL: <https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6821282> (accessed: 24.12.2020) (in Russian).

Vershinin I.V. Diskussiya ob aspiranture za rubezhom: osnovnye problemy i tendentsii [Discussion about postgraduate study abroad: main problems and tendencies] // Upravlenie naukoj i naukometriya. 2016. N 2 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-80-103

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация*

Согласно подавляющему большинству исследований здоровье как ценность занимает лидирующие позиции в системе жизненных ценностей населения. Здоровье является основанием, на котором базируется счастливая жизнь и самореализация индивида, а его нехватка налагает серьезные ограничения на возможности индивидуального и социального функционирования. В условиях пандемии COVID-19, когда все население мира столкнулось с тем, что собственное здоровье и здоровье близких оказалось под угрозой, задумываться о ценности здоровья и жизни стали еще больше.

Сегодня в России можно наблюдать противоречие между высокой значимостью здоровья на уровне ценностного сознания и реальным поведением по его сохранению. Уровень информированности населения о различных сторонах своего собственного здоровья и здоровом образе жизни низок, а в повседневной практике сформировалась культура скорее нездоровья, нежели здоровья. Население недооценивает значимость поведенческих факторов риска, особенно это касается той его части, образ жизни которой далек от здорового.

В статье на базе анализа литературы и новейших статистических данных предпринята попытка осмысления вышеописанного противоречия, анализируются его причины и последствия. Делается вывод о том, что формирование самосохранительной идеологии, воспитание культуры здоровья и “переформатирование” системы ценностей таким образом, чтобы ценность здоровья стала более реальной и воплощалась в определенных стратегиях здоровьесберегающего поведения, являются одними из самых главных задач, стоящих сегодня перед государством и обществом.

Методологической основой работы является “Межрегиональное социолого-демографическое исследование ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019)”, проведенное кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2018–2019 гг. и дополненное данными Фонда “Общественное мнение”, Всероссийского центра изучения общественного мнения, Росстата и ВОЗ.

Ключевые слова: *ценность здоровья, поведенческие практики здоровья, здоровый образ жизни, продолжительность здоровой жизни, удовлетворенность здоровьем.*

*Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

HEALTH AS A VALUE AND A RESULT OF ACTIVITY: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

According to multiple studies, health holds a key place in the system of life values. Health is the foundation of a happy life and self-realization of the individual. The lack of health bring in serious restrictions on the possibilities of normal life functioning. In the context of the COVID-19 pandemic, when the entire global population faces risks to their health, values of health and life become ever more important.

In contemporary Russia there is a contradiction between the high importance of health and the real behavior aimed at preserving it. The level of awareness of the population about various aspects of their own health and healthy lifestyle is low. The population underestimates the importance of behavioral risk factors, especially those whose lifestyle is far from healthy.

The article is based on the analysis of the literature and the latest statistical data. It makes an attempt to comprehend the above-described contradiction, its causes and consequences. It is concluded that the formation of a self-preserving ideology, education of a culture of health and “reload” of the value system in such a way that the value of health becomes more real and is embodied in certain strategies of health-preserving behavior is one of the main tasks facing the state and society today.

The methodological basis of the work is the study of the Department of Sociology of Family and Demography of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University “Interregional sociological and demographic study of the values of family and children lifestyle (SEDOZH-2019)” conducted in 2018–2019 and supplemented by data from the Public Opinion Foundation, the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, Rosstat and WHO.

Key words: *value of health, health practices, healthy lifestyle, healthy life expectancy, health satisfaction.*

Проблема здоровья как фундаментального права и особой ценности¹ является одной из самых актуальных и сложных, требующих теоретического и методологического осмысления. Для России данная тема особенно злободневна, так как несмотря на некоторые успехи наша страна все еще серьезно отстает по показателям здоровья от развитых стран мира. Ожидаемая продолжительность жизни россиянина по данным 2019 г. составляет 73,34 года², что примерно на 8 лет меньше, чем в ЕС–28³. Безусловно, говоря о здоровье населения,

¹ См., например: Constitution of the World Health Organization. URL: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf (accessed: 10.01.2021).

² Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Life expectancy by age and sex // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_mlexpec&lang=en (accessed: 03.01.2021).

неверно делать акцент лишь на этом количественном показателе, поскольку «с точки зрения социально ответственного подхода вопрос должен ставиться не просто об абстрактном увеличении продолжительности жизни, а об увеличении “здоровой продолжительности жизни” подавляющего большинства населения»⁴. Продолжительность здоровой жизни в России — 64,2 года⁵, это 97-е место из 183-х, и наименьшая величина показателя среди европейских стран⁶, а от лидера рейтинга, Японии, мы отстаем почти на 10 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

**Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ)
в некоторых странах мира, лет, 2019**

Место в рейтинге	Страна	ОПЗЖ
1	Япония	74,1
7	Франция	72,1
23	Германия	70,9
39	Польша	68,7
69	США	66,1
85	Казахстан	65,0
97	Россия	64,2
101	Тонга	64,0
122	Непал	61,3
183	Лесото	44,2

Построено по данным: Healthy life expectancy (HALE). URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en#>

При всей важности темы здоровья и несмотря на многовековую историю ее изучения⁷ дать исчерпывающее определение понятию

⁴ Осипова Н.Г. Социальная дилемма продолжительности жизни: “дожитие” или полноценная жизнь? // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов. III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием / Под общ. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

⁵ Healthy life expectancy (HALE). URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en#> (accessed: 03.01.2021).

⁶ В России выявили самую низкую продолжительность здоровой жизни в Европе // РБК. URL: [https://www.rbc.ru/society/17/10/2020/5f8ae89a9a7947393b372b66](https://www.rbc.ru/society/17/10/2020/5f8ae89a9a7947393b372b66https://www.rbc.ru/society/17/10/2020/5f8ae89a9a7947393b372b66) (дата обращения: 03.01.2021).

⁷ См. об этом, например: Лебедева-Несевря Н.А. Социология здоровья: Учеб. пособие для студ. вузов. Пермь, 2011; Калью П.И. Сущностная характеристика понятия “здоровье” и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988.

“здоровье” крайне сложно. В настоящее время в научной литературе появляется все больше и больше новых определений, некоторые авторы насчитывают около 300 дефиниций понятия “здоровье”⁸, которые отражают авторские концепции и попытки сформулировать наиболее полное и адекватное определение. Учитывая сложность и многогранность понятия “здоровье”, видимо, это далеко не предел, однако однозначного, приемлемого для всех определения здоровья сегодня не существует.

Наиболее известным и цитируемым является определение Всемирной организации здравоохранения: “...здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов”⁹. Однако в России и в мире сегодня идет активная дискуссия о том, что определение ВОЗ не отвечает вызовам времени и необходимо разработать новое определение, которое включало бы в себя в том числе динамичную составляющую здоровья и подчеркивало бы зависимость здоровья от возрастных, культурных и персональных особенностей¹⁰.

На человеческое здоровье оказывают влияние очень многие факторы, при этом оно, с одной стороны, зависит от “уровня благополучия социальной структуры общества”¹¹, а с другой — человек все больше становится субъектом собственного здоровья, т.е. оно является результатом деятельности индивида, “благом, полученным собственными усилиями, трудом”¹².

Эпидемии на протяжении тысячелетий уносили жизни людей, вносили серьезные коррективы в экономику, мораль, обычаи и т.д., но к ХХI в. сформировалась иллюзия защищенности, которая была разрушена новым коронавирусом, охватившим всю планету. Каждый

⁸ *Матрос Л.Г.* Социальные аспекты проблемы здоровья / Отв. ред. Ю.И. Бородин. Новосибирск. 1992; См., также: *Рагимова О.А.* Теоретические основы определения понятия здоровья // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 3; *Калью П.И.* Указ. соч.

⁹ Устав ВОЗ // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 03.01.2021).

¹⁰ Общественное здоровье и экономика / Под ред. Б.Б. Прохорова. М., 2007; *Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Калашиников К.Н., Морев М.В., Кондакова Н.А.* Здоровье и здравоохранение. Вологда, 2014; *Лебедева-Несевря Н.А.* Указ. соч.; *Bircher J.* Towards a dynamic definition of health and disease // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2005. N 8 (3); *Saracci R.* The World Health Organisation needs to reconsider its definition of health // *The BMJ (British Medical Journal)*. 1997. N 314.

¹¹ *Кашапов Ф.А., Терентьев О.В., Цейслер В.Э.* Здоровье как ценность: культура и биоэтика // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24 (96).

¹² Там же.

человек столкнулся с тем, что его собственное здоровье и здоровье его близких оказались под угрозой, люди начали еще больше задумываться о ценности здоровья и жизни. Уже в первом квартале 2020 г. социологические опросы фиксировали рост беспокойства по поводу здоровья как в России, так и по всему миру¹³. Что касается конкретно нашей страны, то, по мнению некоторых экспертов, трансформировались и повседневные практики заботы о здоровье, в частности люди стали больше заниматься спортом и теперь реже соглашались с утверждением о том, что “из-за напряженного образа жизни я плохо слежу за своим здоровьем” (33%, против 39% в первом квартале 2019 г. (Ipsos))¹⁴. COVID-19 выступил катализатором увеличения запроса на здоровьесохраняющие технологии, тем самым “жаренным петухом”, который “клянул” русского человека, и он начал заниматься спортом и придерживаться более здорового образа жизни. Однако высказывается и другое мнение, что никаких значительных положительных изменений в трансформацию социальных практик коронавируса не внес, “декларируемая ценность здоровья среди россиян всегда была очень высокой” и динамика этой оценки относительно прошлых лет стабильная¹⁵.

Абсолютное большинство современных социологических исследований подтверждает тот факт, что здоровье как декларируемая ценность находится на первом месте. Опрос ВЦИОМ, проведенный в 2020 г., показал, что люди считают, что здоровье (24%) наряду с семьей и благополучием близких (34%) является главной причиной того, почему они чувствуют себя счастливыми¹⁶. Среди респондентов с очень хорошим здоровьем доля счастливых 82%, а доля счастливых среди тех, кто оценивает свое здоровье как очень плохое, — 17%, т.е. почти в пять раз меньше¹⁷. 77% опрошенных желают своим детям и внукам прежде всего крепкого здоровья¹⁸, состояние собственного здоровья и здоровья членов семьи важно и “скорее важно” для 99%

¹³ Разговор о человеке и его отношении к здоровью в пандемических тонах // К-беседы. ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-cheloveke-i-ego-otnoshenii-k-zdorovyu-v-pandemicheskikh-tonah> (дата обращения: 08.01.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Индекс счастья–2020 // Сайт ВЦИОМ. 2020.16.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-2020> (дата обращения: 03.01.2021).

¹⁷ Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1 (цит. по: Бояк Т.Н. Здоровье как ценность // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 9).

¹⁸ Быть здоровым и верить в завтра // Сайт Левада-Центр. 2013.18.03. URL: <http://www.levada.ru/2013/03/18/byt-zdorovym-i-verit-v-zavtra/> (дата обращения: 30.12.2020).

респондентов¹⁹. Судя по данным опросов ВЦИОМ, такая ценность, как “здоровье”, много лет стабильно занимает первое место среди жизненных приоритетов россиян, вслед за здоровьем идут отношения в семье, безопасность своя и членов семьи²⁰.

По данным проведенного кафедрой социологии семьи и демографии “Межрегионального исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных” (СеДОЖ), респонденты также считают здоровье одной из главных жизненных ценностей²¹. При ранжировании набора из 15 ценностей по степени важности каждой из них для себя 46,4% поставили здоровье на первое место (47,7% женщин и 45,2% мужчин). Средний ранг ценности “здоровье для себя” — 2,9²². Этот показатель может хоть как-то конкурировать только с ценностью “семья” — 3,7. Следующая группа ценностей существенно отстает от первых двух со средними значениями рангов не меньше 6,5. Еще более значимой ценность здоровья становится, если речь идет о здоровье детей. При ответе на вопрос “Что должны, на Ваш взгляд, наиболее сильно ценить Ваши дети?” 61,5% респондентов называют здоровье (средний ранг ценности “здоровье для детей” — 2,4)²³. Подробные, проранжированные по столбцу “по выборке в целом” данные о жизненных ценностях респондентов представлены в табл. 2.

Парный анализ показывает (в исследовании был проведен одновременный опрос супругов, что дало возможность сопоставлять ответы мужей и жен и брать за единицу анализа семью, а не только индивида), что родители чаще всего солидарны в том, что дети должны ценить и беречь свое здоровье, и хотя в 18,7% случаев хотя бы один из супругов не вносит здоровье в тройку ценностей-

¹⁹ Источник: Здоровье, безопасность, семья и работа // Сайт ВЦИОМ. 2020.14.10. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota> (дата обращения: 30.12.2020).

²⁰ Источник: Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // Сайт ВЦИОМ. 2017.07.06. URL: <https://wciom.ru>; Здоровье, безопасность, семья и работа.

²¹ Исследование проводилось в 2018–2019 гг. среди горожан нескольких регионов РФ: в Москве и Московской области, Краснодарском крае, Владимирской и Курской областях, Свердловской области и Республике Башкортостан. Метод — анкетирование семейных пар. Объем выборки — 2489 человек.

²² Примечание: Здесь и далее чем меньше ранг, тем выше место в рейтинге жизненных ценностей.

²³ См.: Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

Иерархия жизненных ценностей респондентов, ранг

Место в иерархии	Жизненная ценность	Ранг		
		По выборке в целом	Мужчины	Женщины
1	Здоровье “для себя”	2,9	3,0	2,8
	Здоровье “для детей”	2,4	2,4	2,3
2	Семья, дети, заботливые близкие	3,7	3,8	3,5
3	Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души	6,6	7,0	6,2
4	Материальное благополучие, заработок, достаток	6,9	6,9	6,9
5	Интересная работа	6,9	6,9	7,0
6	Свобода и самостоятельность в жизни	7,3	7,0	7,6
7	Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества	8,0	8,0	8,0
8	Спокойная, безопасная жизнь	8,0	8,4	7,7
9	Верные и надежные друзья, общение	8,4	8,5	8,2
10	Возможность путешествовать, ездить без ограничений	8,6	8,8	8,3
11	Уважение, благодарность других людей	8,8	8,7	8,9
12	Физическая сила	9,5	9,1	10,0
13	Деньги в неограниченном количестве	11,3	11,2	11,4
14	Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь	11,5	11,3	11,7
15	Высокий статус, положение в обществе, карьера	11,7	11,5	12,0

Примечание: Данные по всем жизненным ценностям кроме здоровья приведены только по группе “для себя”.

лидеров (ни “для себя” ни “для детей”), основная масса (более 70%) респондентов возводит его на пьедестал (1–3-е места в рейтинге), при этом своему здоровью придают меньшее значение. В 22,4% случаев родители демонстрируют сходную позицию в том, что ценность здоровья одинаково значима и для них самих и для детей, а 13,1% считают, что здоровье “для детей” все же важнее. Забота о здоровье детей, конечно, похвальна, но установка исключительно на постулат “Все лучшее — детям” в отношении здоровья является не совсем

правильной, поскольку здоровье родителей является детерминантой здоровья детей, а здоровье человека начинается со здоровья его родителей, невнимание которых к нему затягивает детей в “социальную воронку нездоровья”²⁴, когда больные рожают больных, что чревато все более серьезным ухудшением ситуации и падением качества человеческого потенциала в будущем.

Темпы заболеваемости детей уже сегодня в 3,2 раза, а подростков в 4,4 раза выше, чем у населения в целом²⁵; смертность среди детей в нашей стране в два раза выше, чем в “новых — 8” странах ЕС²⁶. За последние 15 лет общая заболеваемость подростков и молодежи в нашей стране увеличилась в 1,7 раза²⁷. По официальным данным, среди детей в возрасте 0–14 лет 28,5% относятся к I группе здоровья, 56,4% — ко II, 12,8% — к III, 2,3% — к IV и V группам²⁸. Однако данные показатели не отражают картину полностью, и реальное состояние здоровья детей значительно хуже²⁹.

Интересно, что сами родители в основной своей массе оценивают состояние здоровья детей как хорошее и удовлетворены им. По данным исследования СеДОЖ, лишь в 0,9% случаев оба родителя не удовлетворены состоянием здоровья детей. Обращает на себя внимание, что удовлетворенность здоровьем детей у мужей выше, чем у жен (57,2% против 46,9% ($\chi^2(2)=26,296$, $p=0,000$)), что может быть связано с тем, что матери проводят больше времени с детьми и оценивают их здоровье более реально, так как лучше осведомлены о нем. Косвенным подтверждением этому предположению служат ряд обстоятельств. Доля отцов, уходящих в декретные отпуска в России, составляет около 2%³⁰; невысок и процент мужчин, остающихся дома с ребенком во время его болезни. Данный факт связан не только с

²⁴ Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly. 2012. № 509–510. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php#1> (дата обращения: 15.12.2020).

²⁵ Журавлева И.В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2017. № 15. С. 419–436.

²⁶ Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // Оргздрав: новости, мнения, обучение. 2018. № 1. С. 9–16.

²⁷ Заргарова А.Э., Владимиров В.В., Владимиров В.В., Сачкова О.С. Эпидемиология заболеваемости инфекциями, передающимися половым путем, среди лиц молодого возраста // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. Т. 5. № 63. С. 10–11.

²⁸ Здравоохранение в России–2019 // Сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (дата обращения: 15.12.2020).

²⁹ Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Состояние здоровья детей России, приоритеты его сохранения и укрепления // Казанский медицинский журнал. 2018. Т. 99. № 4. С. 698–705.

³⁰ Костенко Я. Папа не может: отцов и матерей предлагают уравнивать в правах // Известия. 2020. 7 окт.

тем, что отцы не всегда готовы взять декретный отпуск (27% заявляют, что полностью готовы при необходимости взять декретный отпуск)³¹, но и с тем, что далеко не все работодатели готовы принять факт ухода мужчины в декрет. Кроме того, около 65% мужчин и 83% женщин уверены в том, что женщина несет ответственность за здоровье членов семьи, именно представительницы “слабого” пола в ответе за то, чтобы все делалось правильно и вовремя³². По данным О.В. Кучмаевой, в половине (46,3%) семей жена осуществляет присмотр за детьми (в 22,3% случаев — муж и жена вместе), а участие отцов ограничивается лишь играми с ними³³.

По данным Росстата на 2018 г., лишь 1,2% родителей оценивают здоровье детей как плохое, 76,5% — как хорошее; однако количество позитивных оценок, что вполне логично, несколько снижается с ростом возраста детей: их здоровье все чаще оценивается как удовлетворительное³⁴. По мнению некоторых авторов, “родители неадекватно оценивают уровень здоровья своих детей... так как не считают функциональные нарушения в организме детей и компенсированные формы (с длительной ремиссией) хронических заболеваний отклонениями в состоянии здоровья”³⁵.

Кроме того, многие родители воспринимают здоровье исключительно как отсутствие болезней и игнорируют взаимосвязь физического, психического и социального благополучия, не понимая самой сущности понятия здоровья. Эту же “болезнецентрическую” модель родители транслируют и своим детям. Подтверждением этому является исследование кафедры валеологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, согласно которому уровень валеологической компетенции дошкольников крайне низкий. Дети 5–7 лет, отвечая на вопросы о здоровье, сравнивают это понятие с понятием “болезнь”. На вопрос “Кого называют здоровым человеком?” почти все отвечают, что это “тот, кто не болеет”, и намного реже — “кто заботится о своем здоровье”. А чтобы

³¹ Мужчины в декрет по-прежнему не хотят, но стали ходить чаще // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112533/muzhchiny-v-dekret-po-prezhnemu-ne-hotyat/>

³² Отношение женщин к профилактике и лечению сердечно-сосудистых заболеваний // Сайт ВЦИОМ. 2014. URL: https://www.heartbeatrussia.ru/static/documents/Infographika_heartbeat_2014.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

³³ Кучмаева О.В. Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность // Культурное наследие России. 2016. № 2.

³⁴ Источник: Здравоохранение в России–2019 // Сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (дата обращения: 30.12.2020).

³⁵ Маркова А.И., Ляхович А.В., Гутман М.Р. Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // Гигиена и санитария. 2012. № 2. С. 57.

быть здоровым, по их мнению, надо пить лекарства, слушать, что говорит врач³⁶.

Вернемся к вопросу о ценности здоровья. Закономерно, что ценность здоровья увеличивается с возрастом³⁷, “когда приходит понимание, что организм стареет и начинаются необратимые возрастные изменения”³⁸. Люди, которые уже приобрели собственный индивидуальный опыт потери здоровья и прошли через сложности, связанные с его восстановлением, чаще воспринимают здоровье как самую большую ценность³⁹. Доля объявляющих здоровье основной жизненной ценностью среди людей пенсионного возраста — 90%, среди населения среднего и предпенсионного возраста — 75%, молодежи (18–30 лет) — 70%⁴⁰. Образно говоря, если “воду мы начинаем ценить не раньше, чем высыхает колодец”⁴¹, то здоровье — только познав первые признаки будущей старости и немощи.

Наше исследование лишний раз подтверждает эту простую истину и демонстрирует значимые различия в оценке ценности здоровья в зависимости от возраста респондента ($\chi^2(42)=110,589$, $p=0,000$): 41,8% респондентов младше 30 лет ставят здоровье на первое место, среди людей в возрасте 60 лет и старше таких уже 57,1% (см. табл. 3). В случае с ценностью здоровья “для детей” тенденция также идет на ее возрастание ($\chi^2(42)=76,699$, $p=0,000$): 79,9% индивидов в возрасте 30 лет и менее поставили данную ценность в тройку лидеров, среди более старших возрастов таких около 87% (84,9% — в группе 46–60 лет, 88,5% — в группе 60+).

Интересен тот факт, что регулярность заботы о здоровье не отличается значимо в зависимости от возраста. Около 40% респондентов любого возраста заявляют, что постоянно заботятся о своем здоровье и около 50% делают это лишь иногда. Практики здоровья также далеко не всегда не зависят от возраста, значимые отличия мы можем наблюдать только в занятиях спортом ($\chi^2(3)=80,939$, $p=0,000$) и приеме лекарств и витаминов ($\chi^2(3)=16,127$, $p=0,001$). Если в возрасте

³⁶ Сергиенко Т.Е. Формирование здорового образа жизни детей через взаимодействие педагогов и родителей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 40.

³⁷ Немова О.А., Кутепова Л.И., Ретивина В.В. Здоровье как ценность: мечта и реальность // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Богачева Т.Ю. Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.

⁴⁰ Груздева М.А., Барсуков В.Н. Здоровье населения старших возрастов: современные вызовы // Society and Security Insights. 2018. № 4.

⁴¹ Fuller T. Gnomologia, Adagies and proverbs, wise sentences and witty sayings, ancient and modern, foreign and British. L., 2010.

до 30 лет почти 60% респондентов заявляют о том, что занимаются спортом с той или иной регулярностью, то в возрасте 50 лет и старше таких уже только 34,5%, а в группе “60+” и того меньше — 26,2%. С приемом лекарств и витаминов зависимость нелинейна, но тем не менее самый высокий процент (49,5%) принимающих их наблюдается в наиболее зрелых возрастах (60+ лет).

Таблица 3

**Рейтинг ценности “здоровье” в зависимости от возраста
(места с 1-го по 3-е, в % и ранг)**

Ценность здоровья “для себя” и “для детей”	Место в рейтинге	Возраст			
		18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
“для себя”	1-е	41,8	47,4	56,2	57,1
	2-е	19,9	15,6	16,4	20,5
	3-е	9,3	8,1	7,2	2,8
ранг		3,4	3,2	2,5	2,0
“для детей”	1-е	58,8	60,9	70,2	71,0
	2-е	15,4	15,2	8,9	14,5
	3-е	5,7	6,3	5,8	3,0
ранг		2,6	2,5	2,2	1,9

Согласно нашему исследованию, довольно серьезно на ценность здоровья влияет такая характеристика респондентов, как религиозность ($\chi^2(15)=52,847$, $p=0,000$), что объясняется, по всей видимости, тем, что нормативно-этические основы религии влияют на отношение человека к здоровью. Религиозные респонденты чаще ставят здоровье на первое место в иерархии ценностей: 53,1% религиозных респондентов против 42,3% тех, кто не принадлежит к какой-либо религиозной конфессии, средний ранг ценности здоровья для религиозных — 2,7, не религиозных — 3,2 (табл. 4).

Если обратить внимание на существующие исследования в области “эпидемиологии религии”⁴², посвященные взаимосвязи веры в Бога представителей различных религиозных направлений с психологическим благополучием, стратегиями совладания, уровнем здоровья и отношением к нему, то выясняется, что хотя религиозность и не имеет прямой связи с уровнем здоровья, определенное

⁴² Levin J.S. Religion and health: is there an association? Is it valid, and is it causal? // Social Science and Medicine. 1994. N 38. P. 1475–1482.

**Рейтинг ценности “здоровье” в зависимости от религиозности,
региона проживания и самооценки дохода (% и ранг)**

Место в рейтинге	Религиозность		Регион проживания		Самооценка дохода		
	Религиозные	Не религиозные	Москва	Другой	Ниже среднего	Как у всех	Выше среднего
1-е	53,1	42,3	45,6	53,1	53,1	51,9	42,5
2-е	17,2	14,3	17,5	16,5	14,8	16,0	23,2
3-е	6,9	10,8	7,4	7,8	6,8	7,2	9,3
Ранг	2,7	3,2	2,8	3,3	2,8	2,9	3,0

влияние она все же оказывает, хотя и неоднозначное. В некоторых случаях “религиозность может способствовать сбережению здоровья и лучшему выздоровлению”⁴³, так как вера дает чувство цели, безопасной идентификации и уверенности в отношении конечной судьбы, но данная модель работает с теми верующими, у которых преобладает образ “милостивого Бога”, который является помощником в борьбе с болезнью. Те же, у кого преобладает образ “Бога гневного”, рассматривают болезнь как “божью кару” или “испытание”. Кроме того, некоторые религиозные течения, подменяя собой медицинскую помощь, пропагандируют отказ от отдельных медицинских процедур, и верующие, принадлежащие к этим течениям, нередко просто не обращаются к врачу⁴⁴. По данным ВЦИОМ, 4% россиян придерживаются мнения, что болезни достаются нам за грехи⁴⁵, можно предположить, что среди верующих этот процент выше. На просторах интернета даже можно найти таблицы возможной связи грехов и болезней⁴⁶.

Регион проживания является еще одним значимым фактором, влияющим на ценность категории “здоровья” в глазах респондентов

⁴³ Ясин М.И., Гусева Е.С. Религиозность, дистресс и здоровье // Вестник Удмуртского университета. Серия “Философия. Психология. Педагогика”. 2017. № 1.

⁴⁴ См. об этом: Ясин М.И., Гусева Е.С. Указ. соч.; Sloan R.P., Bagiella E. Claims about religious involvement and health outcomes // *Annals of Behavioral Medicine*. 2002. Vol. 24 (1). P. 14–21.

⁴⁵ Мы и наши болезни // Сайт ВЦИОМ. 2013. 06 авг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-i-nashi-bolezni> (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁶ См., например: Какие болезни даются за какие грехи. URL: <https://svyatyni.ru/duhovnaya-zhizn/kakie-bolezni-dayutsya-za-kakie-grehi.html>

(см. табл. 4). Стоит напомнить, что наш опрос проводился среди городских жителей, из регионов были представлены следующие: Москва, Владимир, Екатеринбург, Краснодар, Курск, Уфа и близлежащие к ним городские поселения. Исследование показало ценностные различия между Москвой и другими регионами ($\chi^2(15)=39,699$, $p=0,001$), в частности столичные жители ниже ставят здоровье в иерархии своих ценностей (45,6% — на первое место, против 53,1% в других регионах).

Доход, вернее его самооценка также является своеобразным индикатором ценности здоровья для индивида ($\chi^2(28)=48,040$, $p=0,011$), причем зависимость здесь следующая: лица с низкими доходами позиционируют здоровье как наивысшую ценность в 53,1% случаев, с высокими доходами — в 42,5% (см. табл. 4); разрыв в рангах не столь высок, но все же он есть: 2,8 — у лиц с низкими доходами, 3,0 — с высокими. Если посмотреть на реальный уровень дохода, то самая высокая ценность здоровья, ранг 2,6, наблюдается у людей, чьи доходы составляют 20–50 тысяч рублей на одного члена семьи ежемесячно. У лиц из группы с менее чем 20 тысяч рублей и более чем 50 тысяч рублей среднедушевого дохода ценность здоровья практически не отличается (3,0 и 3,1 соответственно). Влияние уровня образования респондента и его занятости на уровень ценности здоровья представлено в табл. 5, из которой видно, что более образованные выше ценят здоровье, при этом зависимость между наличием работы и показателем “ценность здоровья” обратная.

Таблица 5

Средний ранг ценности “здоровье” в зависимости от уровня образования и занятости респондента

	Уровень образования		Занятость	
	Среднее и ниже	Высшее	Занятые	Не занятые
Здоровье “для себя”	3,0	2,8	3,0	2,4
Здоровье “для детей”	2,6	2,3	2,4	2,4

Несмотря на существующие хотя и не слишком значительные различия в Москве и в Казани, бедные и богатые, работающие и безработные, верующие и не очень, мужчины и женщины уверенно заявляют, что здоровье, свое и близких, является для них одной из главных жизненных ценностей. Помимо многочисленных социологических исследований о том, что здоровье как ценность очень важно, говорит тот факт, что фразеологические формулы-пожелания здоровья употребляются как минимум в одиннадцати ситуациях

(приветствие и прощание, провозглашение тоста, угощение, ответ на благодарность и т.д.), причем встречаются эти формульные пожелания здоровья своим близким и друзьям в разных языках, а общим для всех них является высокая оценка здоровья⁴⁷.

Противоречие состоит в том, что реальное отношение к здоровью нередко показывает иную картину, а именно то, что заботиться о здоровье люди не умеют и не хотят, а стимул сохранять и укреплять здоровье появляется чаще всего лишь тогда, когда возникла болезнь. Подтверждением этого тезиса являются данные ВЦИОМ, согласно которым одной из самых распространенных причин для заботы о здоровье является “вынужденная мотивация” (забота о здоровье как необходимость, продиктованная его состоянием), об этом говорят 32% респондентов⁴⁸. Опрос ФОМ указывает на аналогичную тенденцию. На вопрос “Кто, какие люди обычно заботятся о своем здоровье?” наибольшее число респондентов (22%) ответило: “70-летние и выше”, “ближе к пенсионному возрасту” “болеющие люди”⁴⁹.

Уровень информированности россиян о различных сторонах собственного здоровья, “о генетических предрасположенностях своего организма, о наборе полученных в течение жизни прививок, о факторах риска наиболее распространенных заболеваний, о методах заботы о здоровье”⁵⁰ достаточно низок. Кроме того, люди привыкли (или вынуждены) болеть на ногах и не обращаться к врачу в случае заболевания. Даже если они к врачу обращаются, то предписания его нередко не соблюдают, а врачам — не доверяют⁵¹, мер профилактики

⁴⁷ См. об этом: *Байрамова Л.К., Бойчук В.А.* Фразеологические формулы пожелания здоровья как отражение культуры народа // *Здоровье и образование в XXI веке.* 2016. № 7.

⁴⁸ *Забота о здоровье — базовое исследование (ЗОЗ-бис)* // Сайт ВЦИОМ. Аналитический отчет по результатам репрезентативного общероссийского телефонного опроса населения РФ. 2019. URL: <https://wciom.ru>

⁴⁹ *Забота о здоровье. Заботятся ли люди о своем здоровье? И кто больше: молодые или пожилые?* // Сайт ФОМ. 2013.30.06. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/10984> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵⁰ *Дробижина Л.М.* Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова “Сретенский клуб”. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵¹ *Осипова Н.Г., Семина Т.В., Новоселова Е.Н.* Доверие врачебному сообществу: резерв для сохранения и улучшения здоровья населения в России // Бюллетень НИЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение “Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева”

здоровья не придерживаются, порой исповедуют “технологический оптимизм в отношении восстановления здоровья”⁵², верят в “волшебную” таблетку и т.п.⁵³ Таким образом, «в повседневной практике населения сформировалась скорее именно “культура нездоровья”, чем здоровья»⁵⁴. В нормативных представлениях ценность здоровья высока, но она не стала пока еще фактом сознания⁵⁵. Здоровье — декларируемая ценность, одобряемая и позиционируемая культурой и моралью общества⁵⁶. Кроме того, она далеко не всегда носит фундаментальный характер, здоровье — это дополнительный жизненный ресурс для достижения других, более значимых для человека целей (накопление денег, карьера и пр.)⁵⁷.

Исследование СеДОЖ также демонстрирует противоречие между здоровьем как декларируемой ценностью и реальным поведением по его сохранению. В частности, как описано ранее, ценность здоровья выше у жителей регионов, а не столичных городов, однако реальную заботу о своем здоровье чаще проявляют москвичи: 42,6% постоянно заботятся о своем здоровье, против 36,4% — среди жителей других регионов, в которых проводился опрос ($\chi^2(2)=12,776$, $p=0,002$). Столичные жители ведут более спортивный образ жизни (совсем не занимаются спортом лишь 23,0% из них, в регионах — 37,5%) и следят за питанием (56,6% в столице против 37,9% — в регионах). Безусловно, дело здесь не в месте проживания как таковом, а в доступности практик ЗОЖ, которая у столичных жителей выше как в результате их более высоких доходов (среднедушевой доход респондентов СеДОЖ, москвичей — 61073,9 руб., жителей других регионов — 29036,3 руб. в месяц), так и в результате доступности спортивной инфраструктуры и т.п.

Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва). 2019. Т. 20. № 5. С. 394–401.

⁵² Шилова Л.С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. М., 2012.

⁵³ См., например: Бурмыкина О.Н. Патернализм: влияние на культуру здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 4; Новосёлова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3.

⁵⁴ Дробижина Л.М. Указ. соч. См., также: Мавропуло О.С. Культура нездоровья в российском обществе: причины и специфика проявления // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 1 (60).

⁵⁵ См.: Бурмыкина О.Н. Указ. соч.

⁵⁶ Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личным: феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44; 1997. № 1. С. 20–27.

⁵⁷ Бурмыкина О.Н. Указ. соч.

Не курящие занимающиеся спортом и следящие за питанием достоверно выше оценивают вред, наносимый здоровью деструктивными поведенческими практиками. В частности, среди курящих считают, что следующие привычки очень вредны: курение — 60,2%, малоподвижный образ жизни — 65,1%, неправильное питание — 51,7%. Среди не курящих эти же показатели таковы: 88,3, 76,0 и 65,4%. Пятая часть (19,3%) курящих респондентов считает, что они постоянно заботятся о своем здоровье; также об этом заявляют 22,9% не занимающихся спортом, а также 30,3% респондентов, не следящих за своим питанием. Кроме того, 15,8% неспортивных респондентов, 11,0% курящих и 21,4% не следящих за питанием заявляют, что они ведут здоровый образ жизни, т.е. можно предположить, что забота о здоровье скорее проявляется в посещении врачей и приеме лекарств, а не в здоровом образе жизни, что подтверждает исследование ФОМ “Забота о здоровье”⁵⁸. Высока, по данным СеДОЖ, и доля тех, кто при этом считает, что прививает здоровый образ жизни своим детям личным примером (см. табл. 6). Таким образом, та или иная деструктивная поведенческая практика приводит к тому, что люди недооценивают “значимость поведенческих факторов риска для здоровья” нередко на фоне “повышенной обеспокоенности внешнесредовыми рисками”⁵⁹.

Если посмотреть на такие практики здорового образа жизни, как занятие спортом, правильное питание, отказ от вредных привычек, и т.д., то можно зафиксировать определенное социальное неравенство: богатые начинают глубже усваивать культуру самосохранения, а бедные вынуждены еще больше эксплуатировать свое здоровье⁶⁰, ведь очевидно, что “чем ниже уровень доходов, тем меньше возможности для выбора поведения даже при высоком уровне самосохранения и ценности здоровья”⁶¹.

Пандемия COVID-19 лишь обострила неравенство в праве на здоровье, продемонстрировав широкий разброс в воздействии на различные социальные группы, обострив уровень бедности и нера-

⁵⁸ Забота о здоровье // Фомнибус. 2013. 09 июля. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/10984> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵⁹ Лебедева-Несеверя Н.А., Барг А.О. Особенности восприятия родителями внешнесредовых и поведенческих рисков для здоровья детей дошкольного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1. С. 103.

⁶⁰ Шилова Л.С. Стресс, здоровье и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Россия: Риски и опасности “переходного” общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998.

⁶¹ Шилова Л.С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. М., 2012. С. 124.

**Соотношение между декларируемым образом жизни
и реальным поведением, в %**

Частота заботы о здоровье, ведение ЗОЖ, трансляция ЗОЖ детям		Не занимающиеся спортом	Курящие	Не следящие за питанием
Частота заботы о здоровье	Постоянно	22,9	19,3	30,3
	Иногда	60,7	63,5	59,3
	Никогда	16,4	17,2	10,3
Ведение ЗОЖ	Да	15,8	11,0	21,4
	Не всегда	50,4	48,9	53,0
	Нет	29,8	35,9	22,6
	Здоровый образ жизни — это миф	4,0	4,1	3,0
Привива- ние ЗОЖ детям	Да, с помощью бесед	40,6	42,5	33,3
	Да, личным примером	27,0	21,6	38,0
	Нет	27,8	24,8	20,2

венства⁶², сделала уязвимых еще более уязвимыми. Низкий доход дает меньше возможностей работать удаленно, более квалифицированный труд образованной части населения проще перевести в он-лайн, чем работников, занимающихся физическим трудом, которые либо потеряли единственный источник дохода, либо вынуждены подвергать свое здоровье лишнему риску, работая офлайн, и это лишь один аспект неравенства. Стоит также сказать о качестве жилья, доступе к лекарствам и лечению, наличии финансовой подушки, доступе к информации о мерах по защите от коронавируса и т.п.⁶³

Более половины респондентов СеДОЖ оценивают свой доход на уровне “как у всех”, таких 63,6%, 19,9% — ниже среднего, 16,5% — выше среднего. Исследование подтверждает наличие прямой зависимости между уровнем дохода (вернее его самооценкой ($\chi^2(6)=20,939$, $p=0,002$), удовлетворенностью доходом ($\chi^2(9)=83,165$, $p=0,000$)) и ведением здорового образа жизни (см. табл. 7).

⁶² Меры по восстановлению после COVID-19 могут предотвратить увеличение неравенства из-за пандемии. URL: <https://www.un.org/development/desa/ru/news/policy/desa-policy-brief-on-covid-19.html> (дата обращения: 22.01.2021).

⁶³ Новоселова Е.Н. Пандемия неравенства и реализация права на здоровье // Международная научная конференция “COVID-19 как фактор отражения социального неравенства”. М., 2020.

**Взаимосвязь удовлетворенности доходом
и его самооценки с практикой ЗОЖ, в %**

Ведение ЗОЖ	Самооценка дохода			Удовлетворенность уровнем дохода		
	Ниже среднего	Как у всех	Выше среднего	Да, полностью удовлетворен	Да, частично удовлетворен	Нет, не удовлетворен
Да, веду ЗОЖ	20,8	26,2	28,8	37,5	23,2	19,1
Не всегда веду ЗОЖ	54,6	57,4	55,8	47,1	60,7	57,1
Нет, не веду ЗОЖ	21,4	14,1	13,4	12,6	14,1	20,8
Считаю, что ЗОЖ — это миф	3,2	2,3	2,0	2,7	2,0	3,0

Высокодоходные группы населения чаще заявляют о том, что они правильно питаются и удовлетворены своим питанием ($\chi^2(4)=6,426$, $p=0,040$); ($\chi^2(4)=58,014$, $p=0,000$). Среди тех, кто имеет уровень дохода ниже среднего, заявляют, что правильно питаются 40% респондентов, среди высокодоходных групп таких около 50%. Удовлетворенность питанием еще более зависима от дохода: 44,7% опрошенных с доходом ниже среднего полностью удовлетворены питанием; среди тех, чей доход выше среднего, таких 68,3% (табл. 8). Респонденты единогласно относят неправильное питание к факторам риска для здоровья: 86,3% супругов считают именно так, среди них 40,8% говорят, что неправильное питание — это “очень вредно”, 11,1% — “скорее вредно”; в остальных семьях мнения немного разделились, но исключительно в плоскости “вредно — очень вредно”, за рамки которой суждения практически не выходят. Семей, в которых бы оба супруга полагали, что неправильное питание “не вредно”, практически нет (таковых только 0,1%).

Для того чтобы люди питались правильно, нужно, как минимум, повысить их уровень жизни и дать им возможность покупать “правильные” продукты. По данным ВЦИОМ, у 28% населения России дохода “хватает только на продукты”, у 6% — на покупку продовольствия “едва хватает” денег, 40% опрошенных заявили, что им существенно приходится ограничивать себя в тратах на продукты⁶⁴. Следует согласиться с директором “Левада-центра” Л.Д. Гудковым, который в ответ на инициативу Минздрава о раз-

⁶⁴ ВЦИОМ: более 45% россиян удовлетворены жизнью // ТАСС. 2020.24.12. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10347683>

делении продуктов питания на “вредные” и “полезные” заявил, что это не имеет смысла, так как у россиян попросту нет денег на полезные продукты⁶⁵.

Таблица 8

Взаимосвязь самооценки дохода и удовлетворенности доходом с удовлетворенностью качеством питания, в %

Удовлетворенность качеством питания	Самооценка дохода			Удовлетворенность уровнем дохода		
	Ниже среднего	Как у всех	Выше среднего	Да, полностью удовлетворен	Да, частично удовлетворен	Нет, не удовлетворен
Да, полностью удовлетворен питанием	44,7	52,8	68,3	76,4	48,9	38,7
Да, частично удовлетворен питанием	40,7	38,5	27,3	20,0	42,9	43,9
Нет, не удовлетворен питанием	14,7	8,8	4,5	3,6	8,2	17,4

Таким образом, любые меры государственной политики в области здорового образа жизни следует предварить преобразованиями, направленными на борьбу с бедностью, так как “состояние здоровья населения, конечно, во многом зависит от того, насколько благоприятны социально-экономические условия его жизнедеятельности”⁶⁶, а внедрять здоровый образ жизни среди людей, проживающих за чертой бедности, крайне затруднительно. Тем не менее, люди, конечно, должны сами понимать, что здоровье — их самое главное достояние, и заботиться о нем. Они должны осознать, что их здоровье зависит не только от материального благосостояния общества, от состояния здравоохранения, но и от их собственных усилий.

По данным исследования СеДОЖ, лишь 11,1% супружеских пар единогласны в том, что здоровье в первую очередь зависит от усилий самого человека по его сохранению, 51,4% пар так не считают, а чуть менее чем в 40% пар нет согласия по этому поводу (в 18,7% случаев так считает жена, в 18,8% — муж). Даже если прибавить к этому аспекту такой фактор, как вредные привычки, о которых в ис-

⁶⁵ Директор “Левада-центра”: ЗОЖ россиянам не по карману // Национальная служба новостей. 2018.17.01. URL: <https://nsn.fm/society/society-direktor-levada-centra-zozh-rossiyanam-ne-po-karmanu> (дата обращения: 17.01.2021).

⁶⁶ Бояк Т.Н. Указ. соч.

следования были отдельные вопросы, то все равно эти данные будут далеки от реальных оценок. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, примерно на 50% здоровье человека определяется его образом жизни⁶⁷, т.е. повседневными практиками здоровья, режимом труда и отдыха, привычками и увлечениями, отношением к самому себе и окружающим, жизненными целями и ценностями⁶⁸. Обращает на себя внимание явная недооценка населением России влияния причин поведенческого характера на состояние здоровья; подобная некомпетентность превращается в фактор риска для здоровья, что нередко приводит к тому, что люди “тратят огромные средства на лечение, отказывая себе в возможности тратить средства на оздоровление, полноценное питание и активный отдых”⁶⁹.

В свете противоречия между декларируемыми ценностями здоровья и реальными поведенческими паттернами населения одними из главных задач, стоящих сегодня перед государством и обществом, являются формирование самосохранительной идеологии, воспитание культуры здоровья и “переформатирование” системы ценностей таким образом, чтобы ценность здоровья стала более реальной и воплощалась в определенных стратегиях здоровьесберегающего поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байрамова Л.К., Бойчук В.А. Фразеологические формулы пожелания здоровья как отражение культуры народа // *Здоровье и образование в XXI веке.* 2016. № 7.

Богачева Т.Ю. Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.

Бояк Т.Н. Здоровье как ценность // *Здоровье и образование в XXI веке.* 2016. № 9.

Бурмыкина О.Н. Патернализм: влияние на культуру здоровья // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2000. № 4.

Груздева М.А., Барсуков В.Н. Здоровье населения старших возрастов: современные вызовы // *Society and Security Insights.* 2018. № 4.

Дробижева Л.М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова “Сретенский клуб”. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>

Журавлева И.В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // *Россия реформирующаяся: Ежегодник / Под ред. М.К. Горшкова.* М., 2017. № 15. С. 419–436.

⁶⁷ Цит. по: *Дробижева Л.М.* Указ. соч.

⁶⁸ См. об этом: *Зыбуновская Н.В., Покида А.Н.* Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // *Социология власти.* 2010. № 7. С. 49.

⁶⁹ *Черствая О.Е.* Здоровье в системе семейного уклада // *Мир образования — образование в мире.* 2011. № 3.

- Зыбуновская Н.В., Покида А.Н.* Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. 2010. № 7.
- Кашапов Ф.А., Терентьев О.В., Цейслер В.Э.* Здоровье как ценность: культура и биоэтика // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24 (96).
- Кучмаева О.В.* Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность // Культурное наследие России. 2016. № 2.
- Лебедева-Несевря Н.А., Барз А.О.* Особенности восприятия родителями внешнесредовых и поведенческих рисков для здоровья детей дошкольного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1.
- Маркова А.И., Ляхович А.В., Гутман М.Р.* Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // Гигиена и санитария. 2012. № 2.
- Матрос Л.Г.* Социальные аспекты проблемы здоровья / Отв. ред. Ю.И. Бородин. Новосибирск, 1992.
- Немова О.А., Кутелова Л.И., Ретивина В.В.* Здоровье как ценность: мечта и реальность // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 11.
- Новосёлова Е.Н.* К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3.
- Новосёлова Е.Н.* Пандемия неравенства и реализация права на здоровье // Международная научная конференция “COVID-19 как фактор отражения социального неравенства”. М., 2020.
- Осипова Н.Г.* Социальная дилемма продолжительности жизни: “дожитие” или полноценная жизнь? // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сб. тезисов. III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием / Под общ. ред. А.И. Антонова. М., 2020.
- Осипова Н.Г., Семина Т.В., Новоселова Е.Н.* Доверие врачебному сообществу: резерв для сохранения и улучшения здоровья населения в России // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение “Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева” Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва). 2019. Т. 20. № 5. С. 394–401.
- Римашевская Н.М.* Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly. 2012. № 509–510. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php#1>
- Сергиенко Т.Е.* Формирование здорового образа жизни детей через взаимодействие педагогов и родителей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 40.
- Улумбекова Г.Э.* Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // Оргздрав: новости, мнения, обучение. 2018. № 1. С. 9–16.
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Калашиников К.Н., Морев М.В., Кондакова Н.А.* Здоровье и здравоохранение. Вологда, 2014.
- Шилова Л.С.* Стресс, здоровье и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Россия: риски и опасности “переходного” общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998.

Шилова Л.С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. М., 2012.

Ясин М.И., Гусева Е.С. Религиозность, дистресс и здоровье // Вестник Удмуртского университета. Серия "Философия. Психология. Педагогика". 2017. № 1.

REFERENCES

Bajramova L.K., Bojchuk V.A. Frazеologicheskie formuly pozhelanija zdorov'ja kak otrazhenie kul'tury naroda [Phraseological formulas of wishes for health as a reflection of the culture of the people] // *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2016. N 7 (in Russian).

Bircher J. Towards a dynamic definition of health and disease // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2005. N 8 (3).

Bogacheva T.Ju. Zdorov'e v sisteme zhiznennyh cennostej sovremennogo specialista [Health in the system of life values of a modern specialist]. Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2010 (in Russian).

Bojak T.N. Zdorov'e kak cennost' [Health as a value] // *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2016. N 9 (in Russian).

Burmykina O.N. Paternalizm: vlijanie na kul'turu zdorov'ja [Paternalism: Impact on Health Culture] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2000. N 4 (in Russian).

Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SeDOZh-2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhdregional'nogo sociologo-demograficheskogo issledovanija [The values of the family and children's lifestyle (SEDOZH-2019): An analytical report based on the results of an interregional sociological and demographic study]. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova / Pod. red. A.I. Antonova. M., 2020 (in Russian).

Constitution of the World Health Organization. URL: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf

Drobizheva L.M. Cennost' zdorov'ja i kul'tura nezdorov'ja v Rossii [The value of health and the culture of ill health in Russia] // *Centr mezhdisciplinarnyh issledovanij im. S.P. Kurdjumova "Sretenskij klub"*. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/> (in Russian).

Fuller T. Gnomologia, adagies and proverbs, wise sentences and witty sayings, ancient and modern, foreign and British. L., 2010.

Gruzdeva M.A., Barsukov V.N. Zdorov'e naselenija starshih vozrastov: sovremennye vyzovy [Health of the elderly population: modern challenges] // *Society and Security Insights*. 2018. N 4 (in Russian).

Jasin M.I., Guseva E.S. Religioznost', distress i zdorov'e [Religiousness, distress and health] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija "Filosofija. Psihologija. Pedagogika"*. 2017. N 1 (in Russian).

Kashapov F.A., Terent'ev O.V., Cejssler V.Je. Zdorov'e kak cennost': kul'tura i biojetika [Health as a value: culture and bioethics] // *Vestnik JuUrGU. Serija: Social'nogumanitarnye nauki*. 2007. N 24 (96) (in Russian).

Kuchmaeva O.V. Semejnye roli v sovremennoj rossijskoj sem'e: tradicii i sovremennost' [Family roles in the modern Russian family: traditions and modernity] // *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2016. N 2 (in Russian).

Lebedeva-Nesevrja N.A., Barg A.O. Osobennosti vosprijatija roditeljami vneshnesredovyh i povedencheskih riskov dlja zdorov'ja detej doskol'nogo vozrasta [Peculiarities of parents' perception of external environmental and behavioral risks for the health of preschool children] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*. 2011. N 1 (in Russian).

Markova A.I., Ljahovich A.V., Gutman M.R. Obraz zhizni roditel'ev kak determinanta zdorov'ja detej [Parents' lifestyle as a determinant of children's health] // *Gigiena i sanitarija*. 2012. N 2 (in Russian).

Matros L.G. Social'nye aspekty problemy zdorov'ja [Social aspects of health problems] / *Otv. red. Ju.I. Borodin*. Novosibirsk, 1992 (in Russian).

Nemova O.A., Kutepova L.I., Retivina V.V. Zdorov'e kak cennost': mechta i real'nost' [Health as a value: dream and reality] // *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2016. N 11 (in Russian).

Novoselova E.N. K voprosu o roli sociologii v izuchenii i sohranении zdorov'ja naselenija Rossii [On the question of the role of sociology in the study and preservation of the health of the population of Russia] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2017. N 3 (in Russian).

Novoselova E.N. Pandemija neravenstva i realizacija prava na zdorov'e [Pandemic of inequality and realization of the right to health] // *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "COVID-19 kak faktor otrazhenija social'nogo neravenstva"*. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Social'naja dilemma prodolzhitel'nosti zhizni: "dozhitie" ili polnocennaja zhizn'? [The social dilemma of life expectancy: "survival" or full life?] // *Social'naja dinamika naselenija i ustojchivoe razvitie: Sbornik tezisov: III Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem / Pod obshh. red. A.I. Antonova*. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G., Semina T.V., Novoselova E.N. Doverie vrachebnomu soobshhestvu: rezerv dlja sohraneniya i uluchsheniya zdorov'ja naselenija v Rossii [Trust in the medical community: a reserve for maintaining and improving the health of the population in Russia] // *Bjulleten' NCSSH im. A.N. Bakuleva RAMN. Serdechno-sosudistye zaboljavanja, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie "Nacional'nyj medicinskij issledovatel'skij centr serdechno-sosudistoj hirurgii imeni A.N. Bakuleva" Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii*. 2019. T. 20. N 5. S. 394–401 (in Russian).

Rimashevskaja N.M. Modernizacija Rossii: zdorov'e rossijan i demograficheskaja situacija [Modernization of Russia: the health of Russians and the demographic situation] // *Demoskop Weekly*. 2012. N 509–510. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php#1> (in Russian).

Saracci R. The World Health Organisation needs to reconsider its definition of health // *The BMJ (British Medical Journal)*. 1997. N 314.

Sergienko T.E. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni detej cherez vzaimodejstvie pedagogov i roditel'ev [Formation of a healthy lifestyle for children through the interaction of teachers and parents] // *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena*. 2007. N 40 (in Russian).

Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Kalashnikov K.N., Morev M.V., Kondakova N.A. Zdorov'e i zdravoohranenie [Health and healthcare]. Vologda, 2014 (in Russian).

Shilova L.S. Stress, zdorov'e i izmenenie samosohranitel'nogo povedeniya naselenija Moskvy za gody reform [Stress, health and changes in the self-preservation behavior of the Moscow population over the years of reforms] // *Rossija: Riski i opasnosti "perehodnogo" obshhestva / Pod red. O.N. Janickogo*. M., 1998 (in Russian).

Shilova L.S. Rossijskie pacijenty v uslovijah modernizacii zdravoohraneniya. Strategii povedeniya. [Russian patients in the context of healthcare modernization]. M., 2012 (in Russian).

Sloan R.P., Bagiella E. Claims about religious involvement and health outcomes // *Annals of Behavioral Medicine*. 2002. Vol. 24 (1). P. 14–21.

Ulumbekova G.Je. Zdravoohranenie Rossii: 2018–2024 gg. Chto nado delat'? [Healthcare of Russia: 2018–2024 What to do?] // Orgzdrav: novosti, mnenija, obuchenie. 2018. N 1. S. 9–16 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Zdorov'e molodezhi: vozmozhno li ego uluchshit'? [Youth health: is it possible to improve it?] // Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik / Pod red. M.K. Gorshkova. M., 2017. N 15. S. 419–436 (in Russian).

Zybunovskaja N.V., Pokida A.N. Zdorovyj obraz zhizni kak social'naja cennost' i real'naja praktika [Healthy lifestyle as a social value and real practice] // Sociologija vlasti. 2010. N 7. S. 49 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-104-127

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕДУЩИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДОКТРИН: БУДДИЗМ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье детально рассматриваются проблемы, связанные с развитием буддизма, который привнес в религию личностный аспект и воплотил идею о необходимости сострадания ко всем живым существам. Особое место занимает анализ нравственной и социальной составляющей данной религии.

Буддизм рассматривается как протестное движение, зародившееся в Индии и направленное против застывшего иерархизма, механической обрядовости и корыстолюбия брахманов. Эта религия поставила под сомнение брахманскую иерархию, апеллировала в первую очередь к воинам, царям и массе свободного населения. Буддийская община представляла собой братство нищенствующих монахов, которые не совершали никаких обрядов, а лишь примером своей жизни указывали людям путь к спасению. Буддизм — это также одно из радикальных реформистских учений не только в интеллектуальном, но и в социальном аспектах. Он призывал людей, прежде всего, к внутреннему совершенствованию, последней ступени которого можно достичь лишь благодаря доброте и доброжелательности ко всем живым существам.

Центральное место в данной статье посвящено спору о реальности существования Будды, его учению и трансформациям этого учения. Значительное место отводится описанию образа жизни буддийских монахов, взаимоотношениям внутри буддийской общины и с мирянами. Обоснованы причины привлекательности буддизма и его легкой адаптивности к другим религиозным доктринам. Показаны возможности трансформации буддизма, в том числе и в рамках синкретических вероучений, а также в деятельности тоталитарных и псевдорелигиозных сект. Приведены примеры политизации этой религии и ее включения в активность фундаменталистских организаций.

Ключевые слова: буддизм, Будда, освобождающее знание, сострадание, нирвана, “Четыре Благородных истины”, восьмеричный путь к спасению, буддийские монахи, миряне.

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

SOCIAL ASPECTS OF MAIN RELIGIOUS DOCTRINES: BUDDHISM

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article examines in detail the problems associated with the development of Buddhism, which introduced a personal aspect to religion and embodied the idea of the need for compassion for all living beings. A special place is occupied by the analysis of the moral and social component of this religion.

Buddhism is seen as a protest movement that originated in India and is directed against the frozen hierarchy, mechanical ritualism and greed of the Brahmins. This religion challenged the Brahmin hierarchy, appealing primarily to warriors, kings, and the mass of the free population.

The Buddhist community was a brotherhood of mendicant monks who did not perform any rituals, but only showed people the way to salvation by the example of their lives. Buddhism is also one of the radical reformist teachings, not only intellectually, but also socially. He called people, first of all, to inner perfection, the last stage of which can be achieved only through kindness and benevolence to all living beings.

The central point of this article is devoted to the debate about the reality of the Buddha's existence, his teaching and the transformations of this teaching. A significant place is given to the description of the way of life of Buddhist monks, the relationship within the Buddhist community and with the laity.

The reasons for the attractiveness of Buddhism and its easy adaptability to other religious doctrines are substantiated. The possibilities of transformation of Buddhism, including within the framework of syncretic creeds, as well as in the activities of totalitarian and pseudo-religious sects, are shown. Examples of the politicization of this religion and its inclusion in the activities of fundamentalist organizations are given.

Key words: Buddhism, Buddha, liberating knowledge, compassion, nirvana, "Four Noble Truths", the eightfold path to salvation, Buddhist monks, lay people.

Буддизм является одной из тех религий, в которой социальная составляющая выражена достаточно ярко. Именно буддизм привнес в религию личностный аспект и воплотил идею о необходимости сострадания ко всем живым существам. Многие исследователи рассматривают буддизм как "живую религию", история которой насчитывает около двадцати пяти столетий¹. При этом, изучая ее письменные памятники, они исходят из того, что в них "заключена некая универсальная вечная истина, которая сближает <...> буддизм со всем многообразием верований и религий мира"².

Буддизм зародился в Индии в середине VI столетия до н.э., в так называемый "брахманский период", когда индийское общество

¹ См., например: Андреев В.П., Терентьев А.А. и др. Буддизм: история и культура. М., 1989.

² Арвон А. Буддизм. М., 2005. С. 5.

переживало социально-экономический и духовный кризис. С одной стороны, распадались родовая организация и традиционные связи, происходило становление новых социальных отношений. С другой стороны, возрастало могущество жрецов — брахманов, которые обладая знанием ритуальной формулы “брахман”, получили в свое распоряжение ключ к всемогуществу³.

Историки отмечают, что в эпоху зарождения буддизма в Индии шло особенно бурное брожение умов. Возникали бесчисленные школы самой разной философской направленности — от жесткого материализма, настаивающего на всеобщей обусловленности вещей и явлений естественными причинами, до не менее радикального идеализма. При этом было трудно, а порой невозможно с уверенностью установить смысл отдельных учений и тем более характер взаимоотношений между ними, которые складывались в процессе споров и активного обмена мнениями⁴. В этой среде и зародился буддизм — как протестное движение, направленное против застывшего иерархизма, механической обрядовости и корыстолюбия брахманов, превратившееся затем в одно из радикальных реформистских учений не только в интеллектуальном, но и в социальном аспектах.

Во-первых, буддизм призывал людей, прежде всего, к внутреннему совершенствованию, последней ступени которого можно достичь лишь благодаря доброте и доброжелательности ко всем живым существам⁵.

Во-вторых, буддизм, поставив под сомнение брахманскую иерархию, апеллировал в первую очередь к воинам, царям и массе свободного населения. Буддийская община представляла собой братство нищенствующих монахов, которые не совершали никаких обрядов, а лишь примером своей жизни указывали людям путь к спасению⁶.

Основание буддизма приписывается царевичу Сиддхартхе, который был родом из небольшого княжества, расположенного на индийском склоне Гималаев, и который получил также прозвища Гаутама (Потомок рода Готама), Шакьямуни (мудрец из племени Шакве), Бхагават (Блаженный)⁷.

В текстах Сиддхартха появляется также под именами Татхагата (“Тот, кто так пришел”, “Превосходный”), Джина (“Победитель”),

³ Арвон А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Торчинов Е.А. Введение в буддизм. М., 2020; Gombrich R.F. How Buddhism began. The conditioned genesis of the Early Teaching. L.; Atlantic Highlands, 1996; Skilton A. A concise history of Buddhism. Birmingham, 1994.

⁷ Арвон А. Указ. соч. С. 33.

но чаще всего — как Будда (“Пробужденный”, “Просветленный”, “Озаренный”). Этот титул Сиддхартха получил, когда близ деревни Уривела, расположенной к югу от Патны (города в Северной части Индии), ему открылась тайна “освобождающего знания”.

Рождение Будды относится к 560 г. до н.э., а смерть — к 480 г. до н.э.: известно, что прожил он восемьдесят лет. Однако в кругах историков буддизма вопрос о реальности фигуры Будды остается открытым: действительно ли существовал Будда или он представляет собой легендарный, мифологический персонаж? Единственный факт, который не вызывает сомнений, — это существование собственно легенды, которая “сложилась к тому моменту, когда палийские тексты обрели более или менее четкие очертания, а именно — спустя примерно столетие после кончины Будды”⁸. Суть этой легенды, нашедшей отражение как в отечественных⁹, так и в зарубежных¹⁰ источниках, в любом случае отражающей нравственную составляющую религии буддизма, такова.

Предание гласит, что индийский царевич Сиддхартха Гаутама — сын главы племени шакьев, проживавший на северо-востоке Индии, после беспечной и счастливой молодости остро ощутил бренность и безысходность жизни, ужас перед идеей о бесконечной череде перевоплощений. Он ушел из дому, для того чтобы, общаясь с мудрецами, найти ответ на вопрос: как можно человеку освободиться от страданий¹¹.

В течение семи лет Гаутама путешествовал и слушал ученые беседы аскетов-брахманов. По их примеру он занимался поисками совершенства, и, согласно брахманскому учению, предавался посту и самоистязанию. Однако несмотря на все усилия, достичь освобождения Гаутаме не удалось. Силы его оказались на исходе, и с телом, похожим на скелет, с помраченным рассудком он в конце концов осознал, что аскеза сама по себе бесполезна. Жизнь, полная лишений, стоит не больше, чем жизнь, полная удовольствий, какую он вел прежде. Однажды, когда он сидел у ствола смоковницы, на Гаутаму

⁸ Армстронг К. Будда. М., 2008. С. 16.

⁹ Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001; Ашвагхоша. Жизнь Будды. М., 1990; Герольд А.Ф., Карягин К.М., Ольденбург С.Ф. Жизнь Будды. Новосибирск, 1994; Дайсаку И. Мой Будда. Земной путь Шакьямуни / Науч. ред. С.Х. Шомахмадов. М., 2017.

¹⁰ Gombrich R.F. Thevarada Buddhism. A social history from Ancient Benares to Modern Columbo. L.; N.Y., 1988; Ling T. The Buddha: Buddhist civilization in India and Ceylon. L., 1973; Carrithers M. The Buddha. Oxford; N.Y., 1983; Oldenberg H. The Buddha: his life, his doctrine, his order. L., 1982.

¹¹ Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 31.03.2021).

снизошло озарение: он нашел ответ на свой вопрос и ему открылась тайна освобождающего знания, включающего четыре благородные истины: о вселенском страдании, его источнике, о прекращении страдания и пути к прекращению страдания. Из Бодхисаттвы (“Будущего Будды”) Гаутама становится Буддой (“Просветленным”)¹².

Потрясенный своим открытием, Будда просидел под этим деревом несколько дней, а затем спустился в долину, к людям, которым начал проповедовать новое учение¹³. Итогом первой знаменитой проповеди, произнесенной Буддой в Бенаресе, стало обращение пяти учеников. И далее, “в течение сорока с лишним лет Будда нес миру свое учение. Его голос звучал на дорогах его странствий и замолкал лишь на время сезона дождей. Число его приверженцев быстро росло — речи Будды и его учеников, но еще больше их образ жизни привлекли в буддийскую общину все новых и новых сторонников учения Просветленного”¹⁴.

К сожалению, первые объективные доказательства существования вероучения, именуемого буддизмом, содержатся в надписях, высеченных на скалах и колоннах по указу царя Ашоки, который правил империей Маурьев (Северная Индия) с 269 по 232 г. до н.э. и жил лет на двести позже Будды. Подобная скудость достоверных свидетельств и заставила некоторых западных историков XIX в. усомниться в том, что Гаутама был реальной исторической личностью¹⁵.

Как отмечает один из самых авторитетных историков религии К. Армстронг, “в Палийском Каноне нет никаких сведений, достоверность которых отвечала бы критериям современной исторической науки. Он лишь передает легенду о Гаутаме, которая бытовала в те времена, когда Палийский канон обрел более или менее отчетливую форму, то есть через три поколения после смерти Гаутамы. Кроме того, Палийский канон не содержит хронологически последовательного описания его биографии. Короткие эпизоды из его жизни вкраплены в канву проповедей и наставлений и служат лишь прологом к очередной доктрине или правилу”¹⁶.

С одной стороны, “Тибетские и китайские священные тексты более позднего времени, безусловно, содержат материалы древнего происхождения, но и они не более чем более поздние варианты трактовки легенды. Весьма удручающим является и то обстоятельство, что самый старый из дошедших до наших дней текстов Палийского

¹² Арвон А. Указ. соч. С. 35–37.

¹³ Карус П. Провозвестие Будды. М., 2014.

¹⁴ Арвон А. Указ. соч. С. 40.

¹⁵ Армстронг К. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 14.

канона имеет возраст всего 500 лет”¹⁷. “Все эти факты, — продолжает исследовательница, — вроде бы подтверждают точку зрения тех буддологов, которые отрицают гипотезу о существовании Гаутамы как реального исторического лица”¹⁸.

С другой стороны, многие из сказаний и легенд Палийского канона имеют аллегорический или символический смысл. Ранних буддистов гораздо больше занимала значимость событий, нежели точность исторических деталей¹⁹. Кроме того, в многочисленных проповедях, беседах, наставлениях, приписываемых Будде, явно прослеживаются последовательность и согласованность, что свидетельствует о том, что они являются продуктом интеллекта одного конкретного человека. “Более того, вполне возможно, что некоторые из этих изречений в действительности были высказаны самим Сиддхартхой Гаутамой, правда, <...> нет полной уверенности в том, какие именно”²⁰.

Целый ряд ученых настаивают на достоверности буддийской традиции в том, что касается места рождения Будды, его семьи и его учения²¹. Они ссылаются на данные археологов, которые обнаружили в Непале надпись, показывающую, что культ реликвий Будды существовал уже в III в. до н.э. Кроме того, севернее Бенареса было найдено точное местоположение Капилавасту, родного города Будды.

Таким образом, несмотря на очевидную скудость подлинных исторических источников, многие ученые²² с достаточной долей уверенности утверждают, что человек по имени Сиддхартха Гаутама действительно существовал, и что его последователи в меру своих сил сохранили как само учение, так и сведения о его жизни²³, — заключает К. Армстронг.

Значительный интерес для социологов представляет образ жизни первых последователей Будды. Они собирались в каком-нибудь уединенном месте на период дождей и, переживая этот период, образовывали небольшую общину. Вступившие в общину обычно отказывались от всякой собственности. Их называли бхикшу, что означает “нищий”²⁴. Они обривали голову, облачались в лохмотья, преимущественно желтого цвета, и имели при себе лишь самое не-

¹⁷ Армстронг К. Указ. соч. С. 12–13.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Арвон А. Указ. соч. С. 31.

²² Ашвагоша. Указ. соч.; Герольд А.Ф., Карягин К.М., Ольденбург С.Ф. Указ. соч.; Carrithers M. The Buddha. Oxford; N.Y., 1983; Oldenberg H. Op. cit.

²³ Армстронг К. Указ. соч. С. 8.

²⁴ Агаджанян А.С. Буддизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006; Введение в буддизм / Ред.-сост. В.И. Рудой. СПб., 1999.

обходимое: три предмета одежды, бритву, иглу, пояс, сито, чтобы процеживать воду, выбирая из нее насекомых, зубочистку, чашку для подаваний. Большую часть времени они проводили в странствиях, собирая милостыню. Принимать пищу они могли только до полудня и только вегетарианскую. В пещере, в заброшенном строении, бхикшу переживали период дождей, беседуя на благочестивые темы и практикуясь в самосовершенствовании. Умерших бхикшу обычно хоронили вблизи мест их обитания. Впоследствии на местах их захоронений возводились памятники-ступы (куполообразные строения-склепы с наглухо замурованным входом). Вокруг этих ступ сооружались различные строения, а затем возникали монастыри и складывался устав монастырской жизни²⁵.

Вскоре после смерти Будды с целью канонизации учения его последователи созвали первый буддийский собор. Цель этого собора, который проходил в городе Раджагрих, заключалась в том, чтобы договориться, как оценивать все многообразие имевшихся на тот момент доктрин и направлений духовной практики²⁶. В конечном счете, все учение было разделено на обособленные, хотя и пересекающиеся, канонические тексты, а специально назначенные монахи должны были выучить их наизусть, каждый — свою часть, чтобы донести до следующего поколения. Однако не все были согласны с принятыми на этом соборе решениями. В 380 г. до н.э. был созван второй буддийский собор в Вайшали, для того чтобы разрешить возникшие разногласия²⁷. Именно после второго собора в буддизме произошел раскол, в результате которого образовалось несколько школ буддизма²⁸.

Во времена правления императора Ашоки (III в. до н.э.), при котором учение Просветленного распространилось по всей Индии²⁹, в городе Паталипутра прошел третий собор, на котором был окончательно закреплён буддийский канон и утверждены священные тексты буддизма. Первоначально они записывались на пальмовых листьях, которые складывали в корзины. Эти тексты и образовали так называемый “Палийский канон”, который написан на языке пали. Этот канон, который состоит из трех частей, часто называют Типита-

²⁵ Торчинов Е.А. Введение в буддизм. М., 2020; Буддизм. Словарь / Под ред. Н.Л. Жуковской, А.Н. Игнаговича, В.И. Корнева М., 1992; Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

²⁶ Армстронг К. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru>

²⁸ Армстронг К. Указ. соч. С. 12.

²⁹ Арвон А. Указ. соч. С. 102.

ка (“Три корзины”), поскольку, когда он был положен на бумагу, его составные части хранили в трех отдельных корзинах³⁰.

Первая “корзина”, Сутта-питака, содержит учение Будды и популярную буддийскую литературу, включающую “Дхаммападу”, что означает “путь истины” (антология буддийских притч), и “Джатаку” — собрание рассказов о предыдущих жизнях Будды. Вторая “корзина”, Виная-питака, — корзина “Устава”, т.е. предписаний, касающихся жизни монахов. “Устав” как своего рода буддийский катехизис включает в себя разделы, в которых оговорены, в частности, толкования к наставлениям Будды относительно проступков, правила исповеди в содеянных проступках, предписания на каждый день и т.п. Третья “корзина”, Абхидхамма-питака, содержит толкования буддийского учения, к которым относятся семь собраний текстов философского характера³¹.

Следует отметить, что сам Будда всегда делал акцент на том, что его учение основывается исключительно на собственном, пережитом им лично опыте. Для того чтобы стать пробужденными, говорил ученикам Гаутама, нужно поступить также, как и он в свое время: отказаться от семьи и дома, уйти в монашество и освоить ментальную дисциплину йоги. Так что жизнь Гаутамы и его учение неразрывно связаны³²: “...его жизненный путь приводится священными буддийскими текстами и комментариями в качестве образца и вдохновляющего примера для его последователей”³³.

Тем не менее, в научных источниках³⁴ реконструировано первоначальное учение, которое проповедовал Будда и которое служит общим стволом дальнейших ответвлений. Основные идеи буддийского учения содержатся в “Четырех Благородных истинах”, составивших основу знаменитой “Бенаресской проповеди” Будды. Их текст постоянно воспроизводится и трактуется каноническими авторами, служит им отправной точкой, необходимой для понимания буддизма³⁵.

В первой, “Благородной истине о страдании”, Будда провозглашает *источник страдания*: «...рождение есть страдание, старость

³⁰ Армстронг К. Указ. соч. С. 11.

³¹ Арвон А. Указ. соч. С. 79–81.

³² Ольденбург С.Ф., Владимирцов Б.Я., Щербатской Ф.И., Розенберг О.О. Жизнь Будды, индийского учителя жизни. Пять лекций по буддизму. Самара, 1998; Oldenberg Н. Op. cit.

³³ Армстронг К. Указ. соч. С. 15.

³⁴ Андреев В.П., Терентьев А.А. и др. Указ. соч.; Введение в буддизм; Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века. СПб., 1998; Ольденбург С.Ф., Владимирцов Б.Я., Щербатской Ф.И., Розенберг О.О. Указ. соч.; Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.

³⁵ Арвон А. Указ. соч. С. 43.

есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, соединение с ненавистными есть страдание, разлука с любимыми есть страдание, недостижение желаемого есть страдание. Итак, все пять предметов нашей привязанности (пять элементов, составляющих “Я”: тело, ощущения, внешний облик, представления и творящие силы) — все они суть страдание».

Вторая — “Благородная истина о причине страдания”. Таковой является “жажда жизни, ведущая от перерождения к перерождению, сопровождаемая удовольствиями и вожделением, тут и там ищущая себе удовлетворения: жажда удовольствий, жажда жизни, жажда непостоянства”.

Третья “Благородная истина о прекращении страдания” сводится к “избавлению... путем полного отречения от желаний, запрета на желания, отказа от желаний, устранения желаний, уничтожения желаний”.

Наконец, четвертая “Благородная истина о пути, что ведет к устранению страдания”, указывает путь “освобождения”, ведущий к прекращению страдания³⁶.

Согласно учению Будды, путь к этому освобождению представляет собой сложную программу, включающую этическую систему, технику медитации и спасительную мудрость³⁷.

Если обобщить основные истины, открытые Буддой, то они сводятся к следующему.

Вся жизнь человека — страдание. Эта истина основана на признании непостоянства и преходимости всех вещей. Все возникает, чтобы быть уничтоженным. Существование лишено субстанции, оно само себя пожирает, поэтому в буддизме оно обозначается в виде пламени. А из пламени можно вынести только скорбь и страдание. Причина страдания — наше желание. Страдание возникает, потому что человек привязан к жизни, он жаждет существования. Поскольку существование наполнено скорбью, страдание будет существовать до тех пор, пока человек будет жаждать жизни. Для того чтобы избавиться от страдания, нужно избавиться от желания. В свою очередь, для того, чтобы избавиться от желания, нужно следовать восьмеричным путем спасения.

Путь спасения предполагает восемь состояний, овладев которыми, человек может достичь очищения ума, спокойствия и интуиции: 1) правильное понимание: следует поверить Будде, что мир полон скорби и страданий; 2) правильные намерения: следует

³⁶ Арвон А. Указ. соч. С. 43–44.

³⁷ Агаджанян А.С. Указ. соч. С. 142–143.

твёрдо определить свой путь, ограничить свои страсти и стремления; 3) правильная речь: следует следить за своими словами, чтобы они не вели ко злу, — речь должна быть правдивой и доброжелательной; 4) правильные поступки: следует избегать недобродетельных поступков, сдерживаться и совершать добрые дела; 5) правильный образ жизни: следует вести жизнь достойную, не принося вреда живому; 6) правильные усилия: следует следить за направлением своих мыслей, гнать все злое и настраиваться на доброе; 7) правильные помыслы: следует уяснить, что зло — от нашей плоти; 8) правильная сосредоточенность: следует постоянно и терпеливо тренироваться, достигая умения сосредоточиваться, созерцать, углубляться в поисках истины.

Первые две ступени означают достижение мудрости, следующие три — нравственное поведение, и, наконец, последние три — дисциплину ума. Однако эти состояния нельзя понимать буквально как ступени лестницы, по которой человек поднимается постепенно, поскольку они тесно взаимосвязаны. Так, нравственное поведение необходимо для достижения мудрости, а без дисциплины ума невозможно развить нравственное поведение. Мудр тот, кто поступает сострадательно, а сострадате́лен тот, кто поступает мудро³⁸.

Венцом буддийского учения является понятие нирваны — буддизм рассматривает нирвану как прекращение череды перерождений³⁹. Первоначально это понятие трактовалось как “угасание”, “затухание”. Будда поясняет его смысл на примере светильника, в котором огонь гаснет, когда иссякает топливо. Человек, который перестает поддерживать огонь своих страстей, тоже “гаснет”; по окончании его жизни не происходит нового рождения: это похоже на лампу, которая, потухнув, больше не может светить. Нирваны можно достичь, если все мысли, все волеизъявления, все чувства будут отменены, упразднены, уничтожены, однако для этого необходим долгий путь ученичества, иногда он растягивается на несколько жизней⁴⁰. Если изначально по поводу нирваны высказываются только отрицательные суждения: это и не желание, и не сознание, не жизнь и не смерть, то в позднейшем буддизме нирвана понимается как блаженство, состоящее в свободе и одухотворении⁴¹.

Продвижение к нирване в буддизме следует начинать с занятий йогой. “Йога” означает “иго”, “ярмо”, “гнет”, но прежде всего дисци-

³⁸ Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

³⁹ Арвон А. Указ. соч. С. 53–54.

⁴⁰ Там же. С. 55.

⁴¹ См. об этом: *Островская Е.П., Рудой В.И.* Классические буддийские практики. Вступление в Нирвану. СПб., 2006.

плина. Буддийская йога дает, прежде всего, метод активного самоконтроля: благодаря физическим и психическим упражнениям можно подняться по ступеням некой умозрительной лестницы. Первая ступень состоит в достижении контроля над чувствами, вторая — в укрощении воображения, третья — в устранении ощущения и, наконец, четвертая — в том, чтобы пожать плоды этого духовного восхождения⁴². Тем самым практика йоги ведет к бесстрастному и отрешенному погружению в нирвану⁴³.

Как отмечают ученые, примерно через 200–300 лет после смерти Будды в буддизме оформились *два ключевых направления* — Малая колесница (тхеравада, хинаяна) и Великая колесница — махаяна⁴⁴. Их идейными вдохновителями принято считать двух друзей и прославленных приверженцев Будды — Шарипутру и Маудгальяну⁴⁵.

Малая колесница или Узкий круг спасения, также хинаяна (учение старейшин) или же тхеравада относились к тем, кто строго придерживался буквы буддийского учения и не пытался расширить его до пределов всеобъемлющей религии. Тхеравада, или паллийская традиция, считается самым ортодоксальным направлением в буддизме. Это так называемый “южный вариант буддизма”, который несколько столетий развивался в Индии, получил оформление на острове Шри-Ланка и затем распространился в Юго-Восточной Азии (Таиланде и отчасти — во Вьетнаме).

В учении тхеравады идеалом считается монашеская жизнь, только монах может достичь спасения и избавиться от перевоплощений. На пути спасения никто не может помочь человеку, все зависит от его личных усилий. В хинаяне отсутствует пантеон святых, которые могут заступиться за людей, нет понятия рая и ада (есть только нирвана и прекращение воплощений), а также отсутствуют обряды и магия, иконы и культовая скульптура.

Махаяна (“Великая колесница”) или Широкий круг спасения — это северная разновидность буддизма, которая возникла в результате критики ее приверженцами тхеравады за излишнюю монашескую строгость и элитизм. Буддизм махаяны, разработанный известным индийским буддистом Нагараджуной, внес много изменений в классическое учение.

Махаяна предполагает, что благочестие мирянина сопоставимо с заслугами монаха и обеспечивает спасение. В ней появляется инсти-

⁴² Арвон А. Указ. соч. С. 59.

⁴³ Там же.

⁴⁴ “Яна” означает “колесница”; на этой колеснице можно преодолеть поток перерождений и пристать к берегу нирваны.

⁴⁵ Армстронг К. Указ. соч. С. 149.

тут бодисатв — святых, достигших просвещения, которые помогают мирянам, ведут их по пути спасения: им можно молиться, просить у них помощи. Появляется понятие о рае, куда душа попадает за добрые дела, и аде, куда она попадает в наказание за грехи. Она придает большое значение обрядам и чародейству, а в ее рамках появляются скульптурные изображения будд и бодисатв.

В целом махаянисты, укрепившие свои позиции в Китае, Корее и Японии, предлагали более свободные толкования слов Будды, предъявляли менее жесткие требования к адептам и практиковали введение большего количества сверхъестественных элементов в учение и культ. Тем самым махаяна делала религию буддизма более эмоциональной, более доступной широкому кругу, особенно массе мирян (а не только монахов)⁴⁶.

Несомненно, возникновение Великой Колесницы было вызвано целым рядом причин. Но очевидно, что распространение буддийского учения было связано с его постепенным расширением⁴⁷. Своеобразие и социальное значение Великой Колесницы состоят главным образом в разработке новой этики. Высшая цель заключается уже не в том, чтобы самому вырваться из мучительного круговорота перерождений, — стремление, в сущности, эгоистическое, — а в том, чтобы помочь другим достичь освобождения⁴⁸.

Существенно позднее, с VII в. в Индии возникает Алмазная Колесница, ваджраяна, которая, по сути, заимствовала у махаяны синкретические тенденции, но развила их еще в гораздо больших масштабах.

“Алмазная колесница”, ваджраяна (тантра, тантраяна, тантрийский буддизм) отличалась значительной ролью тайных, эзотерических элементов, благодаря которым можно достичь высшей божественной силы, столь же несокрушимой, как алмаз (ваджра). Она претендовала на мгновенный путь к просветлению с помощью радикальных мистических приемов (интенсивная медитация, видения — транс, мантры (магические формулы), оккультные знания, изложенные в эзотерических текстах). Хотя элементы мистической эзотерики и магии можно обнаружить во всех школах и традициях буддизма, ваджраяна чаще всего ассоциируется с тибетским буддизмом⁴⁹.

Исследователи подчеркивают, что это деление на “колесницы”, обозначенное выше, никогда не было окончательным: «...если от-

⁴⁶ Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁴⁷ Арвон А. Указ. соч. С. 82.

⁴⁸ Там же. С. 84.

⁴⁹ Джампа Т. Живая философия и медитация тибетского буддизма. М., 1995.

влечся от догматических разногласий, то нынешним своим территориальным распространением влияния “колесницы” обязаны в основном географическим и климатическим различиям»⁵⁰.

Окончательный раскол между двумя основными направлениями буддизма завершился лишь к концу первого тысячелетия нашей эры, когда буддизм вышел за пределы Индии, и позднее, когда в Индии он угас, а различные составляющие буддийского мира стали все дальше отдаляться одна от другой. Однако этот раскол никогда не сопровождался какими-либо физическими противостояниями. “Тот факт, что Будда в равной степени уважал обоих своих последователей, и Шарипутру, и Маудгальяяну, указывает, что обе школы считались аутентичными. Они сосуществовали куда более мирно, чем, например, непримиримые католицизм и протестантство”⁵¹. Восприняв индийскую систему религиозно-философских диспутов, буддистские монахи довели ее до логического совершенства, превратив религиозные дискуссии в своеобразный обряд философских турниров⁵².

Постепенно из небольшой религиозно-философской школы буддизм превратился в мировую религию. Важнейшей причиной быстрого распространения буддизма стал универсализм этой религии, содержание которой сводится ее последователями — буддистами — к трем “драгоценностям”: Будда, Дхарма и Сангха, являющимися своеобразными символами их веры.

Будда — это не только имя основателя буддизма, но и духовный титул, означающий высшее состояние сознания. Учение Будды называется Дхарма — “понятие, имеющее множество коннотаций, но изначально означавшее фундаментальный закон существования, которому подвластны и Боги, и люди, и животные”⁵³. Дхарма подразумевает, прежде всего, само учение (включая устные поучения Будды и священные тексты), а также и истину вообще, тот космический закон, который раскрывается в учении. Дхарма была изложена в “Типитаке” — буддистском каноне, который был зафиксирован в четком изложении непосредственно со слов Будды Шакьямуни в 29 г. до н.э., а затем во многих других текстах⁵⁴. Сангха — представляет собой институт монашества, созданный Буддой и на практике воплощающий все основные ценности учения⁵⁵.

⁵⁰ Арвон А. Указ. соч. С. 75.

⁵¹ Армстронг К. Указ. соч. С. 149.

⁵² Таевский Д. Секты мира. Ростов н/Д.; СПб., 2007. С. 402–403.

⁵³ Армстронг К. Указ. соч. С. 8.

⁵⁴ Там же. С. 122.

⁵⁵ Агаджанян А.С. Указ. соч. С. 142–143.

Изначально Будда создал свою общину именно как монашеское братство, а все его речи были обращены исключительно к монахам. Мирянам отводилась роль “дарителей”, добровольно подающих милостыню монахам и, тем самым, берущим на себя заботу о них. Но, по сути дела, мирянам не отпущена доля во благах, даруемых учением Будды. Только полный отказ от мирской жизни ведет к освобождению⁵⁶.

Как уже было отмечено выше, Будда не стремился привлечь к своему учению массу сторонников — его первая проповедь была обращена лишь к нескольким ученикам. Само учение, по сути, было рассчитано на монашескую среду и предполагало, чтобы слушатели последовали ему, перестроили свою жизнь в соответствии с ним.

Таким образом, буддийская община, образованная еще при жизни Будды, представляла собой братство нищенствующих монахов, возглавляемых Буддой, “которые не творили никаких обрядов, но лишь примером своей жизни указывали людям путь спасения”⁵⁷. После смерти Будды объединение монахов стало осуществляться только на основе его учения, без какой-либо единой централизации. Общины, живущие по соседству, могли объединяться, и монахи действовали сообща, постепенно формируя монастыри. Объединенная в рамках монастыря община стала называться сангхой, хотя порой этим словом обозначали буддистов одного района или целой страны. Вначале в сангху принимались все желающие, затем были введены некоторые ограничения — перестали принимать преступников, рабов, а также несовершеннолетних без согласия их родителей. Минимальный установленный для новичка возраст составлял шестнадцать лет.

Определенный интерес представляет обряд посвящения в монахи, который проходит две ступени, на которых будущего послушника подвергали суровому экзамену, проверяя силу его духа и волю.

Первая ступень посвящения олицетворяла “уход из мирской жизни” — решение новичка покинуть “суетный мир” и посвятить себя учению Будды. Новичок в сопровождении своего наставника, одетый в мирские одежды, но с желтым одеянием нищего монаха в руках, предстал перед собранием монахов и просил их принять его в ученики. Затем он принимал на себя обязательство точно соблюдать все предписания общины: “Воздерживаться от убийства живого существа; воздерживаться от воровства; воздерживаться от блуда и всякого рода распутства; воздерживаться от лжи; воз-

⁵⁶ Арвон А. Указ. соч. С. 68.

⁵⁷ Там же. С. 61–62.

держиваться от еды в запретное время; воздерживаться от танцев, песен и всяческих зрелищ и увеселений; воздерживаться от украшения своей особы с помощью цветочных гирлянд, притираний и благовоний; воздерживаться от спанья на кровати или на высокой и широкой скамье; воздерживаться от получения золота, серебра и денег”⁵⁸.

Затем ученик облачался в желтые одежды: две нижние рубахи и плащ, покрывающий все тело, за исключением правого плеча, брал свою чашку для милостыни и отныне начинал жить той же жизнью, что и его учитель. С восхода солнца и до полудня он просил подаяния; после полудня отправлялся в сад или в здание, подаренное ученикам Будды богатыми мирянами, или же вглубь леса и там под руководством учителя осваивал знания и предавался созерцанию⁵⁹.

После более или менее длительного периода обучения, но не ранее достижения возраста двадцати лет, новичок просил разрешения на второе посвящение — “получение звания”. Сопровождаемый двумя поручителями, один из которых обязательно должен был быть его личным наставником, ученик, вступающий в общину, проходил испытание, доказывая, что он достоин стать монахом. При этом “не быть пораженным заразной болезнью или увечьем, пользоваться полной свободой, то есть не быть ни рабом, ни должником, ни иждивенцем, ни воином чьей-либо дружины”⁶⁰. Лишь после этого ученик получал звание бхикшу — буддийского монаха.

Во время пребывания в монастыре послушник отказывался от всего, что связывало его с миром, — семьи, касты, собственности и принимал на себя ряд обязанностей, а также запретов и мелких ограничений. Например, не употреблять вещей, имеющих сильный запах или интенсивный цвет. За грубые нарушения монашеского устава собратья могли изгнать послушника из общины, а за четыре главных греха — блуд, воровство, убийство, обман (лицемерие, клевета, самозванство) — немедленно исключить⁶¹.

Первоначально в общину допускались исключительно мужчины, так как Будда не доверял женщинам. Но ради тетки, Маха-Праджапати, которая воспитывала Будду после смерти матери⁶², Будда решил допустить в общину и женщин. Однако несмотря на то, что женщины были приняты в общину, они полностью подчинялись монахам.

⁵⁸ Арвон А. Указ. соч. С. 63.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 63–64.

⁶¹ Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁶² Арвон А. Указ. соч. С. 66.

“Монахиня, — предписывает Будда, — даже если ей сто лет от роду, должна благоговеть перед монахом, чтить его, вставать при его приближении, приветствовать его, соединив руки, оказывать ему почести как в обычные дни, так и в праздники. Монахиня не имеет права во всеуслышание хулить и порицать монаха, тогда как тому позволено бранить ее”⁶³. Тем самым уже изначально учение Будды содержало определенные элементы гендерного неравенства.

У монахов не было настоящих проявлений культа: они не служили богам; напротив, считали, что боги должны им служить, поскольку они святые. Монахи не занимались никаким трудом, кроме ежедневного хождения за милостыней. Их занятия состояли в духовных упражнениях, медитации, чтении и переписывании священных книг, совершении или участии в совершении обрядов.

Религиозная жизнь бхикшу также предполагала два ежемесячных покаянных собрания, приуроченных к новолунию и полнолунию. Собравшись вместе, монахи проводили общую исповедь, состоящую из восьми разделов: 1) опрос, 2) вступление, 3) тяжкие проступки, 4) ошибки, допустимые в порядке исключения, 5) сомнительные проступки, 6) проступки, влекущие за собой окончательное исключение, 7) девяносто два проступка, требующих исповеди и прощения, и, наконец, 8) четыре проступка, требующих исповеди. В зависимости от тяжести греха применялись и санкции, чаще всего выражавшиеся в форме добровольно взятого на себя покаяния⁶⁴.

Хотя Будда и создал свою общину как монашеское братство и почти во всех своих речах обращался исключительно к монахам, в буддийских текстах также говорится о благочестивых мирянах, заботящихся о монахах и входивших в “дальнее” окружение Будды. Дело в том, что монахи существовали исключительно за счет милостыни. При этом деньги они не могли брать ни в коем случае, даже пищу они не должны были просить, — миряне сами должны были подавать ее только показавшемуся на пороге монаху. Монахи, отречьшиеся от мира, каждый день заходили в дома простых людей, для которых уже само появление монаха было живой проповедью и приглашением к высшей жизни.

Миряне, оставаясь в суетном мире, тоже старались в той или иной мере следовать учению Просветленного. Однако на самом деле с учением их не связывало ничто, хотя бы отдаленно похожее на церковь или вероисповедание в прямом смысле этого слова. Будда и

⁶³ Арвон А. Указ. соч. С. 66–67.

⁶⁴ Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

его ученики больше всего ценили в мирянах добродетель щедрости, поощряли их к благотворительности, но не той, что велит помогать бедным и обездоленным, а лишь к той, что предписывает подавать милостыню монахам. За оскорбление монахов миряне наказывались тем, что от них не принимали подаяния, перевертывая чашу для милостыни. Если таким образом отвергнутый мирянин примирялся с общиной, то его дары опять принимались. Таким образом, мирянин всегда оставался для монаха существом низшей природы.

На взгляд буддистов, не следует поклоняться ничьим авторитетам, какими бы величием и достоинствами они бы ни обладали. Напротив, истинный буддист должен быть самостоятелен в духовном плане и уповать не на помощь харизматического лидера, а лишь на собственные усилия. Гаутама на протяжении всей жизни решительно пресекал попытки поклонения лично ему и протестовал против того, чтобы ученики сосредоточивали внимание на его персоне. Тем самым Гаутама внушал им, что самое важное — это учение как таковое, а не личность и жизненный опыт учителя⁶⁵.

В данной связи первоначальный буддизм намеренно избегал всяких изображений Будды. Разве, вступая в нирвану, сам Учитель не сказал ученикам: “Учение и Устав, которые я вам проповедовал, должны стать вашими учителями, когда меня не станет”? Считалось, что внешний облик Будды не имеет никакого значения; только его учение достойно почитания. Вот почему в буддийском искусстве Будду часто изображают с помощью одного из символов, восходящих к его учению: либо это смоковница, под которой он достиг озарения, либо Колесо Закона и др. Однако затем даже последователи школы Тхеравада, которая настаивала на трактовке образа Будды всего лишь как наставника и образца для подражания, постепенно начинали видеть в нем сверхчеловека, а другие, приверженцы более распространенной школы буддизма, махаяны, фактически обожают Будду⁶⁶.

Лишь начиная с I в. до н.э., по мере того, как буддизм распространялся в народе, стала проявляться потребность во внешних знаках почтения и благоговения, которые окружали бы основателя учения, появляются антропоморфные изображения Будды⁶⁷. Перед этими статуями, — а их, по-видимому, в храмах Индии существовали многие тысячи, — склонялись благочестивые прихожане. Вскоре возник настоящий культ Будды, облеченный в традиционные формы народ-

⁶⁵ Армстронг К. Указ. соч. С. 7.

⁶⁶ Там же. С. 18.

⁶⁷ Арвон А. Указ. соч. С. 69–70.

ных верований и обрядов⁶⁸. Одним из его проявлений является так называемый культ реликвий — отдельных частей тела или останков (ступ) Будды, которые хранятся в различных городах⁶⁹.

Буддизм зародился в Индии и в этой же стране он достиг значительного расцвета. Однако к концу I тысячелетия н.э. он стал утрачивать свои позиции. Этому способствовала и вражда между разными направлениями буддизма, которая нередко приводила к открытой борьбе. Монашеские братства, которые внутри себя не признавали никакой иерархии, а над собой никакой центральной организации, подвергались вечной опасности раскола⁷⁰.

Начиная с XII в. буддизм, фактически исчезнув из Индии, продолжал активно развиваться. Он стал базовым элементом как элитарной, так и народной культуры в Камбодже, Мьянме, Таиланде, Шри-Ланке, Лаосе, Бутане, где доминирует религиозная традиция Малой Колесницы, в определенном смысле самая первоначальная форма буддийского учения. Буддизм охватил значительную часть населения Кореи, Тайваня, Монголии, Вьетнама и Непала, а также Китая и Японии. При этом, приходя в новые страны, буддизм никогда не противопоставлял себя местным верованиям, а стремился адаптироваться под них⁷¹. Так, если говорить об особенностях распространения буддизма в Китае, то здесь следует вести речь об интеграции буддийского учения с другими, достаточно проработанными — конфуцианством и даосизмом. Поэтому включение практически всего населения Китая в число приверженцев буддизма считается глубоко ошибочным. В Японии же буддизм, приспособленный лучше любой другой религии к поглощению иных верований, с такой легкостью и гармоничностью оказался вплетенным в синтоизм⁷².

Предел распространению буддизма в качестве мировой религии как с точки зрения ее наднациональной значимости, так и вследствие мощи ее проповеднического импульса, на Западе был положен существованием своеобразной непроницаемой стены, которая еще в древности отделила западный мир от восточного. Глубокая несовместимость между восточной мыслью и мыслью западной существовала еще до того, как христианство завладело душой европейца⁷³. Первые попытки проповедовать буддизм на Западе были предприняты в III в. до н.э. во времена правления Ашоки, но они “не увенчались каким

⁶⁸ Арвон А. Указ. соч. С. 68.

⁶⁹ Там же. С. 69.

⁷⁰ Там же. С. 72.

⁷¹ Таевский Д. Указ. соч. С. 404–405.

⁷² Арвон А. Указ. соч. С. 139.

⁷³ Там же. С. 140.

бы то ни было успехом”⁷⁴. Только в XIX в. буддизм под знаменем “восточного ренессанса” начинает вызывать настоящий интерес⁷⁵.

Исследователи отмечают, что буддизм считается самой толерантной из мировых религий: он не отвергает и не запрещает толкования канона, и как следствие этого, расхождений в вероучении⁷⁶. Это связано с тем, что буддизм — это религиозно-философское учение, которое отталкивается не от боговдохновенного текста, а от “движущей идеи”, которой является “вселенское страдание”⁷⁷. Эту идею допускается по-разному воспринимать и толковать. Кроме того, у буддизма, как и у индуизма (в целом), нет той жесткой институциональной организации, которая характерна для христианства или ислама. Эта религия также “менее всего, если ее сравнивать с другими главными религиями, ассоциируется с фундаментализмом”⁷⁸.

Действительно, приходя в новые страны, буддизм никогда не противопоставлял себя местным верованиям, а стремился адаптироваться под них⁷⁹. При этом дальнейшее распространение буддизма на значительной территории, занимаемой самыми разнообразными народами, гибкость его вероучения, легкость, с которой он поглощал другие верования и сам поглощался ими, породили множество маргинальных и синкретических религиозных доктрин.

Под синкретизмом понимают смешение разнородных религиозных элементов, обрядов, культов, верований в одном религиозном течении⁸⁰.

Так, появление начиная с середины, а особенно в конце XIX в., в Западной Европе массы исследований по культуре Индии, Китая, Японии, породило широчайший интерес к восточным религиям. Одновременно отсутствие необходимой терминологии, достоверных переводов первоисточников и, как следствие, искаженное адаптированное представление о них, способствовали дешевой популяризации этих религий, облегченному и существенно видоизмененному их восприятию. В свою очередь, потребность осмысления восточных религий на бытовом уровне вызвала к жизни метод “упрощения”, в результате которого стали выявляться аналогии (часто отсутствующие на самом деле) между монотеистическими и политеистическими конфессиями. Очень часто инструментом исследования религий

⁷⁴ Арвон А. Указ. соч. С. 141.

⁷⁵ Армстронг К. Указ. соч. С. 22–23.

⁷⁶ Таевский Д. Указ. соч. С. 402.

⁷⁷ Арвон А. Указ. соч. С. 43.

⁷⁸ Neuwoud A. Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 316.

⁷⁹ Таевский Д. Указ. соч. С. 404–405.

⁸⁰ Там же. С. 446.

учеными этого периода становился не системный анализ, а поверхностное описание внешней атрибутики и экзотических обрядов, без исследования философской основы и межконфессиональных связей, как это происходило долгое время с различными направлениями буддизма. Для европейского сообщества ситуацию восприятия восточных и экзотических религий сильно исказили поверхностные исследования и весьма субъективные выводы на основе этих исследований, сделанные, как правило, христианами миссионерами середины и конца XIX в., а также деятельность ряда восточных религиозных деятелей, выдававших идеи локальных религиозных общин за полноценные религиозные концепции⁸¹.

Примером тому служит деятельность тоталитарной секты “Аум Синрикё” (Учение истины АУМ)⁸², запрещенной в Японии, но долго сохранявшей свою популярность как в Западном мире, так и в России⁸³. Более того, в конце XIX в. в буддизме возникли тенденции к модернизации самой сущности вероучения и культа, которые привели к появлению буддийского фундаментализма.

Как отмечают исследователи, еще в годы колониализма в Шри-Ланке начался процесс модернизации буддизма “тхеравады”, получивший название “мирянизация буддизма”⁸⁴. “Мирянизация буддизма” означала возрастание роли мирян в жизни буддийской общины. Миряне острова Шри-Ланка, а затем других Южно-Азиатских стран, где преобладала паллийская традиция, начали создавать религиозные мирские организации — воскресные школы, молодежные и женские буддийские ассоциации, а также различные комитеты. Следует отметить, что это “религиозное возрождение” имело огромное значение для становления не только сингальского, но и тамильского самосознания. Сингало-буддийское движение под руководством А. Дхармапалы шло параллельно с тамило-индуистским движением за возрождение, руководимым А. Наваларом⁸⁵.

В то же время наряду с развитием движения мирян за реформу буддизма шел процесс активизации монашества, его все большего вовлечения в политическую жизнь⁸⁶. Активное сопротив-

⁸¹ См.: Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010. Гл. 2.

⁸² Таевский Д. Указ. соч. С. 430.

⁸³ См.: Челищев В.И. Указ. соч.

⁸⁴ См.: *Malalgoda K. Buddhism in Sinhalese society 1750–1900: a study of the religious revival and change.* Berkeley, 1976.

⁸⁵ Старостин Б.С., Старостина Ю.П. Ученые Запада, Востока и России о буддийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Уч. пособ. для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 426–427.

⁸⁶ См. об этом: Талмуд Э.Д. Общественно-политическая мысль Шри-Ланки в Новое время. М., 1982. С. 77–81.

ление британским колонизаторам потребовало узаконивания этой новой деятельности монахов: было провозглашено, что политическая активность является отправлением их традиционной функции давать советы правителям на основе моральных заповедей Будды. Этот аргумент подтверждался примерами из истории и буддийской мифологии, которые были приведены в книге буддийского монаха и профессора В. Рахулы, впервые изданной на сингальском языке в 1946 г. “Наследие бхиккху (буддийского монаха — Прим. Н.О.): краткая история бхиккху в образовательной, культурной, социальной и политической жизни”. Главный принцип, обоснованный в данной книге, гласил: пропаганда буддизма является обязанностью бхиккху, благополучие которого зависит от благополучия народа, исповедующего буддистскую религию. В связи с этим, утверждал В. Рахула, монахи должны непосредственно включиться в работу, направленную на подъем уровня жизни населения. Монахи, задействованные в сфере образования, реконструкции деревень, в кампаниях по борьбе с преступностью, в сборе средств для пострадавших от стихийных бедствий и т.д., принимают участие в политике, и неважно, подчеркивал В. Рахула, осознают они это или нет. На протяжении всей истории благосостояние нации и благосостояние религии являются синонимами, а отделение религии от нации навязано завоевателями с Запада, принадлежавшими к другой вере⁸⁷.

Популяризация данного принципа способствовала в дальнейшем нарастанию воинствующего буддийского фундаментализма, приверженцы которого выступали за ограничение власти христианских миссий, обязательное преподавание учения Сиддхартхе в школах, пропаганду взгляда на буддизм как на философию, а не религию, использование буддизма в политических целях⁸⁸.

В конце XX столетия эта нетолерантная, по сути, фундаменталистская форма буддизма получила развитие как в Шри-Ланке, так и в государствах Мьянма и Бутан.

В целом, несмотря на то что буддизм признан мировой религией, поглощая другие верования с такой же легкостью, с какой и сам поглощался ими, он нигде не сумел сохранить своей первоначальной чистоты⁸⁹. Сегодня буддизм, хотя и провозглашает любовь к ближнему, указывает путь к нравственному совершенствованию человека, на самом деле он предлагает лишь “пассивную этику: нравственное учение Будды состоит из запретов, но не из заповедей. Он велит че-

⁸⁷ См.: *Rahula W. The heritage of the Bhikkhu: a short history of the Bhikkhu in educational, cultural, social and political life.* N.Y., 1974.

⁸⁸ *Старостин Б.С., Старостина Ю.П.* Указ. соч. С. 427.

⁸⁹ *Арвон А.* Указ. соч. С. 73.

людеку не творить зло, но не предписывает ему делать Добро. Отсюда следует глубокое, удивительное спокойствие. Однако оно зачастую оборачивается холодной бесстрастностью, похожей на равнодушие к несчастьям других”⁹⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян А.С.* Буддизм // Религиоведение / Энциклопедический словарь. М., 2006.
- Андреев В.П., Терентьев А.А. и др.* Буддизм: история и культура. М., 1989.
- Андросов В.П.* Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001.
- Арвон А.* Буддизм. М., 2005.
- Армстронг К.* Будда. М., 2008.
- Ашвагхоша.* Жизнь Будды. М., 1990.
- Буддизм. Проблемы истории, культуры, современности / Ред.-сост. В.И. Корнеев. М., 1990.
- Буддизм. Словарь / Под ред. Н.Л. Жуковской, А.Н. Игнатовича, В.И. Корнева. М., 1992.
- Васубандху. Учение о карме / Предисл., пер. с санскрита и коммент. Е.П. Островской, В.И. Рудой. СПб., 2000.
- Введение в буддизм / Ред.-сост. В.И. Рудой. СПб., 1999.
- Герольд А.Ф., Карягин К.М., Ольденбург С.Ф.* Жизнь Будды. Новосибирск, 1994.
- Дайсаку И.* Мой Будда. Земной путь Шакьямуни / Науч. ред. С.Х. Шомахамадов. М., 2017.
- Джампа Т.* Живая философия и медитация тибетского буддизма. М., 1995.
- Елишев С.О.* Тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы как антисистемные организации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5 (57).
- Ермакова Т.В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века. СПб., 1998.
- Ермакова Т.В., Островская Е.П.* Классические буддийские практики. Путь благородной личности. СПб., 2006.
- Карус П.* Провозвестие Будды. М., 2014.
- Левин З.И.* Предисловие // Фундаментализм. М., 2003.
- Лысенко В.Г.* Буддизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 1. С. 319–321.
- Мировые религии. Буддизм. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html>
- Ольденбург С.Ф., Владимирцов Б.Я., Шербатской Ф.И., Розенберг О.О.* Жизнь Будды, индийского учителя жизни. Пять лекций по буддизму. Самара, 1998.
- Островская Е.П., Рудой В.И.* Классические буддийские практики. Вступление в Нирвану. СПб., 2006.
- Религии России: учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению / Под общ. ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. М., 2009.
- Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М., 1991.

⁹⁰ Арвон А. Указ. соч. С. 52.

- Старостин Б.С., Старостина Ю.П.* Ученые Запада, Востока и России о буддийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Уч. пособ. для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1998.
- Таевский Д.* Секты мира. Ростов н/Д.; СПб., 2007.
- Талмуд Э.Д.* Общественно-политическая мысль Шри-Ланки в Новое время. М., 1982.
- Торчинов Е.А.* Введение в буддизм. М., 2020.
- Челищев В.И.* Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010.
- Шапарь В.Б.* Секты — угроза национальной безопасности России. Ростов н/Д., 2007.
- Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М., 1988.

REFERENCES

- Agadzhanyan A.S.* Buddhism [Buddhism] // Religiovedenie / Enciklopedicheskij slovar'. М., 2006 (in Russian).
- Andreev V.P., Terent'ev A.A. i dr.* Buddhism: istoriya i kul'tura [Buddhism: history and culture]. М., 1989 (in Russian).
- Androsov V.P.* Budda Shak'yamuni i indijskij buddizm. Sovremennoe istolkovanie drevnih tekstov [Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts]. М., 2001 (in Russian).
- Armstrong K.* Budda [Buddha]. М., 2008 (in Russian).
- Arvon A.* Buddizm [Buddhism]. М., 2005 (in Russian).
- Ashvaghosha.* Zhizn' Buddy [Life of Buddha]. М., 1990 (in Russian).
- Buddizm. Problemy istorii, kul'tury, sovremennosti [Buddhism. Problems of history, culture, modernity] / Red.-sost. VI. Korneev. М., 1990 (in Russian).
- Buddizm. Slovar' [Buddhism. Dictionary] / Pod red. N.L. Zhukovskoj, A.N. Ignatovicha, V.I. Korneva. М., 1992 (in Russian).
- Carrithers M.* The Buddha. Oxford; N.Y., 1983.
- Chelishchev V.I.* Fundamentalizm i fundamentalisty [Fundamentalism and fundamentalists]. М., 2010 (in Russian).
- Dajsaku I.* Moj Budda. Zemnoj put' Shak'yamuni [My Buddha. The earthly path of Shakyamuni] / Nauch. red. S.H. Shomahmadov. М., 2017 (in Russian).
- Dzhampa T.* Zhivaya filosofiya i meditaciya tibetskogo buddizma [Living philosophy and meditation of Tibetan Buddhism]. М., 1995 (in Russian).
- Elishev S.O.* Totalitarnye religioznye sekty i destruktivnye kul'ty kak antisistemnye organizacii [Totalitarian religious sects and destructive cults as anti-system organizations] // Voprosy politologii. 2020. T. 10. N 5 (57) (in Russian).
- Ermakova T.V.* Buddijskij mir glazami rossijskih issledovatelej XIX — pervoj treti XX veka [Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the XIX - first third of the XX century]. SPb., 1998 (in Russian).
- Ermakova T.V., Ostrovskaya E.P.* Klassicheskie buddijskie praktiki. Put' blagorodnoj lichnosti [Classical Buddhist Practices. The path of a noble person]. SPb., 2006 (in Russian).
- Gerol'd A.F., Karyagin K.M., Ol'denburg S.F.* Zhizn' Buddy [Life of Buddha]. Novosibirsk, 1994 (in Russian).
- Gombrich R.F.* Thevarada Buddhism. A social history from Ancient Benares to Modern Columbo. L.; N.Y., 1988.
- Gombrich R.F.* How Buddhism began. The conditioned genesis of the Early Teaching. L.; Atlantic Highlands, 1996.

- Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998.
- Karus P.* Provozvestie Buddy [Proclamation of the Buddha]. M., 2014 (in Russian).
- Levin Z.I.* Predislovie [Preface] // Fundamentalizm. M., 2003 (in Russian).
- Lysenko V.G.* Buddizm [Buddhism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. M., 2001. T. 1 (in Russian).
- Mirovye religii. Buddizm [World religions. Buddhism]. URL: <https://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovye-religii.html> (in Russian).
- Oldenberg H.* The Buddha: his life, his doctrine, his order. L., 1982.
- Ol'denburg S.F., Vladimircov B.Ya., Shcherbatskoj F.I., Rozenberg O.O.* Zhizn' Buddy, indijskogo uchitelya zhizni. Pyat' lekcij po buddizmu [Life of Buddha, Indian teacher of life. Five lectures on Buddhism]. Samara, 1998 (in Russian).
- Ostrovskaya E.P., Rudoj V.I.* Klassicheskie buddijskie praktiki. Vstuplenie v Nirvanu [Classical Buddhist Practices. Entry into Nirvana]. SPb., 2006 (in Russian).
- Rahula W.* The heritage of the Bhikkhu: a short history of the Bhikkhu in educational, cultural, social and political life. N.Y., 1974.
- Religii Rossii: uchebnoe, spravocno-analiticheskoe posobie po voprosam gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i religiovedeniyu [Religions of Russia: educational, reference and analytical manual on issues of state-confessional relations and religious studies] / Pod obshch. red. O.Yu. Vasil'evoj, V.V. Shmidta. M., 2009 (in Russian).
- Rozenberg O.O.* Trudy po buddizmu [Works on Buddhism]. M., 1991 (in Russian).
- Shapar' V.B.* Sekty — ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii [Sects are a threat to Russia's national security]. Rostov n/D., 2007 (in Russian).
- Shcherbatskoj F.I.* Izbrannye trudy po buddizmu [Selected Works on Buddhism]. M., 1988 (in Russian).
- Skilton A.* A concise history of Buddhism. Birmingham, 1994.
- Starostin B.S., Starostina Yu.P.* Uchenye Zapada, Vostoka i Rossii o buddijskoj civilizacii [Scientists of the West, East and Russia about Buddhist civilization] // Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Hrestomatiya. Uch. posob. dlya studentov vuzov / Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasov. M., 1998 (in Russian).
- Taevskij D.* Sekty mira [The sects of the world]. Rostov n/D.; SPb., 2007 (in Russian).
- Talmud E.D.* Obshchestvenno-politicheskaya mys' Shri-Lanki v Novoe vremya [Social and political thought of Sri Lanka in modern times]. M., 1982 (in Russian).
- Torchinov E.A.* Vvedenie v buddizm [Introduction to Buddhism]. M., 2020 (in Russian).
- Vasubandhu. Uchenie o karme [Vasubandhu. The doctrine of karma] / Predisl., per. s sanskrita i comment. E.P. Ostrovskoj, V.I. Rudog. SPb., 2000 (in Russian).
- Vvedenie v buddizm [Introduction to Buddhism] / Red.-sost. V.I. Rudoj. SPb., 1999 (in Russian).
- Wolf A.* Fundamentalism (ideas of modern world). L., 2003.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-128-150

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ЕЕ ИСТОРИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социологического анализа религии в России в имперский период ее истории. Отечественная социологическая традиция изучения религии как социокультурного феномена и социального института, сложившаяся в этот период, имеет свой неповторимый и своеобразный облик. Она к настоящему моменту только начинает возрождаться в постсоветской России, и резко отличается от той традиции, которая имела место на Западе. В этом контексте обращение к трудам классиков русской религиозной, социально-политической мысли, к сожалению, незаслуженно забытых, является очень перспективным направлением современных социологических исследований в данной области.

При изучении рассматриваемой проблемы автор делает акцент на особенностях исторического развития российского общества и государства и тех событиях, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России: реформах Петра I, ликвидации патриаршества, самостоятельности Русской Православной Церкви, превращении ее в часть созданной Петром I бюрократической государственной системы, начале масштабного процесса секуляризации российского общества, возникновении западничества (направления русской общественной мысли и политической идеологии, ориентированного на ценности западноевропейской культуры, отрицательно относящегося к идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской культуры, сочетающегося со стремлением представителей этой тенденции навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества), на имперском характере российской государственности и официальной имперской идеологии.

Автор статьи анализирует содержание формулы-триады С.С. Уварова, лежащей в основе официальной имперской идеологии, а также дискуссии, которые происходили между представителями славнофильства и западничества по поводу осмысления исторического пути и судьбы России, исторической роли православия, Русской Православной Церкви в судьбе русского народа, российского общества и государства, а также всего мира. Данная проблематика сохранила свою актуальность до настоящего времени, в том числе в рамках социологического анализа религии в постсоветской России.

* Начало. Продолжение статьи см. в № 4 за 2021 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

Ключевые слова: религия, социология религии, социологическая традиция изучения религии, официальная имперская идеология, православие, Церковь, западничество, западники, славянофилы.

FEATURES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGION IN RUSSIA DURING THE IMPERIAL PERIOD OF ITS HISTORY

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The article deals with the features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history. The national sociological tradition of study of religion as a socio-cultural phenomenon and a social institution, which was developed during this period, had its own unique and peculiar appearance and was just begun to revive again in post-Soviet Russia, is sharply different from the tradition that took place in the West. In this context, the appeal to the works of classics of Russian religious, socio-political thought, unfortunately undeservedly forgotten, is a very promising area of modern sociological research.

When studying this issue, the author emphasizes the peculiarities of the historical development of Russian society and the state and the events that had a significant impact on the formation and development of scientific understanding of religion in Russia: reforms of Peter I, the elimination of patriarchy, the independence of the Russian Orthodox Church, its transformation into part of the bureaucratic state system created by Peter I, the beginning of a large-scale process of secularization of Russian society, the emergence of Westernism (the direction of the Russian social thought and political ideology focused on values of the Western European culture, which is negative to the idea of originality, an originality, uniqueness of ways of development of the Russian culture, combined with the aspiration of representatives of this trend to impose to the Russian nation of a form of the western culture, social practice and political system, rejecting the system of values and traditional foundations of activity of the Russian society), the imperial nature of the Russian statehood and official imperial ideology.

The author analyzes the content of the Uvarov's triad formula, which underlies the official imperial ideology, as well as the discussions that took place between representatives of Slavophilism and Westernism about understanding the historical path and fate of Russia, the historical role of Orthodoxy, the Russian Orthodox Church in the fate of the Russian people, Russian society and the state, as well as the whole world. In his opinion, this problem has remained relevant to the present, including in the framework of a sociological analysis of religion in post-Soviet Russia.

Key words: religion, sociology of religion, sociological tradition of studying religion, official imperial ideology, Orthodoxy, Church, Westernism, Westerners, Slavophiles.

Социология религии в России имеет богатую историю. Ее развитие началось задолго до институционализации социологии религии в качестве отдельной отрасли социологического знания и происходило в рамках совсем иной социологической традиции изучения религии как социокультурного феномена и социального института, чем та, которая сложилась на Западе. Речь в данном случае идет об

имеющей свой неповторимый и своеобразный облик отечественной социологической традиции изучения религии, которая оформилась в имперский период отечественной истории, нашла свое отображение в трудах российских ученых-эмигрантов за рубежом в советский период отечественной истории, и к настоящему моменту только начинает заново возрождаться в постсоветской России с учетом тех наработок, которые были сделаны советскими учеными в советский период российской истории.

При этом следует отметить, что на развитие социологии религии в России оказали воздействие не только те факторы и условия, которые влияли на развитие социологии религии на Западе (например, секулярная идеология эпохи Просвещения, привнесенная в науку и до сих пор оказывающая значимое влияние на развитие социально-гуманитарных наук; великие Английская, Американская, Французская революции; переход от традиционного, сословно-корпоративного, доиндустриального типа общества к обществу индустриальному, современному; процесс секуляризации и активного развития научного знания), но и исторические особенности развития российского общества, государства и научной мысли (например, последствия реформ Петра I, феномен западничества¹, имперский характер российской государственности, своеобразие церковно-государственных взаимоотношений синодального периода истории РПЦ, имперская официальная идеология, специфика конфессиональной ситуации в российском обществе и государстве и многое другое).

Неповторимое своеобразие пути развития русской цивилизации, культуры, российского общества и государства, необходимость их научного осмысления в сопоставлении с опытом иных стран и сложившихся там научных подходов и направлений закономерно привели к формированию собственной российской социологической традиции изучения религии как социокультурного феномена и социального института. Хотя данный факт до настоящего времени отрицается, ставится под сомнение или подвергается критике, в том

¹ **Западничество** — 1) направление русской общественной мысли и политической идеологии, ориентированное на ценности западноевропейской культуры, отрицательно относящееся к идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской, на более широком уровне — восточноевропейской культуры, сочетающееся со стремлением представителей этой тенденции навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества; 2) течение русской философской и общественной мысли 40–50-х гг. XIX в., противопоставляющее себя “славянофильству” и обосновывающее необходимость проведения социальных преобразований в России с ориентацией на исторические достижения западноевропейских стран.

числе и со стороны известных современных социологов религии², предпочитающих, по-видимому, чтобы социология религии в России развивалась исключительно в рамках западной теоретико-методологической традиции, которой они явно отдают предпочтение, не признавая имеющиеся альтернативы.

Однако это в свою очередь крайне непродуктивно и, на наш взгляд, негативно сказывается на современном состоянии социологии религии в России, а также преподавании соответствующей учебной дисциплины в российских вузах. В очень небольшом количестве учебников и учебных пособий по данной дисциплине, изданных к настоящему времени, можно найти либо вольное, фрагментарное и критическое обращение к анализу российской социологической традиции изучения религии как социокультурного феномена и социального института, без глубокого анализа работ и воззрений классиков русской школы социологии религии, либо их подчеркнутое игнорирование³. Подобного рода подход является, на наш взгляд, не конструктивным. Обращение к богатому наследию русской социальной мысли, работам классиков русской школы социологии религии, поможет не только устранить очевидную историческую несправедливость, но и в полной мере способствовать возрождению и успешному последующему развитию собственной, самобытной отечественной социологической традиции изучения религии.

При анализе процесса становления российской социологической традиции изучения религии как социокультурного феномена и социального института, как мы уже отметили, следует учитывать особенности исторического развития российского общества и государства и те события, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России. К такого рода событиям однозначно следует отнести реформы Петра I, и прежде всего, его церковную реформу, знаменующую собой отказ от традиционной для России модели “симфонии” взаимоотношений церкви и государства, ликвидацию патриаршества, самостоятельности Русской Православной Церкви, превращение ее в часть созданной Петром I бюрократической государственной системы, начало масштабного процесса секуляризации российского общества, а также фактическое порождение им такого феномена, как западничество. В результате значимая часть российской элиты была фактически оторвана от своего народа, не понимала его традиций, чаяний и устремлений, воспитываясь в иной социокультурной традиции, в которой особую

² См., например: *Гараджа В.И.* Социология религии. М., 2007. С. 50–51.

³ См., например: *Гараджа В.И.* Указ. соч.; Социология религии / Под ред. С.И. Самыгина. Ростов н/Д., 2015.

роль стала играть идеология Просвещения, оправдывающая необходимость последующей ломки традиционных для российского общества отношений и устоев.

Последствия этих масштабных и радикальных реформ в данном контексте оказали самое негативное влияние как на жизнедеятельность и функционирование Русской Православной Церкви, так и на жизнедеятельность всего российского общества и государства, естественно сказавшись и на духовно-нравственном состоянии русского народа.

Под влиянием секулярной идеологии Просвещения, способствующей распространению идей рационализма и деизма, в среде российских интеллектуалов еще в XVIII в. сложился определенный взгляд на сущность религии. По мнению М.Ю. Смирнова, наиболее полно он отображен в работах *Василия Никитича Татищева* (“Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ” (1733 г.)) и *Дмитрия Сергеевича Аничкова* (“Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания” (1769 г.))⁴. Для этих работ стал свойственным “взгляд на религию как закономерное состояние, возникающее в ходе естественной эволюции народов, определяемое несовершенством их умственного и социального развития. Подчеркивался исторически необходимый (для нравственности и духовного пробуждения) и вместе с тем преходящий характер религиозных установлений, которые в разумно устроенном обществе полагались уже как препятствие прогрессивным преобразованиям”⁵.

Вера в ничем неограниченный прогресс человечества и человеческого разума, родившаяся в кулуарах масонских лож идея служения этому “прогрессу”, рационализм и антирелигиозный пафос идеологии Просвещения, закономерно приводящий к попыткам подмены религии своеобразной псевдорелигией (например, установление культа Разума во времена Великой Французской революции), способствовали, на взгляд историка С.В. Перевезенцева, тому, что «в образованных кругах общества, в высшем свете гораздо большее влияние приобрело светское миропонимание, нашедшее свое выражение в распространении научных знаний и просветительской идеологии, которые волей неволей вступали в противоречие с традиционной русской религиозностью, даже пытались потеснить и Церковь, и саму православную веру. Своеобразным пиком, вершиной светского миропонимания стала <...> масонская мистика, захватившая умы пока еще немногих, но очень влиятельных деятелей отечественной

⁴ См.: Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособие. СПб., 2008. С. 6–8.

⁵ Там же. С. 8.

истории, ибо масонский каббалистический оккультизм почитался как самое “передовое”, самое “прогрессивное” направление тогдашней светской философской мысли. Это увлечение масонством показывало и сущность всего светского миропонимания, как псевдорелигии человекобожия»⁶.

Иными словами, по мнению С.В. Перевезенцева, к началу XIX в. в образованных слоях и элите русского общества произошел своеобразный духовный раскол, последствия которого оказали гораздо более негативное, глубокое и коварное воздействие на развитие российского общества и государства, чем даже раскол XVII в. “Идейные <...> и религиозные новшества XVIII века начали разбивать, расстраивать, смущать людей, ибо поставили под сомнение и бытие Церкви, и, главное, истинность православного вероучения. Духовный раскол XVIII столетия — это борьба не внутри одного вероучения, а начало противостояния разных религиозных сознаний: традиционной православной веры и светского миропонимания. Именно поэтому этот раскол был глубже Раскола вековой давности. Но поэтому же он был и коварнее, ведь адепты светского миропонимания или не осознавали, или же намеренно скрывали религиозную сущность своего мировоззрения, как это делали, к примеру, масоны. Однако задача формулировалась именно в такой плоскости — светское миропонимание должно было вытеснить традиционную русскую религиозность”⁷.

К сожалению, сторонников такого радикально-секулярного миропонимания, приобретающего часто антисистемный характер, ни в какой степени не отрезвили как закономерный результат пропаганды подобного рода мировоззрения и миропонимания ни кровавые события Великой Французской революции, ни последовавшие за ними масштабные европейские войны (как “революционные”, так и “наполеоновские”), ни кровопролитие в дни декабрьского мятежа 1825 г. в России. Более того, кого-то из них все это по отдельности или в совокупности вдохновило на различные антисистемные и антигосударственные действия.

Естественно, что в этих условиях, правительство было вынуждено реагировать на подобного рода антисистемные проявления, пытаясь разработать официальную имперскую национальную государственную идеологию охранительного характера, способствующую преодолению нестроений внутри российской элиты, образованных слоев и всего российского общества. Стержнем данной идеологии

⁶ Перевезенцев С.В. Святорусское царство. История русской святости. М., 2018. С. 287.

⁷ Там же. С. 287.

стала знаменитая “уваровская триада” — “Православие. Самодержавие. Народность” (“теория официальной народности”), которую сформулировал министр народного просвещения Российской империи граф **Сергей Семенович Уваров** в своей докладной записке от 19 ноября 1833 г. государю императору Николаю I (“О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения”).

В своем докладе С.С. Уваров, размышляя о тех основах, началах, которые обеспечивают успешное развитие того или иного общества и государства, а также образуют каркас любой государственной системы, выделил три — “великих государственных начала”, составляющих ее высшую ценность и достояние.

Во-первых, это традиционная для того или иного общества национальная религиозная система, религия (в различных странах Запада таковыми были соответственно католицизм и протестантизм, в России — православие). Вот как писал об этом С.С. Уваров: “Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру — то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле”⁸.

Во-вторых, это традиционная для того или иного государства форма правления и политическая система (в странах Запада это были абсолютные и конституционные монархии, различные формы республики, в России — самодержавная монархия, как разновидность монархической формы правления, свойственной православным империям (Византии и России)). “Самодержавие, — подчеркивал С.С. Уваров, — представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде <...> Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне”⁹.

В-третьих, это традиционные для того или иного общества ценности, принципы воспитания подрастающих поколений и устойчивости жизнедеятельности, составляющие неповторимое духовное и нравственное своеобразие, историческую миссию, народное самосознание, мировоззрение нации, находящие свое отображение в понятии “народность”. В этом контексте характерными чертами данного “начала” для русского народа стали соборность, общинность и коллективизм, в то время как для западных народов — ярко выраженный индивидуализм.

⁸ Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014. С. 104.

⁹ Там же. С. 104–105.

В единстве этих начал и взаимном дополнении, связке их друг с другом, и состоит основное условие благополучного развития того или иного общества и, в частности, России. Анализируя процессы, происходящие в странах Запада и России, С.С. Уваров отмечал следующее: “Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия”¹⁰.

Уваровская формула-триада “Православие. Самодержавие. Народность” стала своеобразным стержнем имперской национальной идеологии, призванной консолидировать нацию, преодолеть раскол и нестроения внутри общества между значимой частью элиты и народом, восстановить “в русском сознании тот духовный смысл, который закладывался в существование Российского царства”¹¹ в допетровской России и был утерян в XVIII в., а также определить вектор стратегии дальнейшего национального развития России, связав “настоящее и будущее России с ее духовно-историческими корнями”¹².

При этом, как справедливо отмечает историк С.В. Перевезенцев, Уваровская формула-триада “одухотворила саму идею Российской империи, придала Российской империи великий духовный смысл”¹³, воплощенный в основной задаче “ее земного исторического бытия” — “удерживающей силе”, т.е. способности “удержать мир от падения в объятия антихриста, символами которого считались распространяющийся материализм в философии, секуляризм в отношении к религии, республиканизм и социализм в социально-политической сфере и революционизм в методах политического действия”¹⁴.

В этом контексте особый характер восприятия российской имперской государственности, ее миссию и задачу чуть позже, в 1848 г., хорошо очертил Федор Иванович Тютчев в своей статье “Россия и революция”. В частности, он писал: “Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между

¹⁰ Уваров С.С. Указ. соч. С. 103–104.

¹¹ Перевезенцев С.В. Указ. соч. С. 297.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 297.

¹⁴ Там же.

ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества”¹⁵. “Россия — христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего — враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство”¹⁶.

Подобного рода установка на важную национальную миссию и задачу имперского государства на обыденном уровне вполне естественно получила свое воплощение и во всем известном девизе — императиве поведения, устремлений, служения русского народа и человека — “За Веру, Царя и Отечество!” Она же одновременно явилась и своеобразным ответом на девиз Великой Французской революции — “Свобода, равенство братство!” и секулярную идеологию эпохи Просвещения.

Оформление официальной имперской идеологии вполне закономерно сделало религиозную проблематику одной из самых обсуждаемых тем русской социально-политической мысли XIX–XX вв., интерес к которой проявляли представители разнообразных течений, направлений и школ, вступающие между собой в масштабные дискуссии. Центральным вопросом подобных дискуссий стало осмысление особенностей исторического пути и судьбы России, исторической роли православия, Русской Православной Церкви в судьбе русского народа, российского общества и государства, а также всего мира. Речь, прежде всего, идет об историософских спорах между представителями таких влиятельных течений русской философской и общественной мысли 40–50-х гг. XIX в., как “славянофильство” и “западничество”. И это, следует отметить, стало одной из значимых особенностей формирования русской социологической традиции изучения религии как социокультурного феномена и социального института.

Тон данной дискуссии задала публикация в 1836 г. в журнале “Телескоп” первого “Философического письма” основоположника и самого известного представителя “западничества” как значимого течения русской социальной мысли 40–50-х гг. XIX в., **Петра Яковлевича Чаадаева**, вызвавшая скандал и получившая огромный резонанс в российском обществе.

¹⁵ Тютчев Ф.И. Россия и революция // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 44.

Как пафосно заявлял А.И. Герцен, комментируя значимость этого события, «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь <...> “Письмо” Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию»¹⁷. Скандальность данной публикации была обусловлена тем, что фактически в своем произведении П.Я. Чаадаев, начав с размышлений о том, к какому миру принадлежит Россия — к “Западному” или “Восточному”, подверг жесточайшей критике не только окружающую его российскую действительность, но и все базовые положения официальной имперской идеологии, формулу-триаду С.С. Уварова (негативно оценивая традиционную для России религию, политическую систему, систему ценностей и устои жизнедеятельности). Как отмечал П.Я. Чаадаев, “мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось”¹⁸.

П.Я. Чаадаев категорично и в мрачных тонах писал о русской истории, судьбе российского общества и государства, очевидном, на его взгляд, застое в развитии российского общества и государства и отрыве их от других народов: “Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. <...> Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя”¹⁹. “Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь”²⁰.

Основные причины застоя в развитии, отрыва России от Западного мира, цивилизации, католичества, к которым он испытывал однозначные симпатии, П.Я. Чаадаев усматривал в Православии, деятельности Русской Православной Церкви, а также традиционной

¹⁷ Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1856. Ч. 4 // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 139.

¹⁸ Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сборник / Изд. подгот. Б.Н. Тарасов. М., 2008. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 79–80.

²⁰ Там же. С. 83–84.

для России имперской форме самодержавной государственности, пришедшей к нам из “растленной Византии” — “предмета глубокого презрения” западных народов²¹, по его мнению. Выходом из данной тупиковой ситуации, на взгляд П.Я. Чаадаева, являлось бы возвращение России в лоно западной цивилизации, посредством продолжения курса Петра I, прорубившего окно в Европу, отрекшегося “пред лицом всего мира <...> от старой России”²², освободившего “нас от всех этих пережитков прошлого, которые загромождают быт исторических обществ и затрудняют их движение”²³, передавшего “нам Запад сполна, каким его сделали века”²⁴.

Таким образом, П.Я. Чаадаев волей или неволей способствовал оформлению весьма распространенного к настоящему времени благодаря его активному продвижению и пропаганде русофобского социального мифа о вековой отсталости русского народа, общества и государства от “цивилизованного”, “прогрессивного” и более успешного Запада, рабском характере русского народа и ничтожности православия и русской истории. Хотя на голословный характер и полную историческую несостоятельность подобного рода утверждений П.Я. Чаадаева сразу же обратил внимание А.С. Пушкин, написав первому: “Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. <...> Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог её дал”²⁵.

Естественно, публикация “Философических писем”, в которых П.Я. Чаадаев категорично и пространно восхвалял Запад, католицизм, уничижительно отзываясь о традиционных для России религиозных, политических и социальных системах, устоях жизнедеятельности, вызвала вполне закономерную реакцию со стороны правительства. Раз человек, офицер, герой войны 1812 г., с незапятнанной репутацией пишет подобного рода вещи, значит он скорее всего утратил здравомыслие, т.е. сошел с ума. И П.Я. Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим и поставлен под полицейский надзор. После чего, вынужденно оправдываясь, доказывая, что он не сумасшедший, в другой своей работе “Апология сумасшедшего” (1837 г.) П.Я. Чаадаев несколько снизил категоричность своих суждений, отметив имеющееся у России особое призвание “решить большую часть проблем

²¹ См.: Чаадаев П.Я. Указ. соч. С. 84.

²² Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Сборник. С. 168.

²³ Там же. С. 170.

²⁴ Там же.

²⁵ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1962. С. 309–310.

социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество”²⁶.

При этом следует отметить, что воззрения П.Я. Чаадаева, носившие в достаточной степени своеобразный, “ярко выраженный религиозный характер”²⁷, обусловленный фактически выдвинутым им тезисом о необходимости построения царства Божия на земле, резко выделялись и контрастировали на их фоне с воззрениями других представителей западничества (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.П. Огарёв, Н.В. Станкевич, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин и др.). И это было по меткому выражению протоиерея Г.В. Флоровского, вполне закономерно, ибо «магистраль <...> русского западничества уходит уже и в те годы в атеизм, в “реализм” и позитивизм»²⁸.

Как справедливо охарактеризовал данное обстоятельство Н.О. Лосский, большинство западников “были убеждены, что Россия должна учиться у Запада и пройти тот же самый этап развития. Они хотели, чтобы Россия усвоила европейскую науку и плоды векового просвещения. Западники мало интересовались религией. Если среди них и были религиозные люди, то они не видели достоинств православия и имели склонность к преувеличению недостатков русской церкви. Что же касается социальных проблем, то одни из них более всего ценили политическую свободу, а другие являлись сторонниками социализма в той или иной форме”²⁹.

Лучшей иллюстрацией воззрений этих авторов являются цитаты из письма **Виссариона Григорьевича Белинского** к Н.В. Гоголю, в котором он использовал различного рода манипулятивные приемы и технологии по очернению своих оппонентов и окружающей русской действительности. В частности, практически голословно отрицая какую-либо положительную роль Православия и Русской Православной Церкви в истории и развитии России, В.Г. Белинский, явно впадая в крайности, непolitкорректно навешивал на нее “ярлыки”, именовал Русскую Православную Церковь “опорой кнута и угодницею деспотизма”³⁰, “поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми”³¹. В целом критически относясь к институту церкви, он задавался вопросом: что

²⁶ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. С. 175.

²⁷ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 52.

²⁸ Флоровский Г.В., Прот. Пути русского богословия. М., 2009. С. 316.

²⁹ Лосский Н.О. Указ. соч. С. 50.

³⁰ Белинский В.Г. Письмо к Гоголю // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 214.

³¹ Там же.

общего можно найти между учением Христовым (которое “и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принцип ортодоксии”³²) “и какую-нибудь, а тем более православную церковь”³³?

По мнению В.Г. Белинского, русский народ представлял собой “глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности”³⁴, которую можно встретить только “в раскольнических сектах, столь противоположных по духу своему массе народа и столь ничтожных перед нею числительностью”³⁵.

О подвижниках, иерархах и служителях церкви этот автор говорил, как о “гнусном русском духовенстве”³⁶, пользующемся “всеобщим презрением у русского общества и русского народа”, которое “никогда, ничем и нигде не было, кроме как слугою и рабом светской власти”³⁷ и “отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством”³⁸.

При этом, что характерно, В.Г. Белинский положительно оценивал секулярную идеологию европейского Просвещения, считая, что именно она открыла истинный смысл учения Христова³⁹. В силу чего, в его представлении, “какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно больше сын Христа, плоть от плоти и кость от костей Его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные”⁴⁰.

В другой своей работе “Россия до Петра Великого”, В.Г. Белинский, положительно оценивая реформы и личность Петра I, направленные на “возвращение” России в лоно европейской цивилизации, в частности писал: “Все великое, благородное, человеческое, духовное возшло, выросло, расцвело пышным цветом и принесло роскошные плоды на европейской почве. Разнообразие жизни, благородные отношения полов, утонченность нравов, искусство, наука, порабощение бессознательных сил природы, победа над матернею, торжество духа, уважение к человеческой личности, святость человеческого права, — словом, все, во имя чего гордится человек своим человеческим достоинством, через что считает он себя владыкою всего мира,

³² Белинский В.Г. Письмо к Гоголю. С. 214.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 215.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 214.

⁴⁰ Там же. С. 214–215.

возлюбленным сыном и причастником благодати божией, — все это есть результат развития европейской жизни. Все человеческое есть европейское, и все европейское — человеческое”⁴¹.

Поэтому, на взгляд В.Г. Белинского, только следуя по пути, очерченному Петром I, Россия сможет развиваться в прогрессивном направлении. Она обретет “свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение”⁴².

Совсем иную оценку истории России, роли Православия, Русской Православной Церкви, особенностям их исторического пути развития, давали представители славянофильства, которые, впрочем, как и западники, критиковали со своих позиций окружающую их действительность, а также периодически действия правительства. К видным представителям славянофильства относились **Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский, Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков**.

Как подчеркивал Н.О. Лосский, “Старания славянофилов были направлены на разработку христианского миропонимания, опирающегося на учения отцов восточной церкви и православие в той самобытной форме, которую ему придал русский народ”⁴³. В то же время, по его мнению, “они чрезмерно идеализировали политическое прошлое России и русский национальный характер. Славянофилы высоко ценили самобытные особенности русской культуры и утверждали, что русская политическая и общественная жизнь развивалась и будет развиваться по своему собственному пути, отличному от пути западных народов. По их мнению, Россия призвана оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов, а также помочь Европе в разрешении ее внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими принципами”⁴⁴.

⁴¹ *Белинский В.Г.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И.И. Голикова. Издание второе // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М., 1954. С. 105.

⁴² См.: *Белинский В.Г.* Письмо к Гоголю. С. 213.

⁴³ *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 50.

⁴⁴ Там же.

Славянофилы резко критиковали западников за фактически имевшую место с их стороны идеализацию Запада, доходящую до своеобразного коленопреклонения перед ним, устоями, ценностями, институтами Западного мира. Они, как уже было отмечено, были категорически не согласны с той оценкой истории России, роли Православия, Русской Православной Церкви, особенностей их исторического пути развития, которую давали западники.

В их представлениях, Россия наряду с Западным миром и иными культурными регионами являет собой особый самобытный мир со своим своеобразием, ценностными и иными системами, институтами, жизненным укладом и неповторимым путем развития, в сохранении и преумножении которых и состоит главная цель последующего успешного развития России. По религиозной, ценностной, культурной и политической системам, образующим своеобразный каркас, основу этого мира, Россия являлась правопреемницей православной Византийской империи и исторической миссии державообразующего имперского народа, состоящей в сохранении истинной православной веры, ценностей и культуры, защиты православных народов и удержания мира от скатывания к злу. Как писал А.С. Хомяков: «Мы принимали от умиравшей Греции святое наследие, символ искупления и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира»⁴⁵.

Славянофилы анализировали и сопоставляли особенности исторического и религиозного пути развития России и стран Запада, с одной стороны, однозначно осуждая Запад за отпадение от Вселенской Православной Церкви, с другой стороны, переживая за последствия этого шага для Запада как за свою собственную трагедию. Сравнивая особенности развития государства Российского и западных государств, они выделяли те основания, начала, на которых выстраивался основной каркас государственности и происходило последующее их развитие. Например, К.С. Аксаков подчеркивал следующее: «...в основании государства Западного (лежат — С.Е.): *насилие, рабство и вражда*. В основании государства Российского: *добровольность, свобода и мир*. Эти начала составляют важное и решительное различие между Русью и Западной Европою и определяют историю той и другой. Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могут сойтись между собою, и

⁴⁵ Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994. С. 454.

народы, идущие ими, никогда не согласятся в своих воззрениях. Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. Россия же постоянно хранит у себя признанную ею самую власть, хранит ее добровольно, *свободно* и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который также унижается перед новым идолом бунта, как перед старым идолом власти, ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует. Но пути эти стали еще различнее, когда важнейший вопрос для человечества присоединился к ним: вопрос Веры. Благодать сошла на Русь. Православная Вера была принята ею. Запад пошел по дороге католицизма. Страшно в таком деле говорить свое мнение; но если мы не ошибаемся, то скажем, что по заслугам дался и истинный, дался и ложный путь Веры, первый — Руси, второй — Западу⁴⁶.

Как справедливо отмечал В.В. Зеньковский, по мнению славянофилов, Православие заключало “в себе иное восприятие и понимание христианства, чем то, какое сложилось на Западе”⁴⁷. Исследуя особенности развития христианства в Западном мире, они всячески подчеркивали своеобразную закономерность возникновения и последующего развития процесса секуляризации в странах Запада, поэтапного отхода западноевропейских обществ от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности. Как писал А.С. Хомяков, анализируя особенности развития христианства и христианской Церкви в странах Запада, “христианская нравственность не может пережить учения, служащего ей источником. Лишенная своего родника, она, естественно, иссыкает. Нравственные требования, не оправданные доктриной, скоро теряют свою обязательную силу и превращаются в глазах людей в выражения непоследовательного произвола; правда, привычка некоторое время еще с ними уживается, но затем корысть и страсть отбрасывают их окончательно. А в том-то именно заключается существенная опасность, грозящая настоящей эпохе, что мысль на Западе действительно обогнала религию, уличив ее в рационализме и непоследовательности, а религия обогнанная есть религия приговоренная”⁴⁸.

Рационализм, “будь он догматический или утилитарный”⁴⁹, лежащий в основе католицизма и протестантизма, на взгляд А.С. Хо-

⁴⁶ Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009. С. 305.

⁴⁷ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 5.

⁴⁸ Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А.С. Сочинения. Т. 2. М., 1994. С. 126.

⁴⁹ Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2011. С. 101.

мякова, закономерно привел к утрате живой веры, чистоты, к материализму и потребительству Западного мира, мира “прекрасного, соблазнительного, но обреченного на гибель”⁵⁰. И в этом контексте становится понятна негативная оценка славянофилами реформ Петра I. Как подчеркивал И.С. Аксаков, оценивая результаты “петровских” преобразований, “Русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилению. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались спешно, без критики, на веру выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило на себе печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык — все было искажено, изуродовано, изувечено. <...> Умственное рабство перед европеизмом и собственная народная безличность провозглашены руководящим началом развития”⁵¹.

Последствия этих реформ самым негативным образом сказались на всей жизнедеятельности российского общества и государства. Кризис в церковно-государственных отношениях, духовной сфере жизнедеятельности, возникновение “западничества”, своеобразное низкопоклонство перед Западом, слепое копирование без оглядки на российские реалии с западных лекал, оторванность значимой части российской элиты от своего народа, формирование антисистемы, — вот неполный перечень негативных последствий этих реформ, о которых писали славянофилы.

«Устремившись из своей тесной национальной ограды в прошлом, сделанный мощною рукою Петра, русское общество, сбитое с толку, с отшибленной исторической памятью, избывшее и русского ума и живого смысла действительности, заторопилось жить чужим умом, даже не будучи в состоянии его себе усвоить. Нескладно и безобразно залепетало оно дикую смесь простонародного говора, церковнославянского языка и изуродованной иностранной речи. Чужой критериум, чужое мерило, чужие формы, чужое мирозерцание. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами — и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой “интеллигенцией” официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической»⁵², — писал Т.С. Аксаков.

⁵⁰ См.: *Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Работы по историософии.* С. 464.

⁵¹ *Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика.* М., 1981. С. 265.

⁵² Там же. С. 266.

По мнению славянофилов, в основе государственности и всей жизнедеятельности народа лежит религия. Как писал И.В. Киреевский, “Для меня душа государства есть господствующая вера народа”⁵³. На взгляд А.С. Хомякова, религия, основанная на вере, “есть крайний предел всего мышления человеческого: явно или тайно, разумно или инстинктивно, она в себе всегда заключает полный и окончательный вывод из его духовной жизни”⁵⁴, “сущность религии есть неизменный во веки дух света, проникающий все формы земные”⁵⁵. При этом, понятие веры и религии у А.С. Хомяков не являются тождественными, “ибо религия может соединять людей, но только Вера связует людей не только друг с другом, но еще и с ангелами и с самим Творцом людей и ангелов, Вера, со всею ее животворною и строительною силою, мысленною свободою и терпеливою любовью”⁵⁶.

В рамках своей достаточно оригинальной историософской концепции А.С. Хомяков выделил три главных вида вероисповеданий: “...многобожие (политеизм), единобожие (монотеизм) и всебожие (пантеизм)”⁵⁷. По его мнению, “в них содержится и дуализм, который есть скрытый монотеизм (как у древних персов), или политеизм (как у некоторых гностиков), и нигилизм, в котором не видим ничего кроме *измененного пантеизма*”⁵⁸.

При этом для типологизации различных видов религий А.С. Хомяков использовал как критерий их классификации понятие нравственной свободы и необходимости⁵⁹. В соответствии с этим критерием А.С. Хомяков выделил две группы религий: 1) иранство (иракство), к которому он относил, например, религии Древнего Ирана, иудаизм и христианство; 2) кушинство (от слова Куш — древнего наименования Нубии), к которому он, в частности, относил шиваизм, буддизм, зороастризм, эллинско-римское язычество и другие религии. Если иранство основано на предании нравственной свободы личности или на внутреннем осознании его, вкуче с представлениями о божественном сотворении мира из ничего⁶⁰, то кушинство — на понятии необходимости, проистекающей из само-

⁵³ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 117.

⁵⁴ См.: Хомяков А.С. “Семирамида” // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 194.

⁵⁵ Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке “Телескопа”) (Письмо к г-же Н.) // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 450.

⁵⁶ Хомяков А.С. Всемирная задача России. С. 417.

⁵⁷ Хомяков А.С. “Семирамида”. С. 31.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 188.

⁶⁰ Там же. С. 199.

го хода развития жизнедеятельности, вещественном восприятии и преклонении перед ней. Своеобразное соперничество этих групп религий, составляли, по мнению А.С. Хомякова, основное содержание процесса исторического развития религиозной сферы жизнедеятельности человеческих обществ.

Следует также отметить, что А.С. Хомяков, размышляя о судьбах России, Православия и Русской Православной Церкви, исходя из основ православного вероучения, особое внимание в своих работах уделял пониманию сущности церкви, которую он определял, как тело Христово⁶¹. В его представлении, “Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати”⁶².

При изучении Церкви и церковной жизни, по мнению А.С. Хомякова, следует учитывать все сложности данного процесса, поскольку, “Все признаки Церкви как внутренние, так и внешние познаются только ею самою и теми, которых благодать призывает быть ее членами. Для чуждых же и непривлеченных они непонятны; ибо внешнее изменение обряда представляется непривлеченному изменением самого Духа, прославляющегося в обряде (как, например, при переходе ветхозаветной Церкви в новозаветную или при изменении обрядов и положений церковных со времен апостольских). Церковь и ее члены знают, внутренним знанием веры, единство и неизменность своего духа, который есть Дух Божий. Внешние же и непривлеченные видят и знают изменение обряда внешним знанием, не постигающим внутреннего, как и сама неизменность Божия кажется им изменяемою, в изменениях Его творений. Посему не была и не могла быть Церковь измененною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению, несогласному с учением и духом Христовым. Не знает Церкви и чужд ей тот, кто бы сказал, что могло в ней быть такое оскудение духа Христова”⁶³.

Размышляя о воцерковленности, необходимости стать подвижником, на путь духовного самосовершенствования, быть вовлеченным и иметь опыт участия в жизни Церкви, А.С. Хомяков ввел в научный оборот понятие “соборности”, под которым он понимал живое, свободное и органическое единство, целостность

⁶¹ См.: Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 5.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 6.

Православной Церкви, “проявляемые в законе духовной любви”⁶⁴. По его мнению, “в вопросах веры нет различия между грамотеем и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, господином и рабом; где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, безграмотный пастух обличает и опровергает ересь своего ученого епископа, дабы все были едины в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора”⁶⁵.

Естественно, что идея соборности, общинность и коллективизм, свойственные русскому народу и лежащие в основе жизнедеятельности российского общества и государства, резко контрастировали с крайним индивидуализмом западноевропейцев и религиозно-организационными формами западного христианства, к сожалению не имеющих таких ориентиров. А.С. Хомяков отмечает следующее: “Итак, очевидно, есть существенная разница между идеею Церкви, признающей себя единством органическим, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви, и между идеею западных обществ, единство которых, совершенно условное, у протестантов состоит только в арифметическом итоге известного числа отдельных личностей, имеющих почти тождественные стремления и верования, а у римлян — только в стройности движений подданных полудуховного государства”⁶⁶.

По мнению славянофилов, наипервейшей задачей, стоящей перед российским обществом и государством, являлось выполнение исторической миссии русского народа, созидателя православной империи, творца истории, носителя православного сознания. На взгляд А.С. Хомякова, “Внутренняя задача Русской земли есть проявление общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи”⁶⁷. Поддерживая Православие, Православную Церковь, сохраняя свою самобытность, идентичность, традиционные устои своей жизнедеятельности, преодолевая негативные последствия реформ Петра I и раскол между народом и частью его элиты, вследствие появления “западничества”, государство и общественные институты, по мнению славянофилов, должны были приложить все усилия для

⁶⁴ Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 20.

⁶⁵ Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси // Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. С. 56.

⁶⁶ Хомяков А.С. Всемирная задача России. С. 101.

⁶⁷ Там же. С. 274.

выхода из наметившегося духовного кризиса, без каких-либо революционных потрясений и радикальных масштабных преобразований.

Как подчеркивал И.В. Киреевский, “государственность народа должна быть проникнута его верою, т.е. Церковью, которую он исповедует”⁶⁸. “Если же, сохрани Бог, в России когда-нибудь сделается что-нибудь противно Православию, то все-таки будет враждебно России столько же, сколько и вере ее. Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, все то препятствует развитию и благоденствию народа русского; все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, — все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Потому, чем более будет проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ, и тем крепче его правительство, и, вместе, тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений. Если оно будет не того духу, то непременно будет стеснять свободное его выражение в жизни и слове под предлогом толерантства и, стесняя его, само будет стесняться им и утверждаться против него только насильственно, боясь каждой тени духа общественного, как привидения из другого мира”⁶⁹.

Подводя итог обзора полемики славянофилов и западников, можно констатировать, что поднятая ими проблематика, не утратила своей актуальности до настоящего времени. Фактически их полемика об истории России, о роли религии и Православия, Русской Православной Церкви, об особенностях их исторического пути развития, продолжается и до настоящего времени на страницах газет, экранах телевизоров, в социальных сетях и научных изданиях. С 60-х гг. XIX в. она же получила свою актуализацию в работах представителей трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли: консерватизма, либерализма и социализма. Исходя из славянофильских позиций на сущность религиозной проблематики излагали свои воззрения представители неославянофильства и консерватизма. С позиций западничества — представители либерального и социалистического направления. И данная ситуация не изменилась до настоящего времени.

Продолжение следует

⁶⁸ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 107.

⁶⁹ Там же. С. 113–114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.

Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009.

Белинский В.Г. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И.И. Голикова. Издание второе // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М., 1954.

Белинский В.Г. Письмо к Гоголю // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 1956.

Гараджа В.И. Социология религии. М., 2007.

Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1856. Ч. 4 // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М., 1956.

Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991.

Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

Перевезенцев С.В. Святорусское царство. История русской святости. М., 2018.

Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М., 1962.

Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014.

Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: уч. пособ. СПб., 2008.

Тютчев Ф.И. Россия и революция // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013.

Флоровский Г.В., Прот. Пути русского богословия. М., 2009.

Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2011.

Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. М., 1994.

Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Сборник / Изд. подгот. Б.Н. Тарасов. М., 2008.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сборник / Изд. подгот. Б.Н. Тарасов. М., 2008.

REFERENCES

Aksakov I.S. Rech' o A.S. Pushkine [It's about A.S. Pushkin] // Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika. M., 1981 (in Russian).

Aksakov K.S. Gosudarstvo i narod [State and people]. M., 2009 (in Russian).

Belinskij V.G. Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernih istochnikov i raspolozhennye po godam. Sochinenie I.I. Golikova. Izdanie vtoroje [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and located over the years. The composition of I.I. Golikova. Second edition] // Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. T. 5. M., 1954 (in Russian).

Belinskij V.G. Pis'mo k Gogolyu [Letter to Gogol] // Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. T. 10. M., 1956 (in Russian).

Chaadaev P.Ya. Apologiya sumasshedshego [Apology of the madman] // Chaadaev P.Ya. Sbornik / Izd. podgot. B.N. Tarasov. M., 2008 (in Russian).

Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical letters] // Chaadaev P.Ya. Sbornik / Izd. podgot. B.N. Tarasov. M., 2008 (in Russian).

- Florovskij G.V.*, *Prot. Puti russkogo bogosloviya* [The paths of Russian theology]. M., 2009 (in Russian).
- Garadzha V.I.* *Sociologiya religii* [Sociology of religion]. M., 2007 (in Russian).
- Gercen A.I.* *Byloe i dumy. 1852–1856. Ch. 4* [The past and thoughts. 1852–1856. P. 4] // *Gercen A.I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 9.* M., 1956 (in Russian).
- Homyakov A.S.* *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The world task of Russia]. M., 2011 (in Russian).
- Homyakov A.S.* *Sochineniya v 2 t.* [Works: In 2 volumes]. M., 1994 (in Russian).
- Horuzhij S.S.* *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii* [After the break. The paths of Russian philosophy]. SPb., 1994 (in Russian).
- Kireevskij I.V.* *Duhovnye osnovy russkoj zhizni* [Spiritual foundations of Russian life]. M., 2007 (in Russian).
- Losskij N.O.* *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. M., 1991 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* *Svyatorusskoe carstvo. Istoriya russkoj svyatosti* [Svyatorusskoe kingdom. The history of Russian holiness]. M., 2018 (in Russian).
- Pushkin A.S.* *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected works: In 10 volumes]. T. 10. M., 1962 (in Russian).
- Smirnov M.Yu.* *Oчерk istorii rossijskoj sociologii religii: uchebnoe posobie* [Essay on the history of the Russian sociology of religion: textbook]. SPb., 2008 (in Russian).
- Tyutchev F.I.* *Rossiya i revolyuciya* [Russia and the Revolution] // *Tyutchev F.I. Yubilejnoe izdanie v 3 t. T. 2.* M., 2013 (in Russian).
- Uvarov S.S.* *Gosudarstvennye osnovy.* M., 2014 (in Russian).
- Zen'kovskij V.V.* *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. T. 1. Ch. 2. L., 1991 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И КИБЕРПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-151-165

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: СМЕРТЬ ТЕКСТА

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Отталкиваясь от понимания “смерти” текста как процесса его деконструкции, дробления, упрощения, когда текст вместо сообщения становится сигналом, ниже мы рассмотрим и более современные трансформации его роли и системной организации, приводящие к символической “смерти” через усложнение и переход в гипертекст, причины преобразования текста сообщения в нарратив и в участника интертекстуальных отношений, а также окончательный уход в прагматический аспект информационного обмена в различных сферах (межличностная коммуникация, реклама, журналистика, дидактика). Без смерти, ритуализированного акта, при доминировании сетевых форм коммуникации невозможно его включение в пространство сетевого контента. Теперь после публикации текста у него есть по большому счету всего два пути: либо он интерпретируется и ретранслируется в таком виде, что неизбежно ведет к инфляции содержания, либо архивируется, что равносильно “похоронам”. В любом из вариантов это “смерть” изначального авторского текста, судьбу которого мы рассматриваем.

Говоря о “смерти текста”, мы имеем ввиду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяющую функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками актуальной информации как единицы коммуникации становятся ее триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступить сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании, — связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества “системы”, — постепенно утрачивают значение в социальной практике.

Ключевые слова: текст, сообщение, гипертекст, интертекстуальность, прагматика, сетевые коммуникации, информация, деконструкция, сетевой текст, текстовая деятельность.

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru

DECONSTRUCTION OF CULTURAL SPACE: DEATH OF THE TEXT

Mamedov Agamali K., Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: akmnauka@yandex.ru

Starting from the understanding of the “death” of the text as a process of its deconstruction, fragmentation, simplification, when the text becomes a signal instead of a message, we will also consider more modern transformations of its role and system organization, leading to symbolic “death” through complication and transition to hypertext. The reasons for converting the text of a message into a narrative and into a participant in intertextual relations. The final departure to the pragmatic aspect of information exchange in various fields (interpersonal communication, advertising, journalism, didactics). Without death, a ritualized act, with the dominance of network forms of communication, its inclusion in the space of network content is impossible. Now, after the publication of the text, it has by and large only two ways: either it is interpreted and retransmitted in such a way that inevitably leads to the inflation of the content, or it is archived, which is equivalent to a “funeral”. In any of the variants, this is the “death” of the original author’s text, the fate of which we are considering.

Speaking of the “death of the text”, we mean the transformation of the very general concept (communicative intention) that defines the functionality of modern textual activity. The leading characteristics of relevant information as a unit of communication are its trigger (motivating) potential and the ability to act as network content (liquidity). The features that characterize the text in the traditional sense: coherence, integrity, i.e. the ability to demonstrate the qualities of the “system”, gradually lose their significance in social practice.

Key words: text, message, hypertext, intertextuality, pragmatics, network communications, information, deconstruction, network text, text activity.

Стремительно нахлынувшая и в какой-то степени “непрочитанная” эра “информационного общества” бросила вызов наследию цивилизации: практике взаимодействия с окружающим миром, личной идентичности, культурному наследию, кодам ее освоения. “Шок будущего” не только наступил, но и отчасти был пережит, оставив одной из своих проблем “смерть текста”, символически обозначенного краха способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Констатация положения, что человек сам в своем слове конструирует свой мир и себя, с необходимостью подводит нас к вопросу о правилах и границах конструирования реальности. В коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая чудные и метафоричные конструкты. (Пруст: сегодня это завтра вчера или вчера завтра.) Текст, как скрипач Шагала, приглашает совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры, в которых предлагается не история как устоявшаяся данность,

а фантазийные истории, какими они видятся автору. Таким образом, единого текста, как в Средневековом дискурсе, нет. Предъявляется многослойность текста, “живущего” в своей системе координат. Порождается множественность истин, текст отходит от реальности, но он (текст) и его фантазии тоже порождены действительностью, а значит они истинны¹. Остаются только слова, они реальнее реальности (П. Ватцлавик). Остаются слова, образ, коррелят, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует. Посему вопросы феноменологии текста крайне актуальны.

Сразу отметим, что это не проблема только лишь лингвистики или коммуникации. Она носит общенаучный характер, поскольку затрагивает сферу накопления и передачи знаний в масштабах всего общества — тех специфических навыков, благодаря которым человечество принципиально выделилось из биологической среды как существо, способное к построению изменчивых и совершенствующихся социальных структур. Задача научного анализа институционализации изменений в отношении текстовой деятельности как способа фиксации и передачи социального опыта актуальна как никогда прежде. Особую актуальность проблема деконструкции текста имеет в социологии, ибо фреймирование социального поля и детерминантов этого процесса определяет и актуализирует тренды социального развития. Именно в данном ракурсе и определено проблемное поле данной статьи. С позиции теории социальной коммуникации деятельность по воспроизводству текстов рассматривается как ключевой социокультурный механизм включения сознания в социальное сотворчество. В рамках социолингвистики текст как единица социокультурной коммуникации представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Российский исследователь Т.М. Дридзе предлагает следующее определение текста: [это] “система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением)”². Положим это определение как опорное в рамках проводимого в данной статье анализа, поскольку оно отвечает целям функционально-коммуникативного подхода, с позиций которого мы проводим рассмотрение.

Говоря о “смерти текста”, мы имеем ввиду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), опреде-

¹ *Korkiya E.D., Mamedov A.K., Vasiliev A.V.* The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. Т. 14. N 2. P. 5106.

² *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. М., 1980. С. 49.

ляющей функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками информации как единицы коммуникации становится триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании, — связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества “системы”, — постепенно утрачивают значение в социальной практике.

В философском аспекте проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI в. Если даже для философов-постмодернистов суть философской деятельности заключалась в сотворении новых концептов и производстве текстов, то ныне на повестке дня: “Изречь истину не обязательно; играть в нее на публике — вот цель философа. Современная философия не просвещает, а эпатарует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу символический капитал — известность. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры в среде философов-профессионалов. В этой игре можно обойтись без настоящего философствования (а настоящий философ не обращается к уже готовой философии, он создает свою собственную), его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования”³.

К характеристикам современной текстовой деятельности можно отнести стремление (даже среди добросовестных ученых) к эпатажу ради достижения известности, стремление к интертекстуальности ради повышения персонального статуса, стремление к комментированию вместо создания собственного оригинального текста.

1. Эпатаж. Признаки — намерение противопоставить себя общественным нормам (оппозиция без программы), манифестация себя, громкие заявления, демонстративный образ. Подразумевает воздействие не посредством качественной информации, оформленной в текст, а стремления повлиять на чувства любыми средствами.

2. Гипертекст — интертекстуальность. Это утрата текста: его больше нет или он недостаточен для коммуникативного повода. Свидетельство вырождения внутреннего содержания, субстантивного компонента, значимости для адресата. Гипертекст представляет собой попытку сохранить тематическое направление исходного сообщения, воздействуя на восприятие через дополнительные каналы. Интер-

³ Семенков В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 47–53.

текстуальность это процесс коллективной текстовой деятельности, в редчайших случаях имеющий возможность представить конечный продукт в виде текста. Это определение указывает лишь на процесс бесконечного незавершения порождаемого текста и бесконечной его реатрибуции.

3. Комментарии. Оценка и интерпретации информационного повода как признание того, что у комментатора авторского текста нет и не будет. Символическое убийство в себе автора. Принятие на себя вспомогательной роли в конструировании цепочки инфообмена, т.е. уход от результата ради самого процесса порождения нарратива.

Указанные характеристики свидетельствуют о трансформации прежнего способа ретрансляции широкой публике научного знания — привычного способа передачи нейтральных, не окрашенных эмоционально и отчужденных интеллектуально от персонального авторства конгломератов информации; такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов.

Надо заметить, что признаки смещения акцентов современной текстовой деятельности в поле прагматической коммуникации, осознанного в научной среде в XX в., появились еще до интернета. То обстоятельство, что современное гуманитарное наукотворчество переходит в поле прагматической коммуникации, в которой наиболее ценным навыком оказывается способность продемонстрировать личный статус, персональный образовательный уровень, ведя “терминологические игры”, признается его акторами. Но оно не оказывается одиноко, поскольку в той или иной мере следует более общей модели современной сетевой коммуникации.

Три очевидные характеристики настоящего жалкого бытия текста и в то же время свидетельства его смерти, поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это предпочтенное наполнение человеческой жизни, свидетельство той самой “лени” ума, которая “двигает” технологический прогресс. Характеристики человека настоящего и, вероятно, ближайшего будущего. Этот процесс не внезапен, он начался с модерна, поскольку классики не оставили после себя достойных учеников.

Следует заметить, что ко времени массового распространения сетевых коммуникаций в коммуникативистике уже произошел переход от понимания коммуникативного акта как передачи сигнала к рассмотрению его как взаимодействия коммуникатора и коммуниканта, как форме построения информационно заданной реальности. Сетевая коммуникация обладает особенностями, из которых самой примечательной можно признать способ ее существования во време-

ни. Единжды возникнув, сетевой контент не исчезнет сам по себе. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет определить сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся, единственной преградой для которой может стать лишь цензура — пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Указанная особенность сетевой коммуникации становится следствием принципа устройства ее модели: **“все (говорят) для всех (которые отвечают)”**. Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется собственным специфическим образом. Каждый современный “релизер”⁴ предлагает текст, который развивается и дополняется посредством комментариев, но в значительно большей степени **оценивается**⁵ коммуникативным сообществом. Таким образом, сетевая коммуникация как текстовая деятельность направлена не столько на выработку коллективного мнения (на рождение “идеального” текста), сколько на сортировку текстов и их оценку, а также ранжирование их релизеров — построение иерархии новой информационной среды общества. При этом наблюдается снижение требований к уровню текстов при росте уровня конкуренции за внимание сетевых пользователей. Так, междометие, смайл, лайк считаются приемлемым “текстом” в качестве реакции.

Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют уже в условиях информационного перепроизводства. Успешность в сетевой коммуникации (выражение мнения, распространение событийной информации и т.п.) обеспечивается соответствием критериям привлекательности для ее присвоения путем комментария или иного действия (побуждать перейти по ссылке, подписаться на обновления,

⁴ Релизер — “частный случай пускового стимула определенного поведения особи, а именно стимул, демонстрируемый одной особью и вызывающий определенные инстинктом поведенческие реакции у другой особи. Термин предложен этологом К. Лоренцом. Происходит от английского releaser (освободитель, избавитель, выпускающий)” (Психологический словарь сайта azps.ru. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/releizer.html> (дата обращения: 15.02.21)).

⁵ Лайки, репосты, подписки и пр. — “кликтивизм” — «грубое название процесса активности в интернете, требующего от пользователей какого-либо действия, иногда “бездумного” (сбор подписей под петицией, флешмоб, репосты). При этом речь идет только об онлайн-инициативах, т.е. участие пользователей в решении какой-либо проблемы ограничивается лишь “кликом” в поддержку/протест реальных действий» (Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // Международный научный журнал “Язык и текст”. 2019. Т. 6. № 3).

т.е. добавить информацию в свое медийное пространство). Кроме того, информационный посыл должен обладать качествами триггера немедленной реализации этой причастности (поставить “лайк” или “поделиться”, добавиться в друзья, репостить ссылку, например, вставить ее в свой блог или “на стену” в личный аккаунт).

Интересно, как реализуется в этой связи проблема избирательности восприятия. Как отмечается, НТР “...привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды”⁶. И без того ограниченный своими органами чувств, охватывающими лишь фрагменты реальности, человек в своей производственной, художественной, досуговой деятельности все больше привязывается к ограничению техническими устройствами, “очерчивающими” объект восприятия, создавая при этом иллюзию полноты и объективности репрезентации. И социальная, и культурная депривация не только и не столько преодолеваются, сколько воспроизводятся в новой технологической среде, а избирательность интереса становится предметом коммерческого использования.

Что же касается описаний современности как среды трансформации атрибуции текста, то в этом вопросе значительно продвинулась политическая коммуникация. Впрочем, здесь нас будет интересовать не столько бытие самого текста (поскольку в данном случае невозможно отрешиться как от анализа конкретного текста, акторов коммуникации, так и от политической реальности), сколько дискурсы как среды его содержащей. Так, авторитарный дискурс (примером может служить империя) фокусирует минимальный объем источника дискурса (возможно один человек) и имеет максимальную общественную значимость. Медиа-дискурс характеризуют малая группа выработки мнения и большая общественная значимость (например, политика в 1990-е, когда вся страна с волнением наблюдала за трансляциями заседаний Верховного Совета). Современный же, сетевой, дискурс показывает, что лишь при росте объема вовлеченных участников связано с ростом его значимость. А поскольку каждым событием вовлечения участника является реализация его личной причастности, присвоения права на интерпретацию текста возникает естественная полигональность как кризис атрибуции. И этот кризис тем сильнее, чем более значимой является тема.

Вопрос атрибуции текста неизбежно должен включать и проблему плагиата. Однако полноценное рассмотрение этого вопроса

⁶ Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева “Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии”. 2016. № 4. С. 24.

может служить интеллектуальным поводом не одной монографии. Из парадоксальных переосмыслений значимости атрибуции текста в контексте проблемы плагиата рассмотрим только одну, наиболее яркую работу творческого коллектива “Critical Art Ensemble”⁷, который провел историческое исследование роли игнорирования авторского права на культурное и эстетическое преобразование общества. Концепция инверсии “мифа плагиата” в настоящем, спустя двадцать восемь лет после выхода этой провидческой работы, свидетельствует о существовании в информационном пространстве вектора отказа от прагматической монетизации ради системного развития общества. По мнению авторов, плагиат способствует уравниванию культурного, эстетического и интеллектуального потенциалов общества. Разве не эти тенденции можно наблюдать в современном сетевом пространстве, посредством роста конкуренции, отказа от формальных признаков атрибуции и переоценки оснований статусов коммуникантов? При всей своей почти социалистической прогрессивности эта концепция также указывает на смерть формальной роли текста как авторского продукта.

Обсуждение текста все чаще уступает обсуждению комментариев, интерпретациям. А иерархия этих интерпретаций обеспечивается сетевым статусом актора, а не авторством текста или квалификацией эксперта. Следовательно, резонанс текста все менее обеспечен содержанием, все более тем, кем и в каком направлении будет развиваться дискуссия по его поводу.

Такая полигональность картины дискурса в сетевых условиях характеризуется разнонаправленностью и сочетаемостью мнений, образующих единое “поле смысла”. Аналитический подход к изучению формы дискурса характеризуется следующими принципами: дефрагментацией элементарных характеристик, ростом категориальной квантификации, обобщением разнородных явлений. Если “средняя реактивность” респондентов, участников дискурса по исследуемой теме, “выше нормы”, то это конституирует перемены в общественном мнении, а возможно и сознании. Снижение неопределенности эффектов сетевых коммуникаций политическая лингвистика видит в когнитивной теории: “Одной из наиболее плодотворных и относительно новых исследовательских парадигм в политической лингвистике является когнитивный подход, позволяющий от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через

⁷ Critical Art Ensemble. *The Electronic Disturbance*. N.Y., 1994. P. 83–84.

анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических преубеждений”⁸.

Существующие классификации текстовых функций сходятся в том, что текст должен запустить некую реакцию у реципиента. Эта функция получила наименование “апеллятивной” еще у К. Бюлера. Впрочем, в своих исследованиях он доходит лишь до **опытного постижения** субъектом манипулятивной и речевой деятельности (он полагал, что ребенок начинает пользоваться словом бездумно, как обезьяна — палкой), что вызвало критику Л.С. Выготского. Последний справедливо указывал, что существуют биологические и социальные детерминанты развития. В своей работе он не только указал на сущность природы влияния навыков на окружающий мир, но и привел принцип, заставляющий задействовать интеллект в поисках “**обходного пути**”⁹ ради достижения цели. В остальных случаях поведение выстраивается в соответствии с усвоенными прежде нормами, опытом и биологическими пресуппозициями. Единственное, что не мог предположить Выготский, что социум, прежде служивший основной причиной организации среды человека, выводящий его за пределы биологической природы, может под влиянием экономического детерминизма и вследствие ограниченности ресурсов и эффективного господства политической воли обратить свои пресуппозиции вспять. Теперь “обходной путь” — развитие интеллектуального, креативного подхода в решении повседневных задач остается уделом немногих, массовая тенденция заключается в консолидации мнений.

Массовые коммуникации, которые реализуются в настоящем сетевым образом, имеют целью не допускать поиска обходного пути. Это легко понять и вполне можно оправдать тем, что коммуникативное пространство пресыщено акторами, а значит чрезмерно конкурентно. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти, но также затрагивает и проблему цифрового неравенства). Данное явление еще не получило убедительной характеристики в научном дискурсе. Оно отражает массовидное сетевое явление роста конкуренции и числа источников сообщений (самого присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Эти

⁸ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С.10.

⁹ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Притив. Ребенок. М., 1993. С. 44–54.

зоны — интернет-площадки, набирающие наибольшее число фолловеров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений.

В этой связи тексту будущего отведена роль стимула — триггера, т.е. побуждения сложно организованной информации — вернуться к роли сигнала, как это рассматривалось на заре теории коммуникаций. Смерть как трансформация роли, текст постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную, репрезентативную, функцию представления реальности. **Репрезентативная** функция прежде реализовывалась в “апелляционной” через реакцию на то, о чем, по сути, сообщал текст, теперь каждый ищет в нем персональный смысл как стимул, благодаря которому формирует свои собственные дискурсы и тематические и семантические направления комментирования. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь об “апелляционной” или “побуждающей” функции. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения существовать, уже не просто “апеллирует” к адресату, мы предлагаем рассматривать ее как “триггерную”.

Если раньше через имманентную функцию текста мы могли вступать в резонанс (другого выбора, казалось, нет — “чужая душа — потемки”), то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва) каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные же проявления современной сетевой коммуникации характеризуют два типа реакции:

1. По принципу раппорта (однозначное принятие текста как своего, что уничтожает атрибуцию текста через институт авторства). Происходит замещение исходного оригинального текста пересказом, интерпретацией. Наиболее популярные тексты закрепляются как “мемы” — лишённые авторства эмоциональные стимулы, “отточенные” множественным употреблением.

2. По принципу эпатажа. Оттянуть на себя внимание аудитории релизёра и поднять свой статус (количество комментариев, лайков и пр.). Эпатажность в этом ключе выступает как показатель степени свободы от заданной реальности и присвоение следствий, которые текст способен задать.

Количественный рост и усиливающее значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста требуют существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации

и цифровизации попытки создать из реальности текст обернулись обратной стороной — текст создает реальность¹⁰. Таким образом, оценка трансформации текста, организующей и определяющей новую коммуникационную среду, становится продолжением философского осмысления онтологии и метафизики бытия социума как элемента развивающегося цифрового пространства¹¹. Исследования Джеффа Буше (Geoff Boucher)¹² показывают, что дискурс, возникающий в результате отражения естественной социальной практики, представляет “синхроническую” структуру, т.е. является подлинным отображением ее состояния в коммуникативной сфере. Дискурс же, рождающийся в результате действия “социальных агентов”, т.е. неких лидеров мнений, определенных “политическим стечением обстоятельств”, является результатом “непоследовательной практики” и “успешной артикуляции”. Этот дискурс автор называет “диахроническим”, т.е. историческим, тем, который имеет временную протяженность, поскольку не отражает существующую социальную реальность, а активно воздействует на нее с непредсказуемыми из настоящего последствиями. Кроме синхронической и диахронической структур автор, ссылаясь на работы Э. Гидденса и К. Леледакиса, предлагает учесть концепцию “измененной структуры”, указывающей на отсутствие эквивалентности происходящих структурных перемен в идеологически мотивированных дискурсах. Таким образом, следует признать первичность текстовой деятельности в построении образа реальности по сравнению с ее непосредственным естественным отражением в сознании, особенно в обстоятельствах, когда этот образ рассматривается как обусловленный временной протяженностью.

Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с каждой из выделяемых функциональных характеристик текста:

1. Недостаточность его как средства репрезентации реальности. Отсюда направление развития на гипертекст, позволяющий связывать между собой тексты независимо от их филогенетической основы. Отсюда феномен популярности Big data как стремление работать с информационными базами, обладающими повышенной репрезентативностью по сравнению почти с любым текстом.

¹⁰ При том, максимально простой текст (бинарный) создает максимально сложную реальность (виртуальную). Триггером виртуальности является простейшая последовательность единиц и нулей.

¹¹ Подробнее мы рассматривали это в статье: Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. 2020. № 3.

¹² Boucher G. The charmed circle of ideology: a critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. N.Y., 2009. P. 98–99.

2. Уход в прагматичность. Собственно столетняя история этого ухода¹³, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации. Как П. Вацлавик выявляет природу инаковости шизофреника как стремление не общаться¹⁴, так стремление общаться, которое отражает нормативное поведение, видимо, может быть удовлетворено в полном объеме только сетевыми коммуникациями. Вдохновлявший его Л. Витгенштейн говорит: “Я знаю, что слово означает в определенных контекстах”¹⁵. Но что за контексты определяют восприятие в сетевых коммуникациях? Собственно, прагматические и/или аффективные. По этим направлениям и следует развитие филогенеза современного текста.

3. Импликация функций. Глагольность как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловившей “лингвистический поворот” (связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка). “Итогом этой тенденции стало, однако, то, что была пересмотрена одна из ключевых идей, лежащих в основе лингвистического поворота, именно, что главным объектом лингвистического анализа является предложение. <...> Язык как главный объект анализа уступил место риторике с ее тропами и формами убеждения”¹⁶. Здесь кроется еще одна характеристика, отражающая причину смерти текста: “необходимо и достаточно”. Импликация говорит о снижении лингвистической избыточности, что также ведет к смерти текста, как мы его знаем.

Вначале разъяснения того, как сегодня меняется возможность существования текста в зависимости от его способности являться контентом в сетевых коммуникациях, приведем философское размышление Гейдара Джемалья о контенте, как сознании общества: «Все Общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Мы имеем в виду, что сознание, “материализованное” в виде Общества, не свидетельствует ничего, не подразумевает ничего, но является просто самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая на уровне Общества непосредственно не проявляется»¹⁷.

¹³ Речь о “лингвистическом повороте”, о котором заговорили исследователи в 1920-е гг.

¹⁴ Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000. С. 49.

¹⁵ Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. С. 351.

¹⁶ Грицкевич Н.Н. Понятие “нарратив” в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (дата обращения: 14.02.2021).

¹⁷ Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010. С. 112.

Уже из приведенной цитаты очевидно, что известный и широко употребляемый термин “контент” имеет коннотации, отличающие его от безликого и рафинированного понятия “субстанция”. Во-первых, контент — это проекция общественного или индивидуального сознания, во-вторых, кроме темы, объема и качества, которые, пожалуй, являются его основными атрибутами, существует характеристика, отражающая его модус. Модус контента — это отражение состояния того самого сознания, которое он представляет. (Или, в лучших традициях постмодерна “качество отражения качества состояния”.) В настоящем сетевом обществе оперирует “прагматическим” контентом, который стал результатом того самого лингвистического поворота, о котором было сказано выше. Превращение атрибута в модус — это и есть генерализация какой-либо характеристики. Способность выступать в роли сетевого контента — основная витальная, а потому генерализованная характеристика текста, текста в самом широком его понимании, и главная причина его смерти в классическом понимании, текста как информационной системы.

Причину такого положения вещей в данном случае указать невозможно. Но можно заметить, что информация, объединенная в систему, обладает внутренней непротиворечивостью и может быть подвергнута оценке как истинная или ложная. К сетевой информации такие характеристики применимы лишь с оговорками. Возможно поэтому ей удастся роль триггера — некритично воспринимаемых сообщений, возможно поэтому борьба с “фейками” так актуальна и так неуспешна.

Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века: перемещение народов, освобождение многих государств от традиционных устоев, научно-технический прогресс. Эти явления запустили процессы интенсификации межкультурных коммуникаций, приведших к всему спектру глобализационных процессов, в том числе, к появлению самого интернета. Новые возможности вызвали к жизни новые правила. Традиционные тексты, особенно в своей способности фиксировать социальный опыт, утратили прежнее значение. Наиболее существенными характеристиками современной коммуникативной среды, “могильщиками” текста, стали полигональность, триггерность, контентность. Наблюдаемые трансформации в области текстовой деятельности помимо очевидных угроз несут, пожалуй, основания для качественного преобразования общественного сознания и способов организации мышления в человеческом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000.

Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.

Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // *Международный научный журнал "Язык и текст"*. 2019. Т. 6. № 3.

Грицкевич Н.Н. Понятие "нарратив" в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (дата обращения: 14.02.2021).

Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // *Социология*. 2020. № 3.

Психологический словарь сайта azps.ru. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/relizer.html> (дата обращения: 15.02.21).

Семенов В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // *Вопросы философии*. 2004. № 4.

Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // *Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева "Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии"*. 2016. № 4.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

REFERENCES

Boucher G. The charmed circle of ideology: a critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. N.Y., 2009.

Critical Art Ensemble. The Electronic Disturbance. N.Y., 1994.

Dridze T.M. Jazyk i social'naja psihologija [Language and Social psychology]. М., 1980 (in Russian).

Dzhemal' G.D. Daud vs Dzalut (David protiv Goliafa) [Daoud vs Jalut (David vs Goliath)]. М., 2010 (in Russian).

Golikova T.A. Osnovnye tendencii formirovanija sovremennoj russkoj politicheskoj kartiny mira [The main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world] // *Mezhdunarodniy nauchniy zhurnal "Jazyk i tekst"*. 2019. Т. 6. N 3 (in Russian).

Gricevich N.N. Ponjatje "narrative" v sovremennoj lingvistike. Narrativ kak osobaja raznovidnost' teksta [The concept of "narrative" in modern linguistics. Narrative as a special kind of text]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (accessed: 14.02.2021) (in Russian).

Korkiya E.D., Mamedov A.K., Vasiliev A.V. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. Т. 14. N 2. P. 5103–5108.

Mamedov A.K., Pisareva L.K. Metamorfozy cifrovogo obshhestva: trudnosti rosta i riski [Metamorphoses of digital society: difficulties of growth and risks] // *Sociologija*. 2020. N 3 (in Russian).

Psychological dictionary. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/relizer.html> (accessed: 15.02.21) (in Russian).

Semenkov V., Isakov A. Filosofskoe tvorcestvo: mezhdju Scilloj tradicii i Haribdoj avangarda [Philosophical creativity: between the Scylla of tradition and the Charybdis of the avant-garde] // *Voprosy filosofii*. 2004. N 4 (in Russian).

Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. M., 2004 (in Russian).

Terent'eva I.N. Setevye kommunikacii: novaja real'nost' upravlenija [Network communications: a new reality of management] // *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva* "Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii". 2016. N 4 (in Russian).

Vaclavik P., Bivin D., Dzhekson D. Pragmatika chelovecheskih kommunikacij [Pragmatics of human communications]. M., 2000 (in Russian).

Vitgenshtejn L. Izbrannye raboty [Selected works]. M., 2005 (in Russian).

Vygotskij L.S., Lurija A.R. Jetjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok [Etudes on the history of behavior: The Monkey. Primitive. Child.]. M., 1993 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-166-185

МОТИВ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КИНОКОММУНИКАЦИИ

К.А. Тарасов, докт. культурологии, проф. кафедры социологии МГИМО (Университет) МИД РФ, пр. Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

Социальное насилие традиционно является одной из составляющих в информационном потоке художественной коммуникации, кинематографической в особенности. Специфическим языком кино легче, чем языком других искусств, привлечь и удерживать внимание широкой публики аттракционом насилия. К тому же, как правило, и экономичнее — в силу сравнительно низких издержек воплощения на экране насильственных практик при общей дороговизне кинопроизводства. На Западе экранизация практик насилия с целью развлечения публики, а вместе с ней и обеспокоенность общественности по поводу возможности их негативного воздействия на подрастающее поколение, имеет длительную историю. В рамках концепции “аудитории как жертвы” по проблеме воздействия здесь проведены тысячи исследований, главным образом в США. В СССР кинематограф развлекательной направленности находился под идеологическим запретом, что ставило репрезентацию насилия в соответствующие рамки. В 1990-е гг. киноситуация изменилась коренным образом. Произошедшая эскалация развлекательного насилия на экране вызвала обеспокоенность российской общественности. Социологи начали изучать его восприятие и воздействие на зрителей. В этой связи в статье рассматриваются опыт концептуализации социального насилия и его переформатирование после того, как под влиянием революционного насилия в прошлом веке кино обрело статус “важнейшего из всех искусств” и “общественная значимость” насилия стала культурным кодом его репрезентации. Но при переходе кинематографа к рынку открытый доступ на киноэкраны страны получили зарубежные фильмы. Экранное насилие утвердилось в статусе коммерчески важного коммуникативного аттракциона. В статье на материалах социологических опросов кинозрителей Кирова и Екатеринбурга рассматривается его эффективность в этой функции. Уделено внимание и социокультурному аспекту проблемы — воздействию образов насилия на подрастающее поколение, в среде которого существует “группа риска”, заслуживающая внимательного изучения и учета в практике социального контроля.

Ключевые слова: кино, аудитория, коммуникация, социальное насилие, аттрактивность, воздействие.

* Тарасов Кирилл Анатольевич, e-mail: k.tarasov@inno.mgimo.ru

THE MOTIF OF SOCIAL VIOLENCE IN THE SPACE OF CINEMATIC COMMUNICATION

Tarasov Kirill A., Doctor of Culturology, Professor of the Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: k.tarasov@inno.mgimo.ru

Social violence traditionally has been a constituent in the information flow of artistic communication, of the cinematic one especially. With the language specific to cinema it is easier, than with the languages of other arts, to attract and command the attention of a broad public with the spectacle of violence. Also, as a rule, it is more economical because of the relatively low cost of embodying violence on the screen considering the overall expensiveness of film production. In the West, the filming of practices of violence aimed at entertaining the public, as well as the public concern at the possibility of their negative impact on the rising generation, has a long history. Within the concept of “the audience as the victim” there were thousands of studies conducted, especially in USA. In the USSR cinema of the entertainment orientation was under the ideological ban which put the representation of violence within certain boundaries. In the 1990s the situation of cinema changed drastically. The escalation of entertainment violence on the screen caused a public concern. Sociologists began to study its perception by and impact on spectators. In this regard, the article considers the experience of conceptualizing the reformatting of its representation after, consequent upon the impact of the last century’s revolutionary violence, cinema had obtained the status of “the most important of all the arts” and “the social significance” of the violence became the cultural code of its representation. But with the transition of Russian cinema to the market, foreign entertainment movies were granted open access to the nation’s film screens. Entertainment violence reached the status of a commercially important communicative attraction. Its effectiveness in this function is viewed in the article based on the materials of sociological surveys conducted among filmgoers of the cities of Kirov and Ekaterinburg. Another side of the issue considered as well is the sociocultural effects of violent images on the rising generation in whose midst there is a “risk group” that merits careful research and preventive acknowledgment in the process of social control.

Key words: *cinema, audience, communication, social violence, attractiveness, impact.*

Трактовка понятия “насилие в кино”

В научных публикациях о кино понятие насилия трактуется в широком и узком смысле. Широкое характерно для некоторых теоретических исследований, в которых оно предстает как нечто, внутренне присущее культуре в самых разных ее проявлениях. Именуемое “инструментальным”, “насилием привычки”, оно является “частью повседневного опыта”, активатором и дополнением к человеческим

отношениям в обществе¹. В исследованиях, включающих в себя эмпирический уровень поиска, строящихся на сборе, систематизации и теоретическом осмыслении фактов, насилие понимается уже — в соответствии с первым значением этого слова в русском языке: “применение физической силы к кому-нибудь”². Об этом свидетельствуют библиографический список работ российских авторов по проблеме³ и многочисленные западные публикации, посвященные экранному/медийному насилию (screen violence, media violence).

Насилие в виде физического принуждения кинозрители постоянно видят на “большом экране”, и естественно предположить, что оно так или иначе оказывает на них определенное влияние. Но какое именно, в каких случаях и с каким знаком? Эти вопросы возникают и применительно к показу фильмов на телеэкране. Касаясь их изучения на материалах телевидения, Дж. Левис заметил, что с момента появления этого института на переднем плане исследовательской повестки дня было воздействие экранного насилия на поведение людей. Постановка проблемы, подчеркивает он, корректна, но проблематичен метод ее изучения⁴. Касаясь данных Дж. Гербнера о масштабах репрезентации насилия на телеэкране, А. Бергер отмечает, что их оценка сильно зависит от дефиниции ключевого понятия. Оно могло быть либо широким, включающим намеренное и комическое насилие, либо узким, охватывающим лишь первую составляющую⁵. Назван лишь один из многих вопросов, возникающих в процессе поиска приемлемого определения понятия.

Изучать влияние медийного насилия — и, следовательно, определять содержание и объем этого понятия — мировая наука, американская в первую очередь, начала задолго до появления телевидения. В США произошло это в 1920–1930-е гг., когда вокруг кино сформировалась массовая зрительская аудитория. При финансовой поддержке благотворительного фонда Пейна были разработаны скоординированные исследовательские программы с задачей “опре-

¹ Подорога В.А. Насилие в современном кинематографе (подход к проблеме) // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 189. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2016/1/12.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981.

³ Вострикова Е.Ю., Спутницкая Н.Ю. 40 лет насилия: мониторинг кинопериодики // Телекинет. 2018. № 3 (4). С. 36–72. URL: <https://telecinet.com/wp-content/uploads/2019/01/34-36-72.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ Levis J. Are you receiving me? // Understanding Television. N.Y., 1990. P. 153.

⁵ Berger A.G. The essentials of mass communication theory. Thousand Oaks, 1995. P. 77.

делить потенциально вредный эффект восприятия фильмов детьми и юношеством”. Внимание к этим сегментам аудитории объяснялось тем, что новые поколения быстрее принимают новые коммуникационные технологии и их влияние на них сильнее, чем на взрослую аудиторию⁶. Была и другая причина. Долгое время популярность репрезентированного на киноэкране насилия являлась “одной из главных проблем в культурной политике США”. Руководствовались допущением, что «репрезентация насилия *ipso facto* представляет собой нечто *плохое*. В соответствии с этим исследовательская повестка дня сводилась к выявлению, что из этого “плохого” влияет, если вообще влияет, на социальное поведение»⁷. В дальнейшем были проведены “три или четыре тысячи исследований”⁸.

В новом веке объектом многочисленных исследований аналогичной направленности стала также репрезентация насилия в видеоиграх, популярных в подростковой среде. Выделяя видеоигры с доминантой насилия, исследователи относят к ним те, в которых “игрок может причинить вред другим персонажам. Главным действием во многих популярных играх является причинение вреда другим”⁹. Проводится различие между агрессией и насилием. Агрессия — поведение с намерением причинить вред другому, насилие — экстремальная форма физической агрессии; “любое насилие является агрессией, но не каждый акт агрессии представляет собой насилие”¹⁰. В центре внимания исследователей находится гипотеза о способности экранного насилия оказывать воздействие на агрессию в широком ее проявлении, включая агрессивные мысли и чувства.

В СССР вопрос о репрезентации физического насилия на экране и ее последствиях обсуждался как проблема западных обществ и на их же материалах. Показательно в этом отношении название статьи в газете “Советская культура” (03.12.1982 г.): “Искусство США: пропаганда насилия и жестокости”. По этой и другим причинам на советский киноэкран американские фильмы выходили редко.

⁶ Rogers E. Communication technology. N.Y., 1986. P. 110–111.

⁷ Fiske J., Dawson R. Audiencing violence: watching homeless men watch Die Hard // The Audience and its Landscape / Ed. by J. Hay, L. Grossberg, E. Wartella. Oxford, 1996. P. 301.

⁸ Outlooks on children and media: child rights, media trends, media research, media literacy, child participation, and declarations / Compiled and written by C. von Feilitzen, C. Bucht. Göteborg, 2001. P. 152.

⁹ Anderson C.A., Gentile D.A. Violent video game effects on aggressive thoughts, feelings, physiology, and behavior // Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014. P. 231.

¹⁰ Schipani V. The facts on media violence. URL: <https://www.factcheck.org/2018/03/facts-media-violence/> (accessed: 28.11.2020).

В 1990-е гг. киноситуация резко изменилась в противоположном направлении. Американские фильмы стали главной частью репертуара российских кинотеатров и кинотеатрального досуга их посетителей¹¹. То же самое происходило на теле- и видеоэкранах. Вопрос о воздействии экранного насилия стал предметом дискуссий в кругах общественности и эмпирических исследований. Государственная Дума РФ посвятила ему парламентские слушания. В этой ситуации возникли споры по поводу дефиниции понятия “насилие в фильме”. Дискуссия вышла даже на газетные полосы после того, как депутаты В. Гальченко (2003 г.) и А. Скоч (2004 г.) предложили поправки к закону “О средствах массовой информации”, а Государственная Дума РФ приняла в первом чтении соответствующую поправку к нему. “Вечерняя Москва” (12 ноября 2004 г.) писала: «Сначала надо определиться с тем, что депутаты считают насилием. Иначе можно дойти до абсурда: запретить, например, показ любимого всеми фильма “Семнадцать мгновений весны”».

В собственном исследовании автор руководствовался операциональным определением, согласно которому в фильме репрезентация насилия имеет место при условии наличия в нем сцены/сцен социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющей своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб. Базовой кодируемой единицей контент-анализа (recording unit)¹² — фрагмент содержания, вносимый в протокол исследования) являлся акт насилия. В качестве методологического средства это определение прошло апробацию в процессе контент-анализа кинопрограмм телевидения¹³. Аналогичной, в главном, дефиницией руководствовались Дж. Гербнер и Л. Гросс. Насилие определено ими как “явное действие физической силы (с оружием или без него) против себя или другого, принуждение другого под страхом причинения ему вреда или убийства к действиям против собственной воли либо реальное причинение вреда или убийство” в одной и той же единице, определяемой как “сцена насилия по отношению к тем же лицам”¹⁴.

¹¹ Под знаком вестернизации. Кино. Кино – публика – воздействие. М., 1995. С. 10–30.

¹² Berger A.G. Op. cit. P. 77.

¹³ О методике контент-анализа, построенной на этой концептуальной основе, см.: Жабский М.И., Тарасов К.А. Кино – свобода от цензуры... М., 2021 С. 311–313.

¹⁴ Цит. по: Hodkinson P. Media, culture and society. Los Angeles, 2017. P. 71.

Мотив социального насилия как фактор кинематографической коммуникации

Реальный мир знает два вида физического насилия — природное и социальное. Первое присуще, прежде всего, миру животных, где одно живое существо лишает жизни другого по логике естественной целесообразности. Роду человеческому, биосоциальному по своей глубинной сути, свойственны оба вида насилия. Природное — в первую очередь из-за необходимости его физического выживания путем регулируемого культурой подключения к пищевой цепи (рыболовство, производство мяса и т.п.). Социальное насилие, проявляемое во взаимоотношениях людей между собой на микро- и макроуровнях (межличностное и в отношениях между государствами, этническими общностями, большими социальными группами), обусловлено прежде всего их борьбой за жизненные ресурсы и власть.

При всех своих минусах исторически социальное насилие являлось также важным фактором цивилизационного и культурного развития человечества. Глубокий след оставило оно и в траектории развития российского кинематографа. В качестве “повивальной бабки” (К. Маркс) истории старого общества, беременного новым, в первой четверти XX в. революционное насилие дало мощный толчок радикальному изменению вектора развития кино в России — модернизации кинопроцесса как социокультурной практики, в своей системной целостности охватывающей и зрительское освоение кинофильмов¹⁵. Кино, представляющее собой “тесно интегрированный в систему общества и в то же время относительно автономный институт социальной коммуникации”¹⁶, из преимущественно развлекательного зрелища превратилось в “важнейшее из всех искусств” (В. Ленин).

Кинокоммуникация представляет собой символическое взаимодействие людей, процесс, в котором группы специалистов в области производства и распространения фильмов с помощью технических и выразительных средств киноискусства так или иначе регулируют эмоциональную жизнь людей, их социальную совместимость¹⁷. При этом практики кино не могли не замечать, что физическое насилие как угроза здоровью и самой жизни людей во все времена возбуждало их чувства, порождало любопытство и поэтому являлось популярным мотивом социальной коммуникации. Известно, что первобытные люди, собравшись у костра, говорили больше всего о делах, “которые

¹⁵ Жабский М.И., Тарасов К.А. К истории социального регулирования в сфере кинокультуры // Культура и искусство. 2012. № 2 (8). С. 43.

¹⁶ Кинематограф – зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика. М., 2010. С. 23.

¹⁷ Жабский М.И. Социология кино. М., 2020. С. 162.

сильно отличались от обычных — о победах храбрых, о подвигах знатных, о выдумках искусных людей”¹⁸. Лица, отличившиеся в схватках с врагом на войне и зверем на охоте, становились героями рассказываемых историй.

В эпоху индустриализации художественной культуры эту древнюю нарративную традицию словно эстафету принял от литературы и продолжил кинематограф. *Рассказывание массовой публике интересных историй утвердилось в качестве коммуникативной стрелы его магии*. В раннем кино именно переход производителей фильмов к рассказыванию публике интересных историй на основе художественного вымысла (вместо фиксации и показа ей разного рода документально-видовых картин длительностью в одну-две минуты) явился существенной причиной быстрого роста массовости кино в период 1905–1918 гг.¹⁹ В тематическом отношении кинетическую энергию коммуникативной стрелы киномагии в значительной мере сообщало образное воплощение социальных конфликтов, разрешаемых с применением физического насилия.

В одном из своих определений кинематограф предстает как изображение действия²⁰. На экране оно в массовом масштабе обретает форму насильственных практик — популярных аттракционов. Популярных не в последнюю очередь по сохранившейся с древних времен закономерности социальной коммуникации. “Рассказы о подвигах, приключениях и побежденных трудностях требуют меньше всего умственной силы; и эти рассказы вполне или отчасти понятны на самой низшей ступени умственного развития”²¹. Этот момент естественным образом согласуется с определением кинокоммуникации как процесса, в котором создатели и распространители фильмов “регулируют эмоциональную и шире — совместную жизнь людей путем по преимуществу не усложненной или облегченной информационно-эстетической связи с массами”²².

В существующем искусствоведческом понимании мотива как, в частности, повторяющейся темы заключен момент, важный для успешного протекания кинокоммуникации. Теме насилия, повторяющейся в конкретном фильме или кино в целом, свойственны

¹⁸ Сочинения Герберта Спенсера. Основания социологии. Т. II. Ч. III–VII. СПб., 1898. С. 511.

¹⁹ *Czitrom D.* Early motion pictures // *Communication in History. Technology, Culture, Society* / Ed. by D. Crowley, P. Heyer. Boston, 2007. P. 178.

²⁰ *Фрейлих С.И.* Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М., 2007. С. 233.

²¹ Сочинения Герберта Спенсера... С. 511.

²² *Жабский М.И.* Социодинамика кинематографической жизни общества. Аналитическая летопись (1969–2005 гг.). М., 2015. С. 69.

психологическое перевоплощение и на этой почве определенная системообразующая роль в кинопроцессе. Мотив как момент *художественной* реальности в начальной фазе кинопроцесса в его финале способен успешно трансформироваться в мотив как *психологическую* реальность зрительской рецепции и благодаря этому выполнять роль одной из *скреп* системной целостности конкретного кинопроцесса. Другими словами, для потенциальных зрителей тема насилия становится определенным побуждением к восприятию фильма, чем способствует замыканию полюсов кинокоммуникации.

В условиях современного рынка в кино, когда привлечение зрителей в кинозалы как никогда имеет экзистенциальную значимость для структур фильмопроизводства, мотив социального насилия особенно привлекателен для продюсеров. Находясь под прессингом коммерческих императивов, они в массе своей не могут не считаться с тем, что “производство медийного насилия сопряжено с меньшими издержками и его намного легче экспортировать”²³. В существующей системе координат создание картин, глубоко раскрывающих характеры незаурядных героев и вместе с тем увлекающих широкого зрителя, в творческом отношении задача чрезвычайно сложная. Напротив, “яростное начало души, — как указывал Платон, — легче поддается воспроизведению, чем разумное”. Иной поэт, утверждал философ, стремясь к широкому успеху, “обращается к негодующему и переменчивому нраву, который хорошо поддается воспроизведению”²⁴. Тем самым он укрепляет свое искусство — в аттрактивно-коммуникативном отношении. Аудиовизуальные средства кинематографа в определенных пределах располагают особенно большими возможностями для такого рода “укрепления”. Неприятительную и вместе с тем обширную часть публики легче удерживать у экрана, пленяя ее *непроизвольное* внимание сугубо игровым, мастерски эстетизированным (как в часто упоминаемой сцене патологически обусловленного убийства в фильме А. Хичкока “Психо”) либо натуралистическим воспроизведением “негодующего и переменчивого нрава”, проявляемого в формах физического насилия или его угрозы. Правда, в голливудских блокбастерах производство впечатляющего зрелища насилия все же стоит очень больших денег. Но блокбастеры занимают сравнительно небольшую долю в общем объеме кинопроизводства. А дороговизна сцен насилия, как и сам феномен блокбастера, — результат и средство исторической логики конкурентной борьбы крупнейших киностудий между собой.

²³ Rich M. Foreword // Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014. P. X.

²⁴ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 402.

Аттрактор развлекательного насилия

Репрезентация насилия в фильмах своими социальными корнями уходит в историю общества с извечным чередованием в нем периодов войны и мира, постоянной подготовкой к возможной войне. Не свободна от насилия и повседневность вплоть до ее семейной и интимной сфер. Логично полагать, что в этом контексте репрезентация социального насилия на киноэкране призвана служить гуманистическим целям. Но в мейнстриме кино доминирует иная цель — коммерческая. Социальная отдача репрезентации насилия амбивалентна: “Если кино объясняет человеку природу этого явления, то уже ему помогает. Если же, наоборот, побуждает к насилию, — это призыв человечества к саморазрушению”²⁵.

В кино образы насилия могут быть использованы в качестве средства сигнификации персонажей как носителей добра и зла, их положения в группе, остроты конфликта между ними, характера героя, его жизненных принципов и т.д. Цель и способ использования этого средства зависят от общего социального и культурного контекста фильмопроизводства, художника и направления его творчества. В произведениях серьезного киноискусства репрезентация насилия продиктована логикой творческого выражения художественных чувств и мыслей, определенным образом соотносящихся с социальным контекстом. Эстетически мотивированные образы насилия являются отдельными штрихами в обрисовке портрета героя. В развлекательных фильмах мейнстрима, в которых художественная мотивация подчинена, прежде всего, коммерческой воле продюсера, роль насилия иная — привлечь и удержать внимание зрителей, развлечь их. Портрет героя нередко вырисовывается преимущественно в логике репрезентации насилия — демонстрации физической агрессии, ее обстоятельств и последствий. Насилие становится главной чертой героя фильма. Под эту его особенность подбирается и физико-антропологический типаж актера. Нарратив, как констатирует Т. Гитлин, выступает лишь в качестве своего рода алиби репрезентации насилия. Иллюстрацией служат экшн-фильмы, в которых погони следуют одна за другой, в динамике действия одно техническое средство передвижения сменяется другим и т.д. Складывающийся таким образом сюжет, конечно, не бессмыслен. Цель продюсера, подчеркивает исследователь, обычно состоит в том, чтобы сделать достаточно осмысленным овладение чувствами зрителей. Если сигареты — источник никотина, экшн-фильмы — ис-

²⁵ Занусси К. Кино должно снизить градус насилия // Литературная газета. 2004. 2 нояб.

точник адреналина. “Насилие в фильмах — магический путь выхода из инерции и запутанности повседневной жизни; даже если этот путь такой, который ведет никуда более, кроме как в зал кинотеатра”²⁶.

Репрезентация насилия с развлекательной целью не исключает возможности реалистического воссоздания в фильме значимых сторон и граней общественной реальности, тоже привлекающих внимание определенной части зрителей к киноэкрану. Иллюстративным материалом могут служить данные включенного наблюдения американскими исследователями восприятия хорошо известного российскому зрителю фильма “Крепкий орешек” (реж. Дж. Мактирнан, 1988 г.) бездомными в одном из церковных приютов²⁷. Восприятие ими картины, рассчитанной на зрительский вкус благополучного и развлекающегося в кино среднего класса, носило специфический избирательный характер. Наибольшее внимание бездомных привлекали “репрезентации насилия, направленного против социального порядка”²⁸. Касаясь вопроса о популярности экранного насилия, которая вызывает озабоченность у идеологов культурной политики и тем самым опосредованно стимулирует научное изучение его воздействия, авторы указывают в связи с этим на ценность для науки подхода к проблеме с другой стороны. Приоритетным полагается поиск в хитросплетениях социального взаимодействия точки, в которой пересекаются разные социальные силы (*conjunctural analysis*). В случае обсуждаемой проблемы такой точкой являются исторические условия, связавшие в едином узле популярность репрезентируемого насилия, реальное проявление насилия в жизни общества и современные особенности американского капитализма, “обусловившие и затем углубившие пропасть между привилегированными и депривированными”²⁹. Речь, по сути, идет о том, что практическое решение проблемы воздействия экранного насилия необходимо искать не столько в реалиях взаимодействия кино и зрителей, сколько в системе общества, в котором это взаимодействие происходит.

Глубокие изменения на данном направлении в свое время были предприняты в Советском союзе. Централизованно управляемая и в плановом режиме регулируемая кинематографическая деятельность выстраивалась с целью производства и распространения общественно значимых — с точки зрения большевистской модернизации — фильмов. Этой цели подчинялась и экранная репрезентация

²⁶ Gitlin T. Media unlimited: how the torrent of images and sounds overwhelms our lives. N.Y., 2002. P. 91–92.

²⁷ Fiske J., Dawson R. Op. cit. P. 297–315.

²⁸ Ibid. P. 301.

²⁹ Ibid.

насилия, которым оказалась столь богата российская история первой половины XX в. В 1920–1930-е гг. исходным и по понятным причинам волнующим зрителей материалом репрезентации служили события Октябрьской революции и гражданской войны. Военные события 1940-х гг. дали кинематографистам обширнейший новый материал. Популярными фильмами на военную тему “положили начало целой серии военно-патриотических лент, которые очень активно посещались зрителями”, уступая лишь картинам комедийного и приключенческого жанра. Но уже к концу 1970-х общее количество зрителей на фильмах о войне сократилось на 25%. Дали о себе знать общее снижение кинопосещаемости³⁰ и происходившее в кино “исчезновение героического порыва как основной мотивации поведения”³¹.

Попытки противодействовать общему снижению кинопосещаемости сопровождались осознанием необходимости серьезных изменений в кинополитике. К середине 1980-х гг. кризис востребованности советского кино поставил на повестку дня вопрос о переходе к рынку. В процессе идеологической подготовки этой новации среди практиков кино А. Митта, пожалуй, был первым, кто заговорил о необходимости расширения тематических границ кинотворчества производством развлекательного насилия. Прямо указывать на коммерческие резоны этой новации было еще рано. Аргументация режиссера строилась поэтому в логике официального дискурса — ссылками на “общественную значимость” развлекательного насилия. Это зрелище, утверждал он, удовлетворяет потребность людей в стрессе, помогает в случае дистресса, положительно влияет на “наш рабочий и половой потенциал”, в разумных дозах разряжает подавленные комплексы агрессии; дозированная экранная жестокость страхует от проявления жестокости в жизни³².

Независимо от степени обоснованности доводов режиссера конкретная проблема корректировки вектора практической кинополитики была обозначена и включена в повестку дня перестроенного дискурса. Экранное насилие стало обретать легитимность в функциональном статусе развлечения, т.е. продукта, производимого “с целью развлечения, рекреации или досуга”³³. В кинокоммуни-

³⁰ Рондели Л.Д. Кино и его аудитория. Аналитическая летопись взаимоотношений (1969–2010 гг.). М., 2013. С. 32–33.

³¹ Салынский Д. Полет гранаты над полем истории. К вопросу об отдаленных реакциях в поле культурной рефлексии // Экранизация истории: политика и поэтика / Отв. ред. Л. Будяк. М., 2003. С. 31.

³² Художественные достоинства и зрительский успех фильма // Кино: прокат, реклама, методика, практика: Материалы конференции, 18–19 нояб. 1986 г. М., 1986.

³³ Goldstein J. Introduction // Why We Watch. The Attraction of Violent Entertainment / Ed. by J. Goldstein. N.Y., 1998. P. 2.

кации началось постепенное сближение симметричных, четко выраженных установок с противоположных ее полюсов. Со стороны публики — на бездумное развлечение в процессе восприятия экранного насилия, со стороны создателей фильмов — на развлечение зрителей путем производства соответствующего продукта. Начался процесс институционализации акцентированно развлекательного кинематографа и развития связанной с ним развлекательной кинокоммуникации.

Киноиндустрия с характерным для нее пристрастием к репрезентации насилия в развлекательных целях в 1990-е гг. пустила в России глубокие корни, чему способствовала атмосфера аномии, потери эстетических и этических координат. В 1991–1995 гг. развлекательное насилие изображалось в 40% фильмов, к 2003 г. — в 26%³⁴. Пройтись на киноэкран многим из них не позволяли более конкурентоспособные импортные ленты, отсутствием внимания к живописанию насилия не отличавшиеся. Но российские фильмы выходили на телеэкран. В кинопрограммах телевидения аудитории, юной в том числе, предлагалась грубо искаженная, маргинальная картина социального насилия³⁵. В этот период в кинотеатре, по телевидению, с помощью видео школьники смотрели “в течение года примерно 560 фильмов, взрослые — 475”³⁶.

О масштабах потребления “агрессивной кинодиеты” посетителями кинотеатров во второй половине 2010-х гг. можно судить по результатам выборочного опроса в г. Кирове (2016 г.) и Екатеринбурге (2018 г.)³⁷. На протяжении 12 месяцев перед опросом в индивидуальном репертуаре соответственно 41 и 38% зрителей образы насилия присутствовали как минимум в каждом втором фильме, у 10 и 15% доля таких картин составила треть или четвертую часть.

Людам свойственно испытывать чувство сострадания к человеку, оказавшемуся объектом физической агрессии. В коммерческом кино фильмы создаются с расчетом, что зритель, проявляя интерес

³⁴ Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог, 2004. С. 33.

³⁵ Тарасов К.А. Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. 2016. № 2 (28). С. 90–91.

³⁶ Культура и культурные потребности москвичей // Правительство Москвы, Институт экономики Российской академии наук, Государственный институт искусствознания. Москва, 2010. Сер. Мегапроект “Стратегия развития Москвы до 2025 года”. М., 2010. С. 60–61.

³⁷ Исследование проводилось нами по плану НИР НИИ киноискусства (ВГИК) на протяжении одной недели. Так, в Екатеринбурге непосредственно перед показом 34-х фильмов (367 сеансов в 5-ти кинотеатрах) опрашивался каждый третий кинопосетитель. В двух городах в выборке оказалось соответственно 461 и 477 зрителей.

к насилию или просто испытывая чувство эмпатии по отношению к его объекту, бессознательно будет вовлечен в экранное действие. В этом есть свои коммерческие резоны. Но нелишне задуматься и о том, что происходит с чувствами, мыслями и поведением той части зрителей, подрастающего поколения прежде всего, которая получает *особое* удовольствие от фильмов, в которых много сцен насилия и жестокости?

Прежде чем коснуться данного вопроса, особого интереса у создателей и прокатчиков фильмов не вызывающего, обратим внимание на то, что их волнует, — на мотивационную значимость зрелища насилия как стимула кинокоммуникации и реализации коммерческих амбиций. В упомянутом исследовании кинопосетителям Кирова и Екатеринбурга был задан вопрос “Как Вы считаете, если сегодня насилия в фильмах будет меньше, то кино в целом станет более интересным или менее интересным?” Массив полученных ответов оказался внутренне противоречивым. Обнаружились две группы респондентов с противоположными мнениями. Одна полагала, что кинематограф станет *более интересным* — соответственно 17 и 13% “голосов”, другая, на стороне которой определенный перевес, что *менее интересным*: 25 и 28%. Остальные кинопосетители, их большинство, заняли, можно сказать, нейтральную позицию. По разным причинам. Одни считали, что кино останется таким же, как и прежде (29 и 26%). Возможно потому, что они привыкли к нему как фону релевантного для них предмета интереса в фильмах текущего кинорепертуара. Другие респонденты (28 и 30%) не смогли определиться в своем мнении. Причиной могло быть отсутствие активной заинтересованности зрелищем насилия (1 и 3% респондентов не дали ответа на поставленный вопрос).

Приведенные факты позволяют выдвинуть гипотезу, что у предлагаемой публике “агрессивной кинодиеты” есть свои ярые поклонники. Кино привлекает их прежде всего изображением насилия. Погружение в мир воображаемого насилия — главный мотив кинопосещения. Физическая мощь и бойцовское искусство героя, его смелость и решительность, воля и выдержка, мастерство владения оружием, впечатляющие взрывы и разрушения, смертоубийство, раны и кровь, словом, зрелище охоты на человека сильно возбуждает их чувства и приковывают взоры к экрану. Зрелища насилия хочется еще больше.

На примере Екатеринбурга данную гипотезу подтверждают зрительские ответы на вопрос о том, какие фильмы доставляют им *особенно большое удовольствие*. Оказалось, что каждый пятый кинопосетитель (20%) испытывает такое удовольствие во время просмотра

фильмов, где “много дерутся, стреляют и т.д.”³⁸ Сравнивая их реакции на гипотетическое уменьшение насилия на киноэкране с реакцией тех, кто к категории ярых поклонников этого зрелища не относится, мы обнаруживаем любопытный расклад ответов: кинематограф станет *более интересным* — соответственно 11 и 14% “голосов”, *менее интересным* — 38 и 24%. Оказывается, даже среди ярых приверженцев развлекательного насилия есть прослойка тех, кто ощущает определенный дискомфорт от гипертрофированного его представительства на киноэкране. Но больше тех, кто против такого представительства не возражает и, более того, желает его усиления. Кроме того, среди тех, кто не относится к числу поклонников развлекательного насилия, немало желающих сохранения его представительства (24%). Факты говорят о том, что в сегменте зрительского рынка, представленного поклонниками развлекательного насилия, есть некое “ядро (38%), а наряду с ним — просто любители историй, в которых конфликты разрешаются с помощью насилия, демонстрирующего незаурядную маскулинность героя, — и не только среди мужчин”³⁹.

Современная киноаудитория сформирована по образу и подобию кинематографа, функционирующего с 1990-х гг. Способы и средства ее реструктуризации в постсоветский период не столько вовлекали новых людей в свою социальную орбиту, сколько выталкивали из нее тех, чей вкус сформировался на советских фильмах. Происходило это не в последнюю очередь из-за гипертрофированного стимулирования кинокоммуникации развлекательным воплощением “яростного начала души” и габитуализации “агрессивной кинодиеты” в качестве нормы кинопотребления.

Примечателен следующий факт из исследования в Екатеринбурге: в среде тех, кто получает особенно большое удовольствие от просмотра фильмов, в которых “много дерутся, стреляют и т.д.”, гендерные различия стираются. Представительство зрителей мужского пола — 53%, женского — 44% (от 3% респондентов ответ не получен). Перспективы целенаправленного просветительского влияния на происходящие в киноаудитории процессы крайне ограничены, так как на киноэкране и в кинотеатральном досуге населения доминируют импортные фильмы. Прежде всего по их образу и подобию ежедневно воспроизводится аудитория российских кинотеатров. К тому же в вопросе объема репрезентации насилия на киноэкране российские производители фильмов стараются не уступать зарубежным коллегам.

³⁸ Подробно об этой прослойке кинозрителей см.: Тарасов К.А. Поклонники развлекательного насилия на киноэкране // Журналист. Социальные коммуникации. 2020. № 3 (39).

³⁹ Там же. С. 75.

Возвращаясь к обозначенному выше вопросу о влиянии развлекательного насилия на зрителей, подрастающее поколение в частности, отметим, что в выводах исследователей сталкиваются противоположные точки зрения. Чаще всего умозрительного характера по поводу возможности дисфункционального воздействия. Мысль о его возможности спонтанно рождается из понимания того, что подражание является важным механизмом социализации, на ее первичной стадии в особенности. Одно дело, если бы индивид с момента рождения никогда не видел насилия в жизни людей, и совсем другое, когда он сам сталкивается с насилием, а фильмы постоянно напоминают ему о его существовании и из них он многое узнает о нем как способе разрешения межличностных конфликтов. В этом случае для родителей, педагогов, юристов, священнослужителей и т.д. вполне естественно предположение или даже убеждение о возможности мимесиса. Но публичные заявления со стороны общественности о деструктивном влиянии насилия в фильмах фактически означают обвинение в адрес тех, кто это зрелище производит и распространяет. Затронутые интересы побуждают их к защите практикуемой репрезентации насилия отрицанием возможности мимесиса, что в общем-то тоже естественно. Роль третьей стороны взяла на себя наука.

Свидетельства о вредном влиянии образов насилия на публику дают многочисленные зарубежные исследования, имеющиеся обзорные публикации по их материалам. Мы ограничимся указанием на обобщающие аналитические выводы и кратким дополнением к ним по результатам проведенных нами изысканий.

По заданию Международного общества исследователей агрессии 12 ученых мирового уровня проанализировали опубликованные по проблеме материалы 15 метааналитических работ. Во внимание был принят практически весь исследовательский опыт, накопленный за несколько десятилетий. Аналитическое заключение авторитетных ученых свелось к трем тезисам. Во-первых, нет такого отдельного фактора риска, который являлся бы единственной причиной агрессивности индивида — монокаузальность исключается. Во-вторых, в отношении агрессивности дисфункциональное влияние оказывает комплекс факторов риска. В-третьих, “потребление медийного насилия увеличивает относительный риск агрессии, определяемой как намеренный вред другому лицу в форме вербального поведения, отношения к нему или физического воздействия”⁴⁰.

⁴⁰ *Gentile D., Murray J. Media violence and public policy. Where we have been and where we should go next // Media violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014. P. 418.*

Выводу, что потребление медийного насилия увеличивает относительный риск намеренного причинения вреда другому лицу, недостает определенности. Остается неясным, случается ли так, что под влиянием экранного насилия риск агрессии не только увеличивается, но и в каких-то случаях имеет логическое завершение в виде реального проявления агрессивности. Теоретически такой исход возможен, если в “комплексе факторов риска” оказывается также и определенный характер рецептивной активности со стороны потребителей медийного насилия. Это означает, что в изучении проблемы необходимо учитывать действующие в кинокоммуникации факторы как *воздействия*, так и *взаимодействия* — в нашем случае кино и аудитории.

Логично предположить, что при прочих равных условиях риск агрессии может быть увеличен в той части киноаудитории, которая по отношению к образам насилия проявляет “заинтересованную” рецептивную и интерпретативно-инструментальную готовность, т.е. склонна к усвоению и в режиме мимесиса использованию отраженного на киноэкране опыта насилия. Следовательно, необходимо проверить гипотезу о возможном существовании *группы риска* и, если она существует, в дальнейшем идентифицировать ее.

Такого рода научная работа на протяжении ряда лет осуществлялась нами в рамках исследований НИИ киноискусства, проведенных среди старшеклассников общеобразовательных школ в разных городах России. Проверялась гипотеза о существовании в подростковой среде группы риска как объекта вероятного дисфункционального воздействия образов насилия. Предполагалось, что представители этой группы в силу разных причин предрасположены к агрессивному поведению в реальной жизни и к “заинтересованному” — катализирующему существующую у них предрасположенность — усвоению репрезентируемого в фильмах опыта насилия⁴¹. Идентификация представителей этой группы осуществлялась с помощью метода опроса и специально разработанного статистического квазиэксперимента. Кинокоммуникация как явление прежде всего духовное — область преимущественного и весьма эффективного использования опросных процедур⁴². Нами применялась комбинация обычной и проективной техники, чем открывался достаточно надежный доступ к характерному для этого метода источнику информации — “обыденному, полученному стихийно-эмпирическим путем знанию” людей о

⁴¹ Тарасов К.А. Репрезентация насилия в киноиндустрии // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 69–71.

⁴² Социология и кинематограф. М., 2012. С. 360.

себе⁴³. По ответам кинозрителей на обширный комплекс индикативных вопросов были выделены две сравниваемые группы — экспериментальная и контрольная (нейтральная) в отношении возможного негативного воздействия образов насилия. Сравнительный анализ полученных данных подтвердил гипотезу о существовании группы риска в подростковой среде⁴⁴. Выявлен реальный факт, заслуживающий дальнейшего изучения и учета в практике саморегулирования кинематографической деятельности, медиаобразования, семейного воспитания и т.д.

В заключение отметим, что регулирование массовой коммуникации, кинематографической в том числе, осуществляется социальными структурами с позиций разных интересов, по разным направлениям и на основе разных концептуальных моделей аудитории. В одном случае аудитория видится прежде всего в аспекте ее экономической ценности (товар, который необходимо создать и продать), в другом — со стороны воздействия на нее медийной системы (не только полезное, но и вредное — «аудитория как жертва»), в третьем — как множество хорошо информированных, рационально и избирательно действующих индивидов (свойственные им запросы важно всемерно удовлетворять)⁴⁵. Применительно к подростковому сегменту поклонников развлекательного насилия пристального внимания заслуживает второй подход, ставящий во главу угла эффект воздействия. Регулирования в этом отношении кинокоммуникации с помощью возрастных рейтингов, практикуемых в России, как и в других странах, недостаточно. Необходимо продвигаться по пути синергичного регулирования, аккумулирующего позитивный потенциал всех заинтересованных и/или ответственных социальных структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вострикова Е.Ю., Спутницкая Н.Ю. 40 лет насилия: мониторинг кинопериодики // Телекинет. 2018. № 3 (4). С. 36–72. URL: <https://telecinet.com/wp-content/uploads/2019/01/34-36-72.pdf>

Жабский М.И. Возможности, границы и техника опроса // Социологические исследования. 1984. № 3. С. 164–172.

Жабский М.И. Социодинамика кинематографической жизни общества. М., 2015.

⁴³ Жабский М.И. Возможности, границы и техника опроса // Социологические исследования. 1984. № 3. С. 165.

⁴⁴ Подробно об этом см.: Жабский М.И., Тарасов К.А. Кино – свобода от цензуры... С. 230–242, 260–272.

⁴⁵ Webster J., Phalen P. The mass audience: rediscovering the dominant model. Mahwah, 1997. P. 126.

- Жабский М.И.* Социология кино. М., 2020.
- Жабский М.И., Тарасов К.А.* К истории социального регулирования в сфере кинокультуры // Культура и искусство. 2012. № 2 (8). С. 42–52.
- Жабский М.И., Тарасов К.А.* Кино — свобода от цензуры... М., 2021.
- Кинематограф — зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика. М., 2010.
- Культура и культурные потребности москвичей // Правительство Москвы, Институт экономики Российской академии наук, Государственный институт искусствознания. Сер. Мегапроект “Стратегия развития Москвы до 2025 года”. М., 2010.
- Платон.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
- Под знаком вестернизации. Кино. Кино — публика — воздействие. М., 1995.
- Подороза В.А.* Насилие в современном кинематографе (подход к проблеме) // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 189–208. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.1/12.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).
- Рондели Л.Д.* Кино и его аудитория. Аналитическая летопись взаимоотношений (1969–2010 гг.). М., 2013.
- Салынский Д.* Полет гранаты над полем истории. К вопросу об отдаленных реакциях в поле культурной рефлексии // Экранизация истории: политика и поэтика / Отв. ред. Л. Будяк. М., 2003. С. 19–31.
- Социология и кинематограф. М., 2012.
- Сочинения Герберта Спенсера. Основания социологии. Т. II. Ч. III–VII. СПб., 1898.
- Тарасов К.А.* Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. 2016. № 2 (28). С. 84–96.
- Тарасов К.А.* Репрезентация насилия в киноиндустрии // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 65–73.
- Тарасов К.А.* Поклонники развлекательного насилия на киноэкране // Журналист. Социальные коммуникации. 2020. № 3 (39). С. 65–70.
- Федоров А.В.* Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог, 2004.
- Фрейлих С.И.* Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М., 2007.

REFERENCES

- Anderson C.A., Gentile D.A.* Violent video game effects on aggressive thoughts, feelings, physiology, and behavior // *Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals* / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014.
- Berger A.G.* The essentials of mass communication theory. Thousand Oaks, 1995.
- Czitrom D.* Early motion pictures // *Communication in History. Technology, Culture, Society* / Ed. by D. Crowley, P. Heyer. Boston, 2007.
- Fedorov A.V.* Prava rebenka i problema nasiliya na rossiyskom ekrane [Children's rights and violence problem on the Russian screen]. Taganrog, 2004 (in Russian).
- Fiske J., Dawson R.* Audiencing violence: watching homeless men watch Die Hard // *The Audience and Its Landscape* / Ed. by J. Hay, L. Grossberg, E. Wartella. Oxford, 1996.
- Freilikh S.I.* Teoriya kino: ot Eysenshteina do Tarkovskogo [The theory of film: From Eisenstein to Tarkovsky]. М., 2007 (in Russian).
- Gentile D., Murray J.* Media violence and public policy. Where we have been and where we should go next // *Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals* / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014.

- Gitlin T.* Media unlimited: how the torrent of images and sounds overwhelms our lives. N.Y., 2002.
- Goldstein J.* Introduction // Why We Watch. The Attraction of Violent Entertainment / Ed. by J. Goldstein. N.Y., 1998.
- Hodkinson P.* Media, culture and society. Los Angeles, 2017.
- Kinematograph — zerkalo ili molot? Kinokommunikatsiya kak sotsiokulturnaya praktika [Cinema: The mirror or the hammer? Cinematic communication as a socio-cultural practice]. M., 2010 (in Russian).
- Kultura i kulturniy potrebnosty moskvichey [Culture and cultural needs of Muscovites]. Pravitel'stvo Moskvi. Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. Gosudarstvenniy institut iskusstvovznaniya. Ser. Megaproekt "Strategiya razvitiya Moskvi do 2025 goda". M., 2010 (in Russian).
- Levis J.* Are you receiving me? // Understanding Television / Ed. by A. Goodwin, G. Whannel. L.; N.Y., 1990.
- Outlooks on children and media: child rights, media trends, media research, media literacy, child participation, and declarations / Compiled and written by C. von Feilitzen, C. Bucht. Göteborg, 2001.
- Platon.* Sobr. soch.: V 4 t. T. 3. [Collected works in 4 volumes. Vol. 3]. M., 1994 (in Russian).
- Pod znakom vesternizatsiya. Kino — publika — vozdeystviye [Under the sign of westernization. Cinema — Public — Impact]. M., 1995 (in Russian).
- Podoroga V.A.* Nasilie v sovremennom kinematografe (podhod k probleme) [Violence in contemporary cinema (an approach to the issue)] // Politicheskaya conceptologia. 2016. N 1 (in Russian). URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.1/12.pdf> (in Russian).
- Rich M.* Foreword // Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals / Ed. by D.A. Gentile. Santa Barbara, 2014.
- Rogers E.* Communication technology. N.Y., 1986.
- Rondeli L.D.* Kino i ego auditoriya. Analiticheskaya letopis vzaimootnosheniya (1969–2010 gg.) [Cinema and its audience. An analytical chronicle of the interrelationship (1969–2010)]. M., 2013 (in Russian).
- Salinski D.* Polyet granati nad polem istoryii. K voprosu ob otdalennikh reaktsiyakh v pole kulturnoi refleksii [Flight of the hand grenade over the field of history. For the issue of deferred reactions in the field of cultural reflection] // Ekranizatsiya istorii: politika i poetika / Ed. by L. Budyak. M., 2003 (in Russian).
- Sochineniya Gerberta Spensera. Osnovaniya sotsiologii [The works of Herbert Spencer. Principles of sociology]. T. II. Ch. II. T. III–VII. SPb., 1898 (in Russian).
- Sotsiologiya i kinematograf [Sociology and Cinema]. M., 2012 (in Russian).
- Stephenson W.* The play theory of mass communication. Chicago, 1967.
- Tarasov K.A.* Nasiliye v filmakh: tri usloviya mimeticheskogo vozdeystviya [Violence in films: three conditions for the mimetic effect] // Vestnik VGIK. 2016. N 2. (28) (in Russian).
- Tarasov K.A.* Peprezentatsiya nasilya v kinoindustrii [Representing violence in cinema industries] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. N 8. DOI. 10.31857/S013216250000799-1 (in Russian).
- Tarasov K.A.* Poklonniky razvlekatel'nogo nasilya na kinoekrane [Fans of entertainment violence on the screen] // Zhurnalist. Sotsial'niye kommunikatsii. 2020. N 3 (39) (in Russian).

Vostrikova E.Y., Sputnitskaya N.Y. 40 let nasiliya: monitoring kinoperiodiki [40 years of violence: a monitoring of film periodicals] // *Telekinet*. 2018. N 3 (4). URL: <https://telecinet.com/wp-content/uploads/2019/01/34-36-72.pdf> (in Russian).

Webster J., Phalen P. The mass audience: rediscovering the dominant model. Mahwah, 1997.

Zhabskiy M.I. Vozmozhnosti, granitsi i tekhnika oprosa [Possibilities, boundaries and the technique of the survey] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1984. N 3 (in Russian).

Zhabskiy M.I. Sotsiodinamika kinematograficheskoy zhizni obshchestva. [Sociodynamics of cinematic society's life]. M., 2015 (in Russian).

Zhabskiy M.I., Tarasov K.A. K istorii sotsial'nogogo regulirovaniya v sfere kinokulturi [Toward a history of social regulation in the sphere of cinema culture] // *Kultura i iskusstvo*. 2012. N 2 (in Russian).

Zhabskiy M.I. Sotsiologiya kino [The Sociology of cinema]. M., 2020 (in Russian).

Zhabskiy M.I., Tarasov K.A. Kino — svoboda ot tsensuri... [Cinema — the freedom from censorship...]. M., 2021 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-186-207

МЕТОДИКА ОТБОРА ПЕРСОНАЛА В ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

В.И. Зубков, докт. социол. наук, проф. кафедры государственного управления и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета), ГСП-3, Волоколамское шоссе, д. 4, корп. 5, Москва, А-80, Российская Федерация, 125993*

Статья посвящена проблеме профессионального отбора персонала в частных охранных организациях. Эта проблема является актуальной, поскольку охранной деятельностью в российской экономике занимается значительное (и даже чрезмерное) количество занятых, а их профессионализм является предметом дискуссий как среди руководителей и кадровиков, так и среди обывателей.

В статье кратко рассмотрена система профессионального отбора и обобщены этапы исследования, проведенного автором в соответствии с заказом руководства одной из охранных фирм, которая осуществляет физическую охрану режимных объектов.

Описан экспертно-констатирующий способ конструирования психограммы. Он предусматривает экспертную оценку персонала для определения успешных и неуспешных сотрудников, подбор методов и методик психодиагностики и тестирование успешных и неуспешных сотрудников, выявление статистически значимых различий в результатах тестирования между успешными и неуспешными сотрудниками и определение профессионально важных качеств. Подробно проанализированы трудности и ограничения при реализации этих исследовательских процедур.

В качестве результата исследования представлен психологический портрет успешного охранника, осуществляющего физическую охрану режимных объектов. Этот портрет включает общее описание факторов успеха, а также описание конкретных профессионально важных качеств.

Ключевые слова: управление персоналом, профессиональный отбор, экспертный опрос, психодиагностическое обследование, профессионально важные качества.

* Зубков Владимир Иванович, e-mail: v.zubkov@bk.ru

PERSONNEL SELECTION METHODS IN A PRIVATE SECURITY ORGANIZATION: A SOCIOLOGIST'S VIEW

Zubkov Vladimir I., Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Public Administration and Social Technologies, Moscow Aviation Institute (National Research University), GSP-3, Volokolamsk highway, 4, bild, 5, Moscow, A-80, Russian Federation, 125993, e-mail: v.zubkov@bk.ru

The article is devoted to the problem of professional selection of personnel in private security organizations. This problem is relevant, since a significant (and even excessive) number of employees are engaged in security activities in the Russian economy, and their professionalism is a subject of discussion both among managers and personnel officers, and among ordinary people.

The article briefly examines the system of professional selection and substantiates the stages of the research carried out by the author in accordance with the order of one of the security firms management, which provides physical protection of sensitive facilities. The article briefly examines the system of professional selection and substantiates the stages of the research carried out by the author in accordance with the order of the management of one of the security firms, which provides physical protection of sensitive facilities.

An expert-stating method of constructing a psychogram is described. It provides for expert assessment of personnel to determine successful and unsuccessful employees, selection of methods and techniques of psychodiagnostics and testing of successful and unsuccessful employees, identification of statistically significant differences in test results between successful and unsuccessful employees and determination of professionally important qualities. Difficulties and limitations in the implementation of these research procedures are analyzed in detail.

As a result of the study, a psychological portrait of a successful security guard is presented, carrying out physical protection of sensitive objects. This portrait includes a general description of the factors of success, as well as a description of specific professionally important qualities.

Key words: *personnel management, professional selection, expert survey, psychodiagnostic examination, professionally important qualities.*

Об охраномании: вместо введения

Охраномания — одно из заметных явлений в современной России. У нас охраняется буквально все, все входы и выходы, каждая дверь в публичных местах — вне зависимости от того, что за ней находится. Эта бурная охранная деятельность осуществляется подразделениями вневедомственной и ведомственной (государственной и негосударственной) охраны, частными охранными организациями и неофициальной охраной — сторожами, вахтерами, консьержами и т.п.

В данной статье речь пойдет о частных охранных организациях. Их более привычное название, которое существовало до 2010 г., — частные охранные предприятия или сокращенно ЧОПы. Сколько в России частных охранников доподлинно неизвестно. Обобщение

различных экспертных данных показывает, что наиболее правдоподобная цифра — 1,5 млн человек или 2% трудоспособного населения. Примерно вдвое меньше людей имеют лицензию на охранную деятельность, однако не все они работают в ЧОПах. Одни находят более подходящую работу, иные получают лицензию впрок — на случай увольнения с основной работы. В то же время во многих организациях лица, фактически выполняющие обязанности частного охранника, занимают другие должности. Поэтому получается, что примерно две трети частных охранников — это непрофессиональные люди. Неопределенности добавляет и пандемия, в связи с которой по всей стране локально и периодически ограничивается публичная активность граждан, ограничивается или запрещается, а затем снова разрешается работа публичных заведений.

В целом же можно утверждать, что по количеству частных охранников “мы впереди планеты всей”. Во всяком случае, ни в одной из западных стран такой армии охранников мы не найдем. Каковы же причины российской частной охранности? Частные охранники в большинстве своем противодействуют хулиганству. Это означает, что собственникам выгоднее нанять охранников, чем просто позвонить в полицию. А установка, эксплуатация и обслуживание современных охранных систем стоит дороже физической охраны, особенно осуществляемой лицами пенсионного возраста. Способствует охранности и отсутствие достаточного доверия россиян друг к другу и к властям, а ведь именно это доверие служит основой социального контроля публичного пространства — самого надежного и дешевого контроля, который осуществляют сами люди, а не правоохранительные органы.

Предмет и план исследования

Кто же работает в частной охране? В эту профессию редко идут по зову сердца. Она не имеет возрастных ограничений и в принципе не требует особой квалификации (за исключением личной охраны). За все время дежурства охранник может не предпринять никаких действий, кроме рутинных (прием и сдача объекта, его вскрытие и закрытие, наблюдение за ним и т.п.), а привычка к систематическому бездействию — не самая хорошая привычка для продуктивной трудовой деятельности. Однако это не означает, что частными охранниками могут работать все, кто угодно. И руководители частных охранных организаций понимают это, чем и объясняется просьба одного из них оказать помощь в разработке системы профессионального отбора охранников.

Как известно, основой этой системы является профессиограмма, которая включает в себя сведения о профессии, содержание труда и психограмму, содержащую профессионально важные качества (ПВК) субъекта труда. В соответствии с психограммой подбираются методы и методики, позволяющие оценить уровень развития ПВК, необходимый кандидатам для занятия ими вакантной должности. Далее разрабатываются общая схема и конкретное содержание этапов отбора. Отбор позволяет получить персонограммы кандидатов, показывающие степень развития у них ПВК, сравнить их с психограммой и обеспечить максимальное соответствие работников требованиям должностей (рабочих мест)¹.

Однако на практике процедура профессиографического исследования может быть и иной. В данном случае руководство организации, опираясь на предшествующий опыт кадровой работы, изначально решило проводить отбор в три этапа за один день. На первом этапе кандидаты представляют требуемые личные документы и заполняют специальные анкеты для поступающих на работу². Эти документы позволяют получить формальные и некоторые неформальные данные о кандидатах. На втором этапе с кандидатами проводятся собеседования, основная задача которых — выявление мотивации к охранной деятельности. На третьем этапе предполагается психодиагностическое обследование (тестирование), после чего результаты анализа документов, собеседования и диагностики сопоставляются, и принимается решение о приеме кандидатов на работу. Нам было поручено научно обеспечить третий этап профессионального отбора — отбор посредством психодиагностики.

Несколько слов следует сказать о том, почему психодиагностика кандидатов на должности охранников, несмотря на ее востребованность и наличие соответствующей литературы, является проблемной задачей. Самый поверхностный анализ литературы, полностью или частично посвященной профессиональному отбору охранников³, показывает, что в ней психограммы “оторваны” от психодиагностических методик, которые должны измерять содержащиеся в психо-

¹ См. об этом: *Зубков В.И.* Отбор персонала // Управление человеческими ресурсами: В 2-х ч. Ч. 2: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016. С. 26–46.

² В разных организациях эти анкеты могут иметь различные названия: “Анкета кандидата”, “Анкета претендента на должность” и т.п.

³ См.: *Тимофеев Л.Ф.* Какой он, охранник ЧОП? Психология отбора. М., 2002; *Толочек В.А.* Организационная психология: управление персоналом ЧОП и СБ. М., 2004; *Толочек В.А.* Профессиональный отбор и психологические тесты. Для кадровых служб ЧОП и СБ. М., 2007; *Подбор сотрудников в охранный предпритие: Методические рекомендации.* М., 2010 и др.

граммах ПВК. Это означает, что методики излагаются как в обычном сборнике — без описания особенностей их использования в целях профотбора и без указания тестовых норм успешности охранников. И это вполне объяснимо. Издатели получают деньги за реализацию книг (кое-что перепадает и авторам), а авторы, самореализовав себя и повысив свой научный статус, но сохранив профессиональные секреты, продолжают зарабатывать деньги, консультируя охранные фирмы.

Закон “О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации” предусматривает оказание таких охранных услуг, как физическая охрана людей и объектов, обеспечение режима на объектах и порядка в местах проведения массовых мероприятий, охрана с помощью технических средств, консультирование, которые требуют наличия весьма различных ПВК. Организация-заказчик обслуживает крупный гостиничный комплекс и осуществляет охрану объектов и имущества, а также обеспечивает внутриобъектовый и пропускной режим на объектах. Поэтому наше профессиографическое исследование ограничивается такой специализацией охранный деятельности, которую условно можно назвать *физической охраной режимных объектов*. В организации эта деятельность дифференцирована как “по горизонтали”, так и “по вертикали”. При повышении организационного статуса работников (от охранников на этажах, у складов и хранилищ — фактически наблюдателей и регистраторов, до старших смен — оперативных руководителей охраной всего гостиничного комплекса) возрастает ответственность и разнообразие обязанностей. В то же время такие рабочие места как входы в корпуса, где осуществляется контрольно-пропускной режим, предприятия общественного питания, где требуется поддержание общественного порядка в сложных условиях, стоянки автомашин, где контролируется въезд-выезд автомашин, определяются места их парковки, суммы к оплате и производится денежный расчет с водителями, требуют специфических ПВК. Однако поскольку разрабатывать психограмму для каждого рабочего места нецелесообразно, да в данном случае и невозможно, следует определить наиболее общие ПВК, при отборе ориентироваться на минимальный уровень их сформированности, а затем по горизонтали и вертикали продвигать соответствующим образом показавших себя сотрудников.

Конструировать психограмму можно различными способами⁴. Мы решили, что наиболее экономичным и подходящим для данного случая является экспертно-констатирующий способ. Он

⁴ См.: Зубков В.И. Указ. соч. С. 29.

предусматривает: 1) экспертную оценку персонала для определения успешных и неуспешных сотрудников; 2) подбор методов и методик психодиагностики и тестирования успешных и неуспешных сотрудников; 3) выявление статистически значимых различий в результатах тестирования между успешными и неуспешными сотрудниками и определение ПВК.

Методика экспертного опроса

К экспертному опросу были привлечены руководитель организации, его заместитель и старшие смен (всего пять экспертов), которые оценивали деловые качества сотрудников с использованием двух четырехбалльных шкал.

Шкала А — способность сотрудника принимать решения и действовать в соответствии со сложившейся на посту обстановкой:

5 — решение принимает быстро и адекватно сложившейся обстановке, действует уверенно;

4 — решение принимает быстро, но не всегда адекватно сложившейся обстановке (импульсивен), в целом действует уверенно;

3 — решение принимает медленно, действует не достаточно уверенно;

2 — нерешителен, отсутствует четкий план действий, может бездействовать.

Шкала Б — степень дисциплинированности сотрудника и его отношение к работе:

5 — высокоответственен, исполнитель, старателен, нарушений дисциплины не допускает;

4 — в целом ответственен, исполнитель, однако допускает отдельные незначительные нарушения дисциплины;

3 — в целом исполнитель, однако допускает незначительные, но частые нарушения дисциплины;

2 — безответственен, неисполнитель, допускает грубые нарушения дисциплины.

Кроме этих оценок в графе “Примечания” экспертам предлагалось предельно кратко отразить:

- характерные черты личности сотрудника и стиля его работы;
- наиболее часто допускаемые сотрудником дисциплинарные нарушения (нарушения формы одежды, отсутствие или сон на посту, опоздания на работу или прогулы, употребление спиртных напитков и др.).

Средние оценки экспертов по каждой шкале распределили сотрудников на три группы: в интервале между баллами 2 и 3 оказались

неуспешные сотрудники; в интервале между баллами 3 и 4, включая границы интервала, — средние сотрудники; в интервале между баллами 4 и 5 — успешные сотрудники. К психодиагностическому обследованию были привлечены только успешные и неуспешные сотрудники, оцененные таким образом по обоим шкалам — соответственно 28 и 22 человека. Но прежде чем приступить к этой работе, следовало подобрать методики, которые потенциально содержали бы ПВК охранника.

Подбор психодиагностических методик

Концептуально все ПВК можно разделить на три группы:

- 1) объективные и формальные характеристики — пол, возраст, физические показатели, состояние здоровья, образование, профессиональный опыт и др.;
- 2) личностные качества, обеспечивающие трудовую деятельность в целом — морально-мотивационные и эмоционально-волевые;
- 3) операциональные качества, обеспечивающие выполнение конкретных трудовых функций — психические и психофизиологические.

Какие же ПВК требуются охраннику указанной выше специализации, кроме того, что они должны быть практически здоровыми совершеннолетними мужчинами? Ответ на этот вопрос априори дать сложно, поскольку четкого алгоритма всех действий охранников не существует. В инструкциях, имеющихся на каждом рабочем месте (посту), подробно расписано, что должен делать охранник. Но однозначные действия предполагают только рутинные обязанности (сдать-принять, вскрыть-закрыть, проверить и т.п.), выполнение которых, кроме аккуратности, никакой квалификации не требует. Действия же в нестандартных ситуациях могут быть различными (например, на разных стадиях развития конфликта между охраной и клиентами или между клиентами), ведь по большому счету каждая социальная ситуация по-своему уникальна. Если предельно упростить ситуацию, то любой охранник на протяжении всей смены должен поддерживать свою психику в стеническом состоянии, а при возникновении нестандартных ситуаций — купировать их. При этом длительное поддержание психики в стеническом состоянии в условиях монотонии и быстрое реагирование на нестандартные ситуации (которые, как мы уже указывали, на некоторых рабочих местах возникают довольно редко) требуют противоположных качеств.

В. Толочек для профотбора предлагает использовать опросник на определение типа темперамента Г. Айзенка⁵ и пишет, что: “Субъекты с высокой эмоциональной неустойчивостью, выше 14–15 баллов, и выраженной интроверсией, менее 7–8 баллов — непригодны для работы в службе охраны”⁶. В общем, ярко выраженные меланхолики в охранники не годятся, но почему-то подходят пассивные “непробиваемые” флегматики, импульсивно-агрессивные холерики и беззаботные эйфоричные сангвиники. Но дело даже не столько в этом, сколько в том, что интроверт хорошо выполняет обязанности в условиях монотонии, а экстраверт быстрее реагирует на нештатные ситуации. Также нельзя однозначно сказать, что успех охранника зависит от развитых когнитивных процессов или каких-то особых способностей.

Эти предварительные соображения позволили предположить, что из указанных выше групп ПВК наиболее значимыми для деятельности по охране режимных объектов (далее для краткости мы не будем упоминать ее специфику) являются личностные — морально-мотивационные и эмоционально-волевые качества, обеспечивающие трудовую деятельность в целом. Для выявления этих качеств возможно использование субъективного и проективного диагностических подходов, инструментальным воплощением которых являются личностные опросники и проективные методики. Целесообразно сочетание названных подходов, поскольку это способствует получению более достоверных данных.

Среди личностных опросников для профотбора охранников нами были выбраны Минесотский многомерный личностный перечень С. Хатуэя и Дж. Маккинли — ММРІ и Шестнадцатифакторный личностный опросник Р. Кэттела — 16-РF. Этот выбор был сделан по целому ряду причин. Во-первых, эти опросники в мировой и отечественной профессиографической практике являются одними из самых востребованных, в том числе (судя по указанной литературе) и для отбора охранников. Во-вторых, эти опросники различных видов — опросник типов личности (ММРІ) и опросник черт личности (16-РF), поэтому они взаимодополняют друг друга. В-третьих, существует опыт совместного факторного анализа этих опросников, поэтому они могут рассматриваться как “батарея тестов”.

⁵ В соответствии с этой методикой темперамент определяется попаданием результатов тестирования в один из четырех квадрантов, образуемых ортогонально расположенными шкалами – интроверсия-экстраверсия и эмоциональная неустойчивость-устойчивость.

⁶ Толочек В.А. Профессиональный отбор и психологические тесты. Для кадровых служб ЧОП и СБ. М., 2007. С. 33.

В-четвертых, эти опросники многомерные, что необходимо при изучении слабоструктурированных видов деятельности. В-пятых, эти опросники имеют шкалы, позволяющие оценить достоверность ответов испытуемых, что важно в ситуации экспертизы (профотбора); в этой ситуации испытуемые склонны отвечать таким образом, чтобы представить себя с лучшей стороны. В-шестых, эти опросники имеют сокращенные варианты/формы, что позволяет сократить время тестирования в соответствии с заданием заказчика. В исследовании были использованы краткий вариант ММРІ — Mini-Mult (Минимум), адаптированный к отечественной популяции В.П. Зайцевым, и форма С опросника 16-РФ, адаптированного А.Г. Шмелевым, В.И. Похилько и А.С. Соловейчиком.

Инструментарий проективного подхода представляет собой неоднозначные (слабоструктурированные) стимулы, которые испытуемые должны определенным образом упорядочить или придать этим стимулам определенный смысл. Неоднозначность стимулов вызывает многообразие реакций, характеризующих глубинные явления психики испытуемых. Проективные методики, как правило, применяются для проведения углубленных или всесторонних обследований индивидов, требуют немало времени, высокой квалификации и специальной методической подготовки исследователя. Наиболее экономичной по времени и наиболее стандартизированной с точки зрения интерпретации результатов является отечественная модификация восьмицветового варианта теста М. Люшера — метод цветовых выборов (МЦВ) Л.Н. Собчик. Этот тест у нас и за рубежом широко используется не только для профотбора, но и для решения других задач управления персоналом. Немаловажным является и то обстоятельство, что Л. Собчик разработала систему свойств нервной системы и индивидуально-личностных свойств, в рамках которой могут быть сопоставлены результаты, полученные с помощью МЦВ и ММРІ⁷.

Трудности и ограничения исследования

Профотбор — это всегда вероятностная оценка пригодности людей к определенной работе, но вероятность эта может быть разной — большей или меньшей. Наше исследование имело следующие — общие для подобных исследований и специфические трудности и ограничения.

1. Любая психодиагностическая методика является весьма неточным инструментом измерения индивидуальных различий, по-

⁷ См.: Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005.

этому мы и предлагаем использовать батарею из трех методик. Но если и к полным вариантам каждой из них у психодиагностического сообщества имеется масса претензий и вопросов, то в сокращенных версиях к уже имеющимся проблемам добавляется снижение дифференцирующей способности шкал, уменьшение их количества и вариантов выбора. Полные параллельные формы А и В опросника 16-PF включают по 187 суждений, форма С — всего 105. ММРІ для полного обследования содержит 566 утверждений, составляющих 10 базисных и 200 дополнительных шкал, а также 3 шкалы достоверности; Mini-Mult содержит 71 утверждение, 8 базисных шкал⁸ и 3 шкалы достоверности. Стимульный материал полного теста Люшера представляет собой 73 цветные таблицы, МЦВ — только восемь. Однако нет худа без добра. Полные формы этих методик очень громоздки. Например, отмечается снижение мотивации, а значит и достоверности результатов по мере работы с инструментарием ММРІ. Как бы то ни было, но сходные или несходные данные, полученные с помощью различных тестов батареи, являются достаточно веским основанием для принятия соответствующих кадровых решений.

2. Из-за жестких временных рамок, отведенных на выполнение заказа, нам пришлось ограничиться одним замером данных (при тестировании МЦВ испытуемые делали два выбора подряд), что снизило прогностическую ценность результатов исследования. Для справки укажем, что устойчивость обнаружения типов/ черт личности при повторных обследованиях через двухнедельный промежуток времени (коэффициент ретестовой надежности) для ММРІ в среднем (для разных выборок, различающихся по возрасту, полу и образованию испытуемых) составляет 0,5–0,8⁹, а для 16-PF — 0,36–0,73¹⁰. Сопоставляющиеся между собой данные о ретестовой надежности МЦВ по определению ведущих психических свойств испытуемых вообще отсутствуют, поскольку метод чувствителен к их актуальному психическому состоянию и их установке по отношению к процедуре обследования.

3. В профессиографии различают абсолютную и относительную профессиональную пригодность. Точнее следовало бы сказать, что профессиональная пригодность может включать в себя абсолютную и относительную составляющие. Абсолютная составляющая — это ПВК, которые определяются особенностями нервной системы и

⁸ Mini-Mult не содержит шкал мужественности-женственности (Mf) и социальной интроверсии (Si).

⁹ См.: Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999. С. 183.

¹⁰ См.: Там же. С. 379.

физиологическими особенностями, данными индивиду от рождения. Относительная составляющая — это ПВК, формирующиеся в процессе жизни, деятельности и обучения. Быстрота и уровень их формирования зависит от способностей к обучению, его качества и профессиональной мотивации. Кроме того, в процессе деятельности “относительные” ПВК могут по-разному сочетаться и компенсировать друг друга, а также частично компенсировать и “абсолютные” ПВК.

Исходя из вышеприведенного и нижеследующего анализа, пригодность к охранной деятельности в первую очередь определяется относительной составляющей. Не случайно эксперты утверждают, что нередко изначально посредственные сотрудники, адаптировавшись и приобретя опыт работы, становятся успешными. Добавим, что сам процесс этого “превращения” зависит от особенностей организационной культуры, а также от морально-психологического климата и сработанности в сменах. Отсюда следует, что в группе сотрудников, отнесенных экспертами к успешным, есть сотрудники, впервые поступившие на работу в охранную организацию и сразу и не сразу положительно проявившие себя, а также сотрудники, получившие опыт работы в других организациях (силовых структурах). Однако сравнение психологических особенностей представителей этих подгрупп требует другой исследовательской программы.

Существуют и такие ПВК, которые психодиагностика оценить не может, но которые влияют на успешность охранной деятельности. (В какой степени? — Это еще один вопрос.) Мы имеем в виду харизму, внушительную внешность и способность влиять на окружающих (подчинять их себе), умение вызывать симпатию и доверие или отсутствие этих качеств. К тому же конкретный охранник может, например, вызывать симпатию у клиентов, но антипатию у начальства.

4. Еще одна проблема связана с адекватностью определения успешных и неуспешных сотрудников. Эта проблема имеет три аспекта.

Во-первых, экспертные оценки руководителей организации и старших смен в целом ряде случаев различаются (но, конечно, не кардинально). В поле зрения руководителей находятся все сотрудники, но находятся “на некотором удалении”. Старшие смены в зависимости от комплектации смен одних сотрудников знают лучше, других хуже, третьих (недавно работающих) вообще не знают. Но тех, кого они знают, они знают непосредственно по их работе. При этом нельзя обойтись только оценками руководителей или только оценками старших смен: тех и других по отдельности недостаточно.

Во-вторых, при оценке конкретных сотрудников встречаются явно “оторвавшиеся” (попадающие в соседний интервал) оценки независимо от должности экспертов, хотя средние оценки и позволяют однозначно отнести этих сотрудников к успешной или неуспешной группе. Учет или неучет таким образом оцененных сотрудников в дальнейшей работе по отбору — это разрешение дилеммы между репрезентативностью и точностью измерений. Чтобы не допустить уменьшения выборок, особенно выборки неуспешных (см. об этом ниже), пришлось предпочесть репрезентативность.

В-третьих, явно успешных сотрудников, средняя экспертная оценка которых ближе к “пятерке”, гораздо больше, чем явно неуспешных, оценка которых ближе к “двойке”. Оценки большинства неуспешных ближе к “тройке”, т.е. к границе, формально отделяющей их от средних сотрудников. И это естественно — подавляющее большинство успешных сотрудников поступают на работу и работают, тогда как явно неуспешные сотрудники довольно быстро увольняются. Получается, что группа успешных сотрудников оказывается более “качественной”, чем группа неуспешных. Поэтому “психологическое расстояние” между этими группами меньше, чем предусмотрено измерительной шкалой, что снижает достоверность результатов исследования.

Учитывая указанные трудности, в том числе связанные с особенностями заказа, мы не ставили перед собой задачу построить усредненные профили или графики по всем данным, а постарались определить только основные психические особенности или типологический паттерн успешного охранника. С одной стороны, такой подход обедняет психодиагностическую картину, но с другой — позволяет подготовленному неспециалисту (ведь вряд ли в охранной фирме заниматься кадрами будет профессиональный психодиагност) использовать достаточно сложные методики для принятия кадровых решений.

Результаты исследования

Итак, мы определили успешных и неуспешных сотрудников и провели их психодиагностическое обследование батареей из трех тестов. Явно недостоверные данные были отбракованы, в результате чего успешная группа уменьшилась на два, а неуспешная на четыре человека.

Статистическая обработка данных, полученных с помощью опросников 16-PF(C) и Mini-Mult, осуществлялась в программе SPSS. В виду того, что полученные распределения переменных отличались от нормальных, для их анализа применялся непараметри-

ческий U-критерий сравнения двух независимых выборок (критерий Манна-Уитни).

Окончательные результаты тестирования *опросником 16–PF* выражаются в стенах. В соответствии с нашей установкой на выявление наиболее общих профессиональных показателей значения шкалы стенов (“стандартной десятки”) были проинтерпретированы и обозначены следующим образом:

- 1, 2, 3 — низкие значения — Н;
- 4 — значение ниже среднего — НС;
- 5, 6 — средние значения — С;
- 7 — значение выше среднего — ВС;
- 8, 9, 10 — высокие значения — В.

Анализ результатов по шкалам в стенах, полученных успешными и неуспешными сотрудниками, показал статистически значимые (на уровне 0,05) различия между группами по факторам В, С, G и Q4, а сравнение средних — различия в стенах между группами (см. табл.1). По факторам второго порядка статистически значимых различий между группами обнаружено не было.

Для удобства составления психологических портретов личности Л. Фаустова предложила следующую группировку факторов: 1) интеллектуальные особенности; 2) эмоционально-волевые особенности; 3) коммуникативные особенности¹¹. Согласно данной группировке фактор В входит в первую группу, а факторы С, G и Q4 — во вторую. Помимо этих факторов в группу, характеризующую эмоционально-волевые особенности личности, входят I (чувствительность), O (тревожность) и Q3 (самоконтроль). Возможно, и они при определенных условиях могут вносить свой вклад в успешность деятельности охранника.

Перейдем к результатам, полученным с помощью опросника *Mini-Mult*. Они, как и в случае с опросником 16–PF, выражаются в стандартизированных единицах — Т-баллах. Средненормативными являются результаты в 50 Т-баллов (50Т). Диапазон нормативного разброса — 30–70 баллов. (Разобьем его на нижний (30–50 баллов) и верхний (50–70 баллов) поддиапазоны.) Данные, находящиеся за пределами этого диапазона, диагностируют отклонения от психической нормы. Количество баллов по каждой шкале, отмеченных в профильном бланке, формируют индивидуальный профиль, основой интерпретации которого являются пики и снижения по шкалам на фоне большинства значений, близких к средним. Возможно также составление групповых усредненных профилей, однако эта операция в

¹¹ См.: Практическое руководство к 16-факторному личностному опроснику (16-ФЛО) / Сост. Л.А. Лепихова. Киев, 1989. С. 27–28.

Таблица 1
Статистически значимые различия между успешными и неуспешными сотрудниками по факторам опросника 16–PF(C)

Название факторов	Краткое описание факторов	Значения факторов	
		Успешных	Неуспешных
В — высокий–низкий интеллект	+В. Формальный интеллект, понятливость, сообразительность, понимание абстракций и причинно-следственных связей, широга интересов, образованность	С	Н
С — эмоциональная устойчивость–неустойчивость	+С. Выдержанность, умение контролировать себя и сохранять спокойствие. Удовлетворенность собой (в т.ч. своим здоровьем), близкими, жизнью и окружающим миром. Постоянство интересов, настойчивость, упорство и реализм в решении жизненных проблем. Принятие ответственности, уверенность в себе	В	ВС
Г — моральная устойчивость–неустойчивость	+Г. Высокая нормативность поведения, приверженность правилам, склонность к порядку. Ответственность, дисциплинированность, собранность. Совестьливость, добросовестность, порядочность. Трудолюбие, постоянство, настойчивость, упорство. Внимание к людям, приверженность общественным ценностям, иногда даже в ущерб собственным интересам	В	ВС
Q4 — психическая напряженность–расслабленность (фрустрированность–нефрустрированность)	+Q4. Неудовлетворенность многих значимых потребностей, беспокойство, возбуждение, неусидчивость. Быстрая утомляемость, чувство усталости, разбитости, но неспособность оставаться бездеятельным. Преобладание пониженного настроения, раздражительности, нетерпимости. Недовольство порядками, руководством и служащими, критиканство. –Q4. Расслабленность, вялость, апатичность, отсутствие побуждений и желаний. Безразличие к удачам и неудачам, удовлетворенность любым положением дел. Отсутствие стремления к достижениям и переменам	С	НС

данном случае малопродуктивна, поскольку Mini-Mult недостаточно хорошо дифференцировал успешных и неуспешных сотрудников.

Анализ данных показал статистически значимые различия между успешной и неуспешной группами только по одной — девятой шкале — шкале гипомании (Ma), которая в диапазоне нормативного разброса диагностирует оптимистичность. Среднее значение по шкале у успешной группы находится в середине нижнего поддиапазона нормы, среднее у неуспешных практически совпадает со средненормативным значением (несколько превышает его). Значения выше средненормативного в целом обнаруживают юношеский портрет испытуемого — некоторый инфантилизм и некоторую эмоциональную незрелость взрослого человека.

Для юношеского портрета в пределах нормы характерны позитивность самооценки, легкое отношение к жизненным проблемам, энтузиазм, высокая, но не всегда продуктивная активность, склонность разбрасываться, браться за новое, наличие многочисленных, но поверхностных контактов, неприятие монотонии, трудности с сосредоточением и фиксацией внимания. Снижение по шкале означает снижение оптимизма, жизнелюбия и активности, т.е. успешные охранники с психологической точки зрения — это зрелые взрослые люди, серьезно относящиеся к жизни и выполняемой работе.

Хотя эта информация и важна, однако профессиональный отбор по одной шкале теста крайне проблематичен. Конечно, от этой методики можно отказаться, тем более, что некоторые авторы сомневаются в ее валидности, особенно при индивидуальных обследованиях¹². Однако не исключено, что дополнительные исследования на более тщательно подобранной выборке выявят новые статистические закономерности. Основанием для данного предположения могут служить обнаруженные различия между успешными и неуспешными сотрудниками по второй (D) и шестой (Pa) шкалам на уровнях значимости около 0,1. Кроме того, методика полезна для определения искренности испытуемых и их психического состояния.

Определение искренности испытуемых (достоверности результатов) позволяет оценить результаты не только по самой методике, но косвенно и по другим методикам батареи. В опроснике 16-PF есть шкала MD, которая чаще всего трактуется как отношение испытуемого к процедуре тестирования и выявляет его стремление выглядеть в наиболее благоприятном свете. Однако эта шкала обладает явно недостаточной диагностической способностью. А при применении МЦВ вообще приходится надеяться только на то, что испытуемый не знает,

¹² См.: Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999. С. 183.

как с выгодой для себя можно манипулировать раскладкой карточек. В отличие от этих методик ММРІ и Mini-Mult имеют мощный аппарат проверки достоверности результатов тестирования — специальные оценочные шкалы L, F и K. Достоверность результатов можно определить и по положению профиля относительно средненормативной линии 50T. “Утопленный профиль”, показатели которого находятся ниже 40T, говорит о низкой достоверности из-за избегания откровенности. “Плавающий профиль” с показателями выше 60T означает аггравацию (подчеркивание) проблем¹³. Наконец, недоверчивость и осторожность испытуемых могут показывать низкие баллы по шестой шкале — шкале паранойи (Pa) с одновременным увеличением количества баллов по оценочным шкалам L и K или только по шкале K¹⁴. Существует мнение, что профили с шестой шкалой, утопленной ниже 50T, вообще неправдоподобны. Такие низкие показатели отражают избыточную тенденцию к подчеркиванию своих миротворческих тенденций, что чаще всего встречается при гиперкомпенсаторной установке у личностей агрессивного толка¹⁵.

Результаты по методикам ММРІ и Mini-Mult также связаны с актуальным психическим состоянием испытуемых, в частности с состоянием фрустрации, о которой свидетельствуют пики по шкалам невротической триады — первой (Hs), второй (D) и третьей (Hy). Соотнесение значений по этим шкалам с уровнем стресса (интенсивностью тревоги) и успешностью его компенсации по методике МЦВ может помочь уточнению психического состояния испытуемого и еще раз оценить достоверность полученных данных.

Добавим, что результаты по методикам Mini-Mult и 16-PF хорошо согласуются друг с другом. Факторный анализ связей шкал этих методик показывает, что при трехфакторной и четырехфакторной группировках шкалы C, G, Q4 (плюс O и Q3), Ma (и Pa — только для трехфакторной группировки) относятся к одному фактору — соответственно, к фактору психической (не)уравновешенности и фактору психотизма¹⁶.

МЦВ позволяет выявлять базовые психические свойства и актуальные психические состояния испытуемых. В процессе иссле-

¹³ См.: Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005. С. 107.

¹⁴ См.: Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). М., 1994. С. 69.

¹⁵ См.: Собчик Л.Н. Психология индивидуальности... С. 135.

¹⁶ См.: Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Уч. пособ. для слушателей ИПК преподавателей пед. дисциплин ун-тов и пед. ин-тов. М., 1985. С. 113–119.

дования цветовой таблицы (цветные карточки) предъявлялись испытуемым дважды. При этом регистрировался второй выбор как более обоснованный. В данном случае мы не проводили статистический анализ предпочтений одних цветов перед другими для получения усредненного выбора, поскольку влияющее на раскладку карточек актуальное состояние испытуемых в большинстве случаев является проходящим и не может служить основанием для профотбора, а также потому, что представленные в таблицах 2 и 3 агрегированные и нормированные места цветных карточек достаточно ясно показывают отличия выборов успешных и неуспешных сотрудников. Для нормирования сумма каждого места по всем карточкам принималась за единицу, а затем вычислялись доли от единицы по каждой карточке. Эта процедура позволила сравнить две разновеликие выборки, а также наглядно представить “расстояния” между агрегированными местами карточек.

Проинтерпретируем наиболее устойчивые явные цветовые предпочтения успешных и неуспешных сотрудников. Явно предпочитаемые цвета — это цвета, которые испытуемые ставят на первое и второе места.

Таблица 2

Цветовые выборы успешных сотрудников

Цвета	Агрегированные места							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Синий	0,16	0,23	0,11	0,17	0,17	0,10	0,08	0
2. Зеленый	0,42	0,31	0,10	0,12	0,05	0,02	0	0
3. Красный	0,14	0,14	0,25	0,22	0,05	0,08	0,12	0,02
4. Желтый	0,08	0,05	0,16	0,17	0,17	0,14	0,16	0,10
5. Фиолетовый	0,16	0,18	0,26	0,14	0,16	0,06	0,03	0,02
6. Коричневый	0	0,05	0,03	0,06	0,22	0,26	0,23	0,16
7. Черный	0,03	0	0	0,06	0,08	0,14	0,17	0,52
0. Серый	0,02	0,03	0,11	0,06	0,14	0,23	0,22	0,20

У успешных сотрудников наиболее предпочитаемым является зеленый цвет¹⁷.

Зеленая карточка на первом месте (+2) означает зрелость жизненной платформы, практичность суждений, рационализм, тенденцию к системному подходу при решении проблем. Упорство,

¹⁷ Здесь и ниже интерпретация адаптирована по: Собчик Л.Н. Психология индивидуальности... С. 584–588.

противодействие обстоятельствам, которое носит защитный характер. Значимость собственной социальной позиции, потребность в отстаивании собственных установок. Скептицизм и недоверчивость по отношению к окружающим. Чувство соперничества и претензии на лидерство. Склонность к конкретным видам деятельности.

Синяя карточка после зеленой (+2+1) показывает, что вышеуказанные особенности смягчаются установкой на избегание конфликта и контролируемостью. Повышенная ранимость в отношении критических замечаний со стороны окружающих, уязвимое самолюбие, значимость социального престижа. Потребность в самоуважении и уважении со стороны окружающих. Вдумчивость, аккуратность, серьезное отношение к обязанностям.

При анализе данных табл. 2 может возникнуть вопрос по поводу того, что зеленая карточка испытуемыми чаще всего ставится не только на первое, но и на второе место. Практика двойных выборов показывает, что довольно часто карточки, после первой раскладки находящиеся рядом, при второй раскладке меняются местами. Поэтому следует не абсолютизировать эти места, а выделять и творчески интерпретировать устойчивые пары карточек с учетом общей раскладки цветов, других экспериментальных и “жизненных” данных.

Таблица 3

Цветовые выборы неуспешных сотрудников

Цвета	Агрегированные места							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Синий	0,08	0,19	0,14	0,16	0,19	0,17	0,05	0,02
2. Зеленый	0,10	0,20	0,13	0,14	0,08	0,03	0,03	0
3. Красный	0,17	0,16	0,16	0,24	0,19	0,05	0,03	0
4. Желтый	0,14	0,11	0,16	0,14	0,16	0,10	0,08	0,11
5. Фиолетовый	0,13	0,26	0,22	0,16	0,14	0,05	0,05	0
6. Коричневый	0,02	0,03	0,06	0,06	0,11	0,29	0,25	0,17
7. Черный	0,06	0,05	0	0,03	0,10	0,11	0,05	0,60
0. Серый	0	0,02	0,13	0,08	0,02	0,21	0,46	0,10

Выборы неуспешных сотрудников отличаются большим разбросом цветов.

Красный цвет на первой позиции (+3) обнаруживает высокую мотивацию достижения, целенаправленность действий, непосредственность и раскрепощенность поведения, высокую самооценку, активность самореализации и противодействие обстоятельствам,

препятствующим ей, стремление к доминированию и черты мужественности.

Фиолетовая карточка после красной (+3+5) означает склонность к риску, которая сочетается с чертами эмоциональной незрелости, индивидуалистичностью, повышенным стремлением к независимости и ирреальностью завышенных притязаний. Нетривиальный подход к решению проблем, оригинальность, некое стремление к рисовке. Стремление привлечь к себе и вовлечь в сферу своего обаяния тех, чье мнение значимо. При достаточно высоком интеллекте возможна реализация творческих способностей.

Исходя из этой интерпретации, неуспешный сотрудник является сильным психологическим типом. Однако излишние энергичность, активность и самостоятельность плохо совместимы с охранный деятельностью, которая требует дисциплинированности и умения подчиняться. Вдобавок к этому этот сильный тип является и “большим фантазером”, склонным к творчеству. Опыт и здравый смысл подсказывают, что неуспешным может быть и слабый тип, однако методика в нашем случае явно не показала этого.

МЦВ диагностирует стрессовые состояния испытуемых, когда какие-либо из основных цветов (1–4) оказываются на трех последних позициях. Они помечаются буквой А (anxiety — тревога). Вспомогательные цвета (6, 7 и 0) на первых трех позициях означают компенсацию тревоги и помечаются буквой С (compensation). Интенсивность тревоги и интенсивность компенсации определяются количеством знаков “!”, которыми обозначаются позиции (места) соответствующих цветов, как это показано в табл. 4 и 5, составленных на основе двух предыдущих таблиц.

Таблица 4

Интенсивность тревоги (А)

Группы	Места основных цветов			Сумма
	6 (!)	7 (!!)	8 (!!!)	
Успешные	0,34	0,36	0,02	0,72
Неуспешные	0,35	0,19	0,13	0,67

Таблица 5

Интенсивность компенсации (С)

Группы	Места вспомогательных цветов			Сумма
	1 (!!!)	2 (!!)	3 (!)	
Успешные	0,05	0,08	0,14	0,27
Неуспешные	0,08	0,10	0,19	0,37

Из таблиц видно, что у успешных и неуспешных сотрудников общая интенсивность тревоги примерно одинакова, однако ее “структура” разная. У успешных сотрудников явно преобладает тревога среднего уровня (!!), а у неуспешных — высокая тревога (!!!). Интенсивность компенсации тревоги с помощью вспомогательных цветов у неуспешных сотрудников по всем позициям и в целом выше. У успешных сотрудников компенсация тревоги значимо чаще осуществляется с помощью основных цветов, а такая компенсация является более эффективной, чем компенсация с помощью цветов вспомогательных.

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. В виду того, что оно имело целый ряд существенных ограничений, мы поставили цель выделить лишь основные факторы успешности охранника, осуществляющего физическую охрану режимных объектов. Его психологический портрет можно условно разделить на общее описание и конкретные ПВК.

Общее описание психологии успешного охранника позволяет осуществить интерпретация низких показателей по шкале гипомании (Ma) и предпочтения зеленого цвета (+2), которые очень близки по своему содержанию. Успешные охранники — это психологически взрослые люди со зрелой жизненной платформой, серьезно относящиеся к жизни и выполняемой работе. Демонстрируют практичность суждений и рационализм при решении проблем, а также упорство при противодействии обстоятельствам, позитивность самооценки, значимость собственной социальной позиции и потребность отстаивать ее, недоверчивость к окружающим и избирательность контактов.

Конкретные ПВК успешного охранника обнаруживаются с помощью опросника 16–PF. Во-первых, охранник должен обладать интеллектом не ниже среднего, быть понятливым и сообразительным (фактор В). Во-вторых, ему необходима высокая эмоциональная устойчивость: умение держать себя в руках, уверенность в себе, постоянство интересов, практичность и рационализм при решении проблем, принятие ответственности (фактор С). В-третьих, требуется высокая моральная устойчивость: нормативность поведения, добросовестность и порядочность, трудолюбие, постоянство, дисциплинированность (фактор G). В-четвертых, психика охранника должна находиться между Сциллой напряженности и Харибдой расслабленности или, более развернуто — между возбужденностью, неудовлетворенностью, раздражительностью, нетерпимостью, недо-

вольством и вялостью, апатичностью, безразличием, отсутствием стремлений, сохраняя при этом необходимый уровень активности (фактор Q4).

Таковы выявленные нами факторы успеха охранника. Вполне возможно, что исследования других выборок охранников, имеющих несколько иное содержание или условия работы, а также применение иных методов сбора и обработки полученных данных¹⁸ уточнят, дополнят или в чем-то изменят наши выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). М., 1994.

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999.

Зубков В.И. Отбор персонала // Управление человеческими ресурсами. Ч. 2: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016. С. 26–48.

Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Уч. пособ. для слушателей ИПК преподавателей пед. дисциплин ун-тов и пед. ин-тов. М., 1985.

Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом. Личностные качества руководителя и их оценка. Ч. 2: Личностные качества руководителя. Значение социологических опросов, тестов и профессиограмм (психограмм) в подборе и отборе кадров, выявлении, разрешении, профилактике трудовых конфликтов: Монография. М., 2012.

Подбор сотрудников в охранные предприятия: Методические рекомендации. М., 2010.

Практическое руководство к 16-факторному личностному опроснику (16-ФЛО) / Сост. Л.А. Лепихова. Киев, 1989.

Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005.

Тимофеев Л.Ф. Какой он, охранник ЧОП? Психология отбора. М., 2002.

Толочек В.А. Организационная психология: Управление персоналом ЧОП и СБ. М., 2004.

Толочек В.А. Профессиональный отбор и психологические тесты. Для кадровых служб ЧОП и СБ. М., 2007.

REFERENCES

Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Sokolova E.D. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti (struktura, osnovyi interpretatsii, nekotorye oblasti

¹⁸ См., например: *Осеев А.А.* Средства социологической диагностики в системе управления персоналом. Личностные качества руководителя и их оценка. Ч. 2: Личностные качества руководителя. Значение социологических опросов, тестов и профессиограмм (психограмм) в подборе и отборе кадров, выявлении, разрешении, профилактике трудовых конфликтов: Монография. М., 2012.

primeneniya) [Methods of multilateral personality research (structure, interpretation basics, some areas of application)]. M., 1994 (in Russian).

Burlachuk L.F., Morozov S.M. Slovar-spravochnik po psihodiagnostike [Dictionary-reference for psychodiagnosics]. SPb., 1999 (in Russian).

Melnikov V.M., Yampolskiy L.T. Vvedenie v eksperimentalnuyu psichologiyu lichnosti [Introduction to experimental psychology of personality]: Ucheb. posobie dlya slushateley IPK prepodavateley ped. distsiplin un-tov i ped. in-tov. M., 1985 (in Russian).

Oseev A.A. Sredstva sotsiologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya personalom. Lichnostnyie kachestva rukovoditelya i ih otsenka. Ch. 2: Lichnostnyie kachestva rukovoditelya. Znachenie sotsiologicheskikh oprosov, testov i professiogramm (psihogramm) v podbore i otbore kadrov, vviyavlenii, razreshenii, profilaktike trudovyih konfliktov [Means of sociological diagnostics in the personnel management system. Personal qualities of the leader and their assessment. P. 2: Personal qualities of the leader. The value of opinion polls, tests and professiograms (psychograms) in the selection and selection of personnel, identification, resolution, prevention of labor conflicts]: Monografiya. M., 2012 (in Russian).

Podbor sotrudnikov v ohrannoe predpriyatie [Selection of employees for a security company]: Metodicheskie rekomendatsii. M., 2010 (in Russian).

Prakticheskoe rukovodstvo k 16-faktornomu lichnostnomu oprosniku (16-FLO) [A practical guide to the 16-factor personality questionnaire (16-FPQ)] / Sost. L.A. Lepihova. Kiev, 1989 (in Russian).

Sobchik L.N. Psihologiya individualnosti. Teoriya i praktika psihodiagnostiki [Psychology of personality. Theory and practice of psychodiagnosics]. SPb., 2005 (in Russian).

Timofeev L.F. Kakoy on, ohrannik ChOP? Psihologiya otbora [What kind of security guard is he? Selection psychology]. M., 2002 (in Russian).

Tolochek V.A. Organizatsionnaya psichologiya: Upravlenie personalom ChOP i SB [Organizational Psychology: Personnel Management of PSO and SS]. M., 2004 (in Russian).

Tolochek V.A. Professionalnyiy otbor i psichologicheskie testyi. Dlya kadrovyyih sluzhb ChOP i SB [Professional selection and psychological tests. For personnel services of PSO and SS]. M., 2007 (in Russian).

Zubkov V.I. Otbor personala [Staff selection] // Upravlenie chelovecheskimi resursami. V 2 ch. Ch. 2: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2016. S. 26–48 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-208-234

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СТРУКТУРЫ
ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ:
ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНОГО
ДЕЙСТВИЯ М. ВЕБЕРА
(РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

А.А. Осеев, докт. социол. наук, проф. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена методологическим основам исследования личностных качеств руководителей. В отличие от предыдущих работ, посвященных исследованию личностных качеств руководителей, включая государственных служащих в работах Платона, Аристотеля и М. Вебера, в которых были представлены эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей целерационального, ценностно-рационального и аффективного типов социального действия (по М. Веберу), в данной публикации продемонстрированы эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей традиционного типа социального действия (по М. Веберу), благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Также в работе доказана возможность прикладного применения концептуального подхода к исследованию традиционного поведения с целью решения прикладных задач в области управления организацией.

*Выделяются следующие направления социологических исследований традиционного поведения. В рамках первого направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется традиционной составляющей, **верности** «следованию привычке» (по М. Веберу); в структуре личности этого типа консервативные черты¹ носят доминирующий характер, по сравнению с теми, кто настроен на коренное, радикальное изменение и слом устоявшихся порядков и традиций. В рамках второго направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется следованию традициям, которое в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. В рамках третьего направления в структуре личностных качеств радика-*

* **Осеев Александр Александрович**, e-mail: oseev.a@mail.ru

¹ Консерватизм (от лат. *conservo* — «охранять, сохранять») – в широком смысле обозначение унаследования и жизненной позиции, характерными особенностями которых являются приверженность традиции — социальной, нравственной, религиозной, — а также связанное с этим недоверие к любым радикальным нововведениям и предпочтение медленных, постепенных изменений («органической эволюции») (Энциклопедия. Всемирная история. URL: Консерватизм. URL: www.histrf.ru/Периоды.../show/konservativizm (дата обращения: 05.02.2021)).

листные черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляются недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям, радикалистский настрой на перемены.

Ключевые слова: личностные качества эффективных руководителей государственной службы, сферы безопасности, промышленных предприятий, верификация типов социального действия М. Вебера, традиционный тип социального действия в эмпирических моделях эффективных руководителей, радикализм.

EMPIRICAL MODELS OF THE STRUCTURE OF PERSONAL QUALITIES OF LEADERS: TRADITIONAL TYPE OF SOCIAL ACTION M. WEBER (RESULTS OF APPLIED RESEARCH)

Oseev Aleksandr A., Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: oseev.a@mail.ru

The article is devoted to the methodological foundations of the study of personal qualities of managers. In contrast to previous works devoted to the study of personal qualities of leaders, including public servants in the works of Plato, Aristotle, and M. Weber, which was shown to the empirical model of the structure of the personal qualities of leaders celebrationing, value-rational and affective types of social action (by M. Weber), this paper presents an empirical model of the structure of the personal qualities of the leaders of the traditional type of social action (by M. Weber), so the concept of Weber's social action gets another approach to verification in practice. As well as the possibility of applying a conceptual approach to the study of traditional behavior to solve applied problems in the field of organization management.

The following areas of sociological research of traditional behavior are distinguished. In the first part the focus in the structure of personal qualities focuses on conventional component, fidelity to "follow the habit" (by M. Weber), a conservative traits are dominant in nature, compared to those who are attuned to the radical, radical change and breaking the established order and traditions. In the second direction, the main focus in the structure of personal qualities is the following of traditions, which is equally combined with a radical attitude and a willingness to innovate. In the third direction, in the structure of personal qualities, radicalist traits dominate over conservative ones; distrust of authority, a tendency to break habits, a willingness to innovate, and a radical attitude to change are clearly manifested.

Key words: personal qualities of effective managers of public service, security, industrial enterprises, verification of types of social action by M. Weber, traditional type of social action in empirical models of effective managers, radicalism.

Важность исследования традиционного поведения в нынешнее время глобальных изменений возрастает как никогда. Является ли традиционное поведение профессионально важным личностным качеством персонала организации? Если да, то где, в каких сферах жизнедеятельности общества?

Что сегодня должно быть приоритетным в развитии организации: инновационные, революционные изменения технологий, организационных структур и пр.? Или эволюционный процесс, в основе которого лежат опора на традиции, строгое следование сложившимся порядкам, принятие всего проверенного, несмотря на противоречия? Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей?

Если традиционное поведение является профессионально важным качеством работников, то как измерить склонность личности к традиционному поведению?

1. Теоретические основы исследования структуры личностных качеств руководителя в концепции социального действия М. Вебера

В одной из предыдущих наших работ мы говорили, что применительно к типам социального действия М. Вебера нам еще предстоит рассказать о полученных эмпирических данных по оценке склонности личности к традиционному типу социального действия. В каких профессиях склонность к традиционному типу социального действия выступает профессионально важным качеством; в каких профессиях востребованы радикалистские, в хорошем смысле слова, черты? Представляем результаты наших исследований.

«Традиция — это система специфической деятельности, целью которой является социальное наследование исторического (прошлого) социокультурного опыта деятельности, переходящего от одного социального субъекта другому социальному субъекту или от поколения к поколению в рамках какого-то одного социального субъекта путем специфических традиционных и нетрадиционных механизмов. Слово “традиция” происходит от лат. *traditio* (“передача”) и имеет, казалось бы, вполне очевидный смысл. Традиция — это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от предков к потомкам и сохраняющиеся в этносах, в обществах, а также в социальных группах в течение длительного времени. Это определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, а также уже знакомые нам ритуалы, обряды и обычаи. Но при таком определении понятие традиции полностью идентично понятию наследия»².

Как уже отмечалось, особую роль в формировании социологического подхода к изучению личностных качеств руководителя сыграли труды М. Вебера, его идеи о природе лидерства и теория социального

² Традиция как основная форма передачи межпоколенного опыта. URL: www.cult.bobrodobro.ru 18743 (дата обращения: 02.01.2021).

действия. Концепция социального действия М. Вебера в нашем исследовании имеет особое значение. Концепция социального действия, как нам представляется, и мы попытаемся это теоретически, методически и эмпирически обосновать, хорошо согласуется с выбранным нами подходом к исследованию личностных качеств руководителей применительно к разным профессиональным группам.

Согласно М. Веберу, «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других». Столкновение двух велосипедистов, например, не больше, чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения, последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта являются уже «социальным действием».

М. Вебер выделяет четыре типа социального действия³. Первый тип, традиционное действие, «есть основанное на длительной привычке. Часто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию»⁴. Традиционное поведение нельзя назвать сознательным, ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты, нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе⁵.

Второй тип — аффективное, или реактивное, поведение. «Аффективное действие... находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознано ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычные раздражения»⁶. Аффект — это душевное волнение, которое перерастает в страсть, сильный душевный порыв. Аффект идет изнутри, под его влиянием человек поступает бессознательно. Будучи кратковременным эмоциональным состоянием, аффективное поведение не ориентировано на оценку других или сознательный выбор цели⁷.

³ Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 628–636.

⁴ Там же. С. 628.

⁵ Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М., 2000. С. 381.

⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 628.

⁷ Добренков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч. С. 381.

Третий тип — ценностно-рациональное поведение, которое базируется на сознательной ориентации или вере в нравственные или религиозные идеалы. Идеалы стоят выше сиюминутных целей, расчетов, соображений выгоды. Деловой успех отходит на второй план. Человек может даже не интересоваться мнением окружающих: осуждают они его или нет. Он думает только о высших ценностях, например, о спасении души или об исполнении долга. С ними он соизмеряет свои поступки. М. Вебер подчеркивает: «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям в долге, достоинстве, красоте, религиозных представлениях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид»⁸.

Четвертый тип — целерациональное, или инструментально-рациональное, поведение, которое предполагает свободный и осознанный выбор цели. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно»⁹. «С целерациональной точки зрения, — продолжает М. Вебер, — ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение... (...абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)»¹⁰.

Очень сложно с социологической точки зрения изучать аффективные действия, которые, как отмечает М. Вебер, находятся «на границе и часто за *пределом того, что “осмысленно”, осознано ориентировано*»¹¹.

Именно поэтому, как полагал М. Вебер, объектом социологического анализа должны стать преимущественно целерациональный и ценностно-рациональный типы социального действия. О методах, с помощью которых можно изучить склонность личности к целерациональному и ценностно-рациональному, аффективному поведению,

⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 629.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 630.

¹¹ Вебер М. Указ. соч. С. 628.

мы писали в предыдущих своих публикациях¹². Благодаря этим методам концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Целерациональные и ценностно-рациональные, аффективные склонности индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методiku Р. Кеттелла — многофакторные исследования личностных качеств. Пример оценки ценностно-рациональной модели поведения был показан при исследовании личностных качеств руководителей (военнослужащих), целерациональной — предпринимателей¹³. Теперь что касается аффективного типа социального действия. Если встать на позицию М. Вебера, который говорил о важности изучения конкурирующих начал различных типов социального действия, то можно выделить следующие направления социологических исследований аффективного поведения и типы личностей с учетом выраженности эмоциональной устойчивости/неустойчивости (склонности к аффективному поведению). Первое направление: в структуре личностных качеств эмоциональная составляющая (“эмоциональная неуравновешенность”) носит доминирующий характер по сравнению с интеллектуальными, морально-волевыми и другими личностными качествами (дипломатичность, социальная опытность и пр.). Людей, эмоциональные действия которых имеют крайние проявления, относят к психопатам, они являются объектом клинической психологии и медицины. Тип — “эмоционально неустойчивые”. Второе направление: в структуре личностных качеств эмоциональная неуравновешенность на равных конкурирует (в равной степени имеет яркое отличие, отклонение от средних значений) с интеллектуальными, морально-волевыми качествами. Тип “средний уровень эмоциональной устойчивости”. Третье на-

¹² Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 144–159; *Они же*. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 242–263.

¹³ Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей...; Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 23–29 июля 2001 г.) // Сайт Левада-центра. URL: levada.ru...biznesmen...otchestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.2012.); Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя // Экономическая социология. Курс лекций: Уч. пособ. М., 1997. С. 101–102.

правление: в структуре личностных качеств интеллектуальные, морально-волевые и другие личностные качества ярко выражены, но при этом отчетливо проявляются, хотя и меньше, чем у представителей первой группы, аффективные склонности. Тип “эмоционально устойчивые”¹⁴.

Менее освещенным в социологии остался методический вопрос об исследовании склонности личности к традиционному поведению. Как уже говорилось, традиционное поведение «есть основанное на длительной привычке. Часто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию, *находится за пределами того, что может быть названо “осмысленно” ориентированным действием*»¹⁵.

2. Значимость прикладных исследований традиционного поведения с позиций прикладного социологического анализа

Несмотря на то что традиционное поведение как тип социального действия в меньшей степени поддается прикладному социологическому анализу с точки зрения верификации мотивов поведения, интерес к изучению природы и сущности традиционного поведения в научной литературе не ослабевал никогда. Сегодня с развитием уровня научного знания традиционное поведение становится объектом исследования многих наук — психологии, юриспруденции, конфликтологии, переговорного процесса и, конечно, социологии вообще, и социологии профессии, социологии личности, в частности.

Важность исследования традиционного поведения в нынешнее время глобальных изменений возрастает как никогда. Сегодня остро стоят следующие вопросы: что в настоящее время должно быть приоритетным в динамике развития организации? Инновационные, революционные перемены управленческой структуры, технологий производства, взаимоотношений с персоналом или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции? Строгое следование сложившемуся порядку, принятие всего проверенного несмотря на противоречия, склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей?

Безусловно, нельзя не согласиться с М. Вебером, что само традиционное поведение в наиболее ярком его проявлении не представляет особого интереса для социологов, поскольку в основе его лежит длительная привычка. Однако М. Вебер говорил также о важности

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей...* С. 242–263.

¹⁵ *Вебер М.* Указ. соч. С. 628.

изучения *конкурирующих*¹⁶ начал различных типов социального действия. Описывая особенность самого традиционного действия, он отмечал: “Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что *верность привычке может быть здесь осознана различным образом и в различной степени*”¹⁷ (курсив мой — А.О.). Если учесть все это, то открывается несколько перспективных направлений исследования традиционного поведения, которые имеют вполне прикладное значение. Покажем это на результатах исследований личностных качеств руководителей. Особо отметим, что идея о выделении доминирующих начал в структуре личностных качеств, включая качества руководителя, лидера в философии¹⁸, социологии (качества, необходимые лидеру¹⁹) и психологии²⁰, имеет особую традицию. Среди таких качеств, например, Р. Кеттелл вслед за Аристотелем называл ответственность — фактор G. Как показывают наши исследования разных профессиональных групп работников, в том числе руководителей, для каждой группы характерна своя профессионально важная структура личностных качеств.

Можно выделить следующие направления социологических исследований традиционного поведения и типы личностей с учетом, как отмечал М. Вебер, степени “осознания верности привычке различным образом и в различной степени”.

Первое направление: в структуре личностных качеств традиционная составляющая, *верность следования привычке*, носит доминирующий характер по сравнению с другими качествами, такими как настрой на коренное, радикальное изменение и слом устоявшихся порядков и традиций. Можно с уверенностью сказать, что людей, неукоснительно, строго придерживающихся установленных традиций, справедливо считают “консервативно настроенными”, это люди консервативного типа.

Второе направление: в структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроением,

¹⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 629.

¹⁷ Там же. С. 628.

¹⁸ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983; Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Уч. пособ. М., 1981.

¹⁹ Оситов Г.В. Менеджмент: Уч. М., 2011. С. 286–290.

²⁰ Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности: Дис. ... канд. психол. наук. Специальность 19.00.11 – психология личности. М., 1999. URL: dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti (дата обращения: 01.02.2021).

готовностью к инновациям. Это тип “умеренные инноваторы”: “... придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям”.

Третье направление: в структуре личностных качеств в отличие от качеств представителей первой группы, отчетливо проявляются недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Это тип “экспериментаторы”. Крайняя форма проявления этого типа — радикалистский настрой на перемены.

Рассмотрим три представленных выше направления исследований склонности личности к традиционному поведению.

3. Способы исследования склонности личности к традиционному поведению. Направления исследования конкурирующих начал различных типов социального действия М. Вебера. Критерии оценки склонности к традиционному поведению с позиции социологического анализа

Мы хотели бы представить лишь один из методов исследования склонности личности к традиционному поведению. Благодаря ему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Традиционное поведение, склонности индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кеттелла — многофакторные исследования личностных качеств. Хотелось бы отметить, что границы выраженности “степени осознания верности привычке”, склонности следовать традициям или приверженности радикалистскому настрою на перемены в структуре личностных качеств хорошо описываются диспозиционной теорией личности, теорией черт А. Айзенка, Г. Олпорта, Р. Кеттелла. Черта — это предрасположенность человека вести себя сходным образом в различное время и в различных ситуациях. В методике 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттелла черта, качество личности “традиционный тип социального действия” верифицируется как фактор Q1 (консерватизм/радикализм).

Возникает вопрос: как можно применить методику Р. Кеттелла для решения социологических задач? Дело в том, что если использовать опросник Р. Кеттелла как инструмент проведения массовых опросов, то можно, как показал опыт проведения теоретико-прикладных исследований, отчетливо выявить типичные черты лич-

ностных качеств различных профессиональных групп работников, что является важным для решения задач отбора персонала.

Изучим эмпирическую базу уже полученных нами с помощью методики 16-ти факторного личностного опросника Р. Кэттелла²¹ данных с учетом предмета нашей нынешней статьи. При исследовании эмпирической модели структуры личностных качеств руководителей, соответствующей ценностно-рациональному и аффективному типу социального действия М. Вебера, мы выявили интересную зависимость: *традиционный тип социального действия в сочетании с другими важными качествами является профессионально важным личностным качеством эффективных руководителей в различных областях жизнедеятельности общества*. А это значит, что он должен стать предметом дальнейших социологических исследований личностных качеств руководителей различных организаций.

Закономерен вопрос: почему фактор Q1 (консерватизм/радикализм) ранее не вошел в разработанную нами и полученную эмпирическим путем идеальную модель руководителя, о которой говорилось в статье “Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения”²², а также в последней нашей работе²³? Дело в том, что при проведении корреляционного анализа обследуемой группы и при выявлении зависимости между более эффективными и менее эффективными руководителями на основе ранговой корреляции Спирмена по фактору Q1 (консерватизм/радикализм) и при разработке идеальной модели не было выявлено значимой связи!

Анализ полученных ранее и новых персонограмм эффективных руководителей на предмет наличия в их профиле такой черты, как консерватизм, следование традициям, показывает большое, почти абсолютное, сходство полученных персонограмм по этому показателю, что дает основание предположить, что традиционный тип социального действия в указанных границах “*верности привычке*”

²¹ Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научить-ся понимать себя и других. М., 1998. С. 226–242; 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: www.gurustestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

²² Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 126–144.

²³ Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин, латентных форм социально-трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителей. Уч. пособ. М., 2020.

можно считать профессионально важным качеством для руководителей данных сфер жизнедеятельности общества.

Рассмотрим три представленных выше направления исследований склонности к традиционному поведению.

Итак, первое направление. Ярко выраженный традиционный тип социального действия определяется низким уровнем фактора Q1 –консерватизм/радикализм, 1–3 балла. Это “консервативный тип” личности. Он обеспечивает устойчивость по отношению к традициям, склонность к неукоснительному следованию установленным нормам и правилам, стабильность работы организации. При этом в определенных ситуациях данная черта может приводить к противодействию назревшим для организации переменам и внедрению инноваций, к застою.

Таблица 1

Характеристики личности традиционного типа социального действия в сравнении с идеальной моделью руководителя (первое направление)

Баллы																	
10																	
9																	
8		8	8	8		8		8		8		8				8	
7																	
6																	
5																	
4																	
3												3	3	3		3	
2													2				
1													1				
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание: Баллы в таблице и по тексту по методике Р. Кеттелла соответствуют стенам.

Второе направление. В структуре личностных качеств составляющая “следование привычке” (следование традициям) традиционно сочетается с готовностью к инновациям. Тип “умеренные инноваторы”: придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям. Показатели фактора Q1, консерватизм/радикализм, находятся в средних значениях 4–6 баллов.

Таблица 2

Характеристики личности традиционного типа социального действия в сравнении с идеальной моделью руководителя (второе направление)

Баллы																	
10																	
9																	
8		8	8	8		8				8		8				8	
7																	
6														6			
5														5			
4														4			
3													3		3		3
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Третье направление. В отличие от представителей первой группы (консервативно настроенных, убежденных в необходимости неукоснительного следования установленным нормам и правилам) у представителей третьей группы отчетливо проявляются недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Крайняя форма — радикалистский настрой на перемены. Определяется высоким уровнем радикализма: фактор Q1, консерватизм/радикализм, составляет 7–10 баллов.

Таблица 3

Характеристики личности радикалистского типа социального действия в сравнении с идеальной моделью руководителя (третье направление)

Баллы																	
10													10				
9													9				
8		8	8	8		8				8		8				8	
7													7				
6																	
5																	
4																	
3													3		3		3
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

В исследованиях, как отмечают психологи²⁴, было получено доказательство того, что личности с высокими показателями по фактору “консерватизм/радикализм” лучше информированы, менее склонны к морализаторству, выражают больший интерес к науке, нежели к догмам. Более того, они готовы к нарушению привычек и устоявшихся традиций, им свойственна независимость суждений, взглядов и поведения. Фактор определяет радикальное, интеллектуальное, политическое и религиозное отношения.

Рассмотрим примеры личностных качеств работников, включая руководителей, отражающие три выделенные нами типа.

Забегая вперед, хотелось бы отметить, что, как и следовало ожидать, применительно к разным сферам деятельности востребованы разные типы личности: как неукоснительно придерживающиеся установленных традиций, так и готовые к радикальному решению проблемных ситуаций.

4. Результаты эмпирических исследований склонности к традиционному поведению

В рамках первого направления особое внимание в структуре личностных качеств уделяется “верности следованию привычке”. Традиционная составляющая в структуре личностных качеств носит доминирующий характер по сравнению с радикалистскими чертами. Мы проанализировали большую часть эмпирических данных и с удивлением констатируем, что в обследованных профессиональных группах руководителей и рядовых работников респондентов с ярко выраженными чертами традиционного типа социального действия (“консервативный тип”, фактор Q1 1–3 балла) встречается немного — всего 6–7% от общего числа обследованных. Например, среди руководителей дошкольного и начального школьного образования в указанных границах встретился 1 из 14 руководителей среднего звена руководства организации, это 7%. Этот единственный руководитель “консервативного типа”, так же как и другие, был эффективным сотрудником (см. табл. 4).

Видно, что личностные качества С. (см. табл. 4) в значительной степени соответствуют идеальной модели руководителя. Если говорить кратко, то С., прежде всего, характеризуют следующие черты: высокий уровень интеллекта, лидерство, смелость (!), соревновательность (!), моральные нормы, очень высокие волевые качества и эмоциональная устойчивость. Кроме того, С. отличает общительность (готовность к сотрудничеству, внимание к людям), дипломатичность

²⁴ 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛЮ-187-А. URL: www.gurutestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

и конформизм (способность прислушиваться к людям, стремление работать и принимать решение вместе с другими людьми), а также консерватизм (фактор Q1 3 балла, это минимальное значение!). Из этого делаем вывод, что неукоснительное следование традициям наряду с другими доминирующими качествами характера является важнейшей чертой в структуре личностных качеств эффективного руководителя.

Таблица 4

Персонограмма руководителя С. в сравнении с идеальной моделью руководителя

Баллы																	
10																	
9	9							9		9						9	
8		88	8	8		8				8		8				8	
7						7					7	7					
6				6	7				6								
5																	
4												4			4		
3												3	3	3			3
2																	
1																	1
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание: Данные С. выделены курсивом. Критерии традиционного типа социального действия выделены серым фоном.

Перейдем теперь ко второму направлению в исследованиях традиционного поведения. В данном случае личностное качество “следование привычке” (консерватизм, следование традициям) сочетается с готовностью к инновациям. Как показал анализ эмпирических данных, данная черта типична для многих обследованных руководителей различных сфер жизнедеятельности общества. И это понятно. Следование традициям и готовность к инновациям обеспечивают, с одной стороны, стабильность работы организации, осторожность в принятии инноваций, а с другой — рациональность в оценке нововведений и готовность к их реализации в случае обоснованности их внедрения.

Так, исследование личностных качеств эффективных руководителей высшего и среднего звена руководства промышленных предприятий²⁵ (на примере зам. генерального директора предприятия,

²⁵ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей...

главного инженера завода и начальников цехов завода в г. Чебоксары, табл. 5, 6) показало, что их качества также соответствуют модели традиционного типа социального действия (см. табл. 3, 4.): Q1 — х ср. 5 баллов, тип “умеренные инноваторы”, придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям.

Таблица 5

**Персонограммы: личностные качества руководителей
производственных подразделений завода г. Чебоксары**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Гл. инженер	7	6	6	7	8	6	7	5	8	7	7	7	5	7	10	5
Руководитель 1	10	7	8	8	6	9	7	5	9	7	9	6	6	4	10	4
Руководитель 2	7	9	8	9	4	10	6	1	3	2	8	5	3	3	10	3
Руководитель 3	10	4	10	9	8	9	10	8	3	6	5	5	5	4	8	4
Руководитель 4	4	10	4	4	1	7	2	4	2	7	5	6	5	3	7	5
Х ср.	7,6	7,2	7,2	7,4	5,4	8,2	6,4	4,6	5	5,8	6,8	5,6	4,8	4,2	9	4,2
Х ср. окр.	8	7	7	7	5	8	6	5	5	6	7	6	5	4	9	4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3

Таблица 6

**Личностные качества руководителей (средние значения — х ср.)
в сравнении с идеальной моделью**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Х ср.	8	7	7	7	5	8	6	5	5	6	7	6	5	4	9	4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3

Общими характерными чертами эффективных руководителей является общительность (фактор А), высокие лидерские качества (фактор Е), моральные (фактор G) и волевые качества (фактор Q3), высокий уровень интеллекта (фактор В), социальная опытность (дипломатичность, фактор N), эмоциональная устойчивость, а кроме этого также консерватизм, следование традициям (фактор Q1). Традиционный тип социального действия (второе направление исследований, фактор Q1 в границах 4–6 баллов), как оказалось, был характерен для многих эффективных руководителей исследованных

организаций, о которых мы уже писали, в том числе для руководителя подразделения “Спецназ NNN”, Героя России, подполковника А.В. Саманкова (см. табл. 7), бухгалтеров и главного бухгалтера завода в г. Самара, заместителя главного бухгалтера российско-французской косметической компании в г. Москве (см. табл. 8), директора Департамента “Управление персоналом” редакции газеты “ИЗВЕСТИЯ” (см. табл. 9)²⁶ и др.

Таблица 7

**Персонограмма руководителя подразделения “Спецназ NNN”,
Героя России, подполковника А.В. Саманкова в сравнении
с идеальной моделью руководителя**

Баллы																			
10																		10	
9				9															
8		88	8	8		8	8		8		8							8	
7						7				7									
6	6				6														
5												5							
4									4				4						
3								3					3		33				33
2																			
1												1							
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4			

Таблица 8

**Персонограммы гл. бухгалтера завода г. Самара,
зам. главного бухгалтера косметической компании г. Москва
и средних показателей по профессиональной группе бухгалтеров
в сравнении с идеальной моделью руководителя**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3
Бухгалтер (ср.)	4,5	7	6,5	8	5	5	6	4	7,5	6	8,5	4	6,5	6	6	3,5
Гл. бухгалтер, г. Самара	4	5	4	9	4	4	6	8	9	2	7	6	6	7	6	8
Зам. гл. бухгалтера, г. Москва	8	9	7	9	5	6	7	8	6	8	8	4	5	4	8	2

²⁶ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей...

**Социально-психологический портрет руководителя отдела
“Управление персоналом” редакции газеты “ИЗВЕСТИЯ”
в сравнении с идеальной моделью**

Баллы																	
10				10													
9	10	9															
8		8		8		8	8		8		8					8	
7									7	7	7	7					7
6					6												
5						5										5	
4								4						4			
3			3										3		3		3
2															2		
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Приведенные примеры еще раз убеждают в том, что традиционный тип социального действия в границах фактора Q1 4–6 баллов можно считать профессионально важным качеством для многих руководителей. При подготовке данной статьи мы вновь столкнулись с подтверждением этого, когда сравнили ранее полученные персонограммы с новыми результатами исследований 14-ти эффективных и неэффективных руководителей одной из московских организаций в сфере образования (2017 г.). Это был сплошной опрос генеральной совокупности руководителей среднего звена организации. (Об этом более подробно мы планируем написать в следующей нашей работе.)

Обратимся теперь к третьему направлению. В данном случае в структуре личностных качеств руководителей, в отличие от представителей первой группы “консервативного типа”, радикалистские черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляются недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Это тип “экспериментаторы”. Крайняя форма — радикалистский настрой на перемены. Как уже отмечалось, такая черта как радикализм является профессионально важным качеством для определенных профессиональных групп военных, например, для подразделений спецназа. (Среди сотрудников подразделений спецназа консервативно настроенных насчитывалось менее 10%! Эти сотрудники хотя и служили в структурном подразделении, но считались менее эффективными служащими, чем те, кто выделялся радикалистскими чертами.)

И это вполне объяснимо. В защите государственных интересов особая роль отводится вооруженным силам и их главной составляющей на протяжении всей истории человечества — живой силе, военным кадрам. Применение вооруженных сил всегда предполагает радикальное решение проблемы, мешающей нормальному функционированию общества и государства. В свою очередь решение проблем радикальным способом требует и соответствующих кадров — кадров, способных на радикальные действия.

Традиционно военные любых армий должны были обладать храбростью (смелостью), смекалкой (умом, интеллектом, опытностью), готовностью неукоснительно исполнять приказ. Чаще всего в реальности от военного требовалось гораздо меньше: просто исполнять приказ (“Солдат не должен рассуждать, он должен выполнять приказ”, “Послушание — душа солдата!”).

Закономерно возникал вопрос: а что в характере личности военного обеспечивает способность к радикальному решению поставленной задачи? Интеллект, воля, соревновательность, лидерские качества (доминирование)? Может быть, смелость? А нужны ли для этого моральные нормы, совесть?

Таблица 10

Портрет (профессиограмма) сотрудника подразделения спецназа (рядовой состав)

Баллы																			
10																			
9												9,5		9,5					
8																			
7																			
6																			
5																			
4																			
3	3,5																		
2																			
1																			
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4			

Изучив, используя тест Р. Кеттелла и методы математического анализа, характеры сотрудников одного из подразделений спецназа, мы выявили, что важнейшими качествами характера личности военного, обеспечивающими эффективное решение боевых задач, в терминологии Р. Кеттелла, являются три черты: радикализм (фактор

Q1, 9,5 балла), социальная опытность, дипломатичность (фактор N, 9,5 балла), сдержанность в общении (фактор A, 3,5 балла, см. табл. 10)²⁷.

Как можно видеть, в данном случае не наблюдается большой значимости моральных норм в структуре личностных качеств (в отличие от модели безаварийных водителей²⁸). Такой результат закономерен: военный, задумывающийся о морали в момент исполнения приказа, размышляя о его справедливости, медлит с выполнением приказа, что не соответствует требованию “не рассуждать”.

Говоря о профиле профессионально важных личностных качеств сотрудников спецназа, мы описали достаточно типичную для конкретного подразделения ситуацию. Это не значит, что военные всех подразделений обладают похожими характеристиками, и среди них нет людей с высокими моральными нормами. Исследования также показали, что средний уровень моральных норм среди военных выше средних показателей “обычных” людей и неизмеримо выше, чем у предпринимателей. Проблемы появляются, если в структуре профессионально важных личностных качеств персонала, занятого в сфере безопасности, моральные нормы оказываются не столь важными, как, например, радикализм. Причина этого — предметное содержание труда соответствующих профессиональных групп военных

Однако новые угрозы — мировой терроризм, коррупция, нарушение производственной дисциплины — требуют формирования и подбора новых типов специалистов. Интеллектуальное оружие требует интеллектуального обращения. Поэтому оказываются востребованы интеллект, смелость (иногда граничащая с авантюризмом), радикализм (чтобы радикально решать задачи), высокие моральные нормы (следование долгу, неподкупность), воля, а также эмоциональная уравновешенность. Примером может служить персонограмма подполковника А.В. Саманкова (табл. 7.)

Для каждой военной специальности, сотрудников различных силовых структур необходим свой тип характера. Разработка данных типов — актуальная задача для социологов.

²⁷ *Осеев А.А.* Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 158–171; *Осеев А.А., Осеев А.А.* Личностные качества командного состава “спецназ” (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1. С. 134–143.

²⁸ Более подробно см.: *Осеев А.А.* Роль характера водителя в снижении аварийности на автомобильном транспорте // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 3. А также Приложение к ней “Профессиограмма водителя”.

Ниже мы приводим персонограмму одного из руководителей (командиров) подразделения спецназа, из которой видно, что радикализм в структуре личностных качеств является одной из доминирующих составляющих личности: Q1 максимальные 10 баллов (табл. 11).

Таблица 11

Персонограмма заместителя руководителя службы охраны спецназ

Баллы																	
10													10				
9				9												9	
8		8		8	8	8				8		8				8	
7		7															
6	6		6			6	6	6									
5																	5
4										4	4	4		4			
3												3		3		3	
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

В завершение работы хотелось бы отметить, что результаты социологических исследований, проведенных на кафедре экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2017 г., показали, что радикализм является профессионально важным качеством и для других профессиональных групп работников, например, для врачей²⁹.

Методам выявления склонности личности к традиционному поведению, тестам, должна быть посвящена отдельная работа, в которой будет содержаться весь набор оценочных средств в соответствии с выделенными составляющими устойчивости к традиционному поведению. Однако в силу практической значимости диагностики для решения насущных практических задач управления персоналом и самокоррекции поведения мы в данной работе приводим один из способов такой оценки. При этом отмечаем, что наиболее полное заключение можно сделать, лишь проведя комплексное обследование.

²⁹ Осеев А.А. Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2017. № 1.

5. Тест на свойство личности по фактору Q1³⁰ (консерватизм/радикализм)

Вашему вниманию предложено 10 вопросов. Внимательно прочитайте каждый из них и постарайтесь, не раздумывая долго (не более 3–5 секунд), дать лишь один из трех вариантов ответа. Отвечая на вопросы теста, старайтесь давать более определенный ответ, избегая варианта “б”.

Будьте внимательны при подсчете баллов. В вопросах с 1 по 5 “а” имеет значение 0 баллов, “б” — 1 балл, “в” — 2 балла. В вопросах с 6 по 10 “а” оценено в 2 балла, “б” — 1 балл, “в” — 0 баллов.

1. За деньги можно купить почти все: а — да; б — не уверен; в — нет.

2. При чтении я сразу замечаю, когда меня хотят в чем-то убедить: а — да; б — верно нечто среднее; в — нет.

3. В юности, если я расходился во мнении с родителями, то: а — оставался при своем мнении; б — среднее между а и в; в — соглашался с их авторитетом.

4. Если при обсуждении какого-либо вопроса среди участников возникает ожесточенный спор, то: а — мне было бы любопытно, кто выйдет победителем; б — верно нечто среднее; в — я бы очень хотел, чтобы все закончилось мирно.

5. Я считаю, что общество, руководствуясь целесообразностью, должно отбросить старые привычки и ненужные традиции: а — да; б — не уверен; в — нет.

6. Мои решения зависят больше от моих: а — чувств; б — чувств и разума в равной степени; в — разума.

7. В наше время требуется: а — больше дисциплинированных добросовестных людей; б — не уверен; в — больше увлеченных романтиков и энтузиастов.

8. Я бы предпочел иметь работу: а — с четко определенным и постоянным заработком; б — верно нечто среднее; в — с большим окладом, который бы зависел от моих усилий и продуктивности.

9. Торжественность и величие традиционных церемоний следует сохранить: а — верно; б — верно нечто среднее; в — нет.

10. У меня бывали неприятные случаи из-за того, что, задумавшись, я становился невнимателен: а — едва ли когда-нибудь; б — верно нечто среднее; в — несколько раз.

Подсчитайте сумму набранных баллов.

³⁰ Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983; 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛЮ-187-А. URL: www.gurustestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

Интерпретация результатов. В поведенческом рисунке человек с низкими оценками по фактору Q1 (консерватизм/радикализм) характеризуется как “консерватор”, с высокими оценками — как “радикал”. Общие границы определены в следующих пределах: (Q1–) 0–12 баллов характеризуют в личности консервативность, устойчивость по отношению к традициям, сомнение в отношении новых идей и принципов, склонность к морализации и нравоучениям, сопротивление переменам. А (Q1+) 13–20 баллов означают наличие в структуре личности свободомыслия, экспериментаторства, наличия интеллектуальных интересов, развитого аналитического мышления, восприимчивости к переменам, новым идеям, недоверия к авторитетам, отказа принимать что-либо на веру, направленности на аналитическую, теоретическую деятельность. Высокие оценки по этому фактору наблюдаются у многих руководителей. Более дифференцируемые границы, характеризующие модели традиционного поведения, “степень осознания верности привычке”, выглядят следующим образом.

0–7 баллов: убежденность в правильности того, чему учили, принятие всего проверенного, несмотря на противоречия. Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей. Имеется тенденция препятствовать, противостоять изменениям и откладывать их, характерно следование традициям. 8 баллов: консервативность, уважение принципов, терпимость к традиционным трудностям. 9–11 баллов: уважение традиций сочетается с готовностью к инновациям. 12 баллов: экспериментирующий, критический, либеральный, аналитический, свободно мыслящий тип. 13–20 баллов: поглощенность интеллектуальными проблемами, имеются сомнения по различным фундаментальным вопросам. Скептический настрой и стремление вникнуть в сущность старых и новых идей, лучшая информированность, меньшая склонность к морализаторству, и большая — к экспериментаторству, терпимость к несообразностям и к изменениям³¹.

Хотелось бы отметить, что тем, у кого выявлен повышенный и высокий уровень радикализма, следует чаще обращать внимание на проверку обоснованности своих позиций при принятии решений по внедрению инноваций, а в случаях возникновения споров контролировать свое настроение и управлять своими эмоциями.

³¹ Хотелось бы отметить, что наиболее полная содержательная интерпретация факторов методики Р. Кеттелла представлена в следующем источнике: 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: www.gurutestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

Тем же, у кого в характере проявился высокий уровень консерватизма, следует обратить внимание на то, что склонность к осторожности в отношении новых идей может стать препятствием во внедрении инноваций, в собственном развитии и развитии организации. В таких случаях важно искать пути умелого сочетания сохранения важных, общественно значимых, проверенных временем традиций и вариантов бесконфликтного внедрения нововведений.

Итак, все вышеперечисленное позволяет сделать следующие выводы.

1. Перед исследователями стоят вопросы: что сегодня должно быть приоритетным в развитии организации — инновационные, революционные изменения технологий, организационных структур и пр.? Или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции? Строгое следование сложившимся порядкам, принятие всего проверенного несмотря на противоречия? Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей? Результаты исследований показали, что в зависимости от сферы деятельности востребованы разные типы руководителей. В большинстве обследованных организаций производственной и непроизводственной сферы жизнедеятельности общества наиболее эффективными руководителями считаются те, у кого в структуре личностных качеств традиционное поведение, “следование привычке” сочетается с готовностью к инновациям, т.е. тип “умеренные инноваторы”.

2. Существующие методики социологических исследований в сочетании с методами психодиагностики дают возможность с успехом изучать традиционное поведение личности применительно к методическим и прикладным задачам социологии.

3. Одной из адекватных методик исследования личностных качеств руководителей является методика 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттелла и “идеальная модель руководителя”. Выделенные типы традиционного поведения обозначают направления исследований в данной области, благодаря чему само традиционное поведение может стать предметом социологического анализа, в том числе анализа типичных черт в разных профессиональных группах работников (например, священнослужителей).

4. Опираясь на указание М. Вебера о важности исследования конкурирующих начал в структуре личностных качеств, мотивов поведения, мы можем, упорядочив выявленные в ходе исследования мотивы по силе выделенных качеств, определять доминирующие черты личностных качеств и говорить о практическом превалировании одних над другими. Это направление эмпирических исследований в социологии личности и социологии профессии требует своего

дальнейшего развития и, как мы полагаем, благодаря приведенным нами результатам, получит новый импульс к широкому применению. А сама концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике.

5. О результатах проведенных нами исследований с позиций М. Вебера, изучения конкурирующих³² начал различных типов социального действия, которые имеют вполне прикладное значение, мы расскажем в следующей нашей статье. Исследования показывают, что разные профессиональные группы работников имеют свою типичную иерархию доминирующих начал в структуре мотивов поведения. Например, руководителей-учителей школ в сфере дошкольного и начального образования наряду с лидерскими качествами отличает общительность, живость характера, следование традициям. Врачей — высокий уровень интеллекта, радикализм, дипломатичность, что особенно важно при общении с тревожными пациентам. Дипломатичность также важна для определенных категорий военнослужащих³³. Об исследовании профессиональных групп работников с радикалистскими чертами мы расскажем в другой нашей статье.

6. Закономерны следующие вопросы: чем подкрепляется склонность личности к традиционному поведению? Как это измерить? Если вновь обратить внимание на слова М. Вебера, который говорил, что “верность привычке может быть... осознана различным образом и в различной степени”³⁴, то открывается еще одно интересное и перспективное направление исследований. Вероятнее всего, ориентация на традиции, склонность личности к традиционному поведению сочетаются с высоким уровнем интеллекта, ответственностью, волевыми качествами, умением прислушиваться к людям, способностью к рациональной оценке ситуации (практицизмом) и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: www.gurutestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983.

Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

³² Вебер М. Указ. соч. С. 629.

³³ Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет.

³⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 628.

Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 23–29 июля 2001 г.) // Сайт Левада-центра. URL: www.levada.ru...biznesmen...otechestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.2012).

Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М., 2000.

Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Уч. пособ. для слушателей ИПК преподавателей по пед. дисциплинам ун-тов и пед. ин-тов. М., 1985.

Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1.

Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3.

Осеев А.А. Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2017. № 1.

Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин, латентных форм социально-трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителей. Уч. пособ. М., 2020.

Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава «спецназ» (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1.

Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3.

Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2.

Осипов Г.В. Менеджмент: Уч. М., 2011.

Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя // Экономическая социология. Курс лекций: Уч. пособ. М., 1997.

Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. М., 1998.

Традиция как основная форма передачи межпоколенного опыта. URL: www.cult.bobrodobro.ru18743 (дата обращения: 02.01. 2021).

Чаньшиев А.Н. Курс лекций по древней философии: Уч. пособ. М., 1981.

Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности: Дисс. ... канд. психол. наук. Специальность 19.00.11 — психология личности. М., 1999. URL: www.dissercat.com>content...neustoiichivostilichnosti (дата обращения: 01.02.2021).

Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.

Энциклопедия. Всемирная история. URL: www.histrf.ruПериодъ.../show/konservativizm (дата обращения: 05.02.2021).

REFERENCES

16-ti faktornyj lichnostnyj oprosnik Kettella. 16 FLO-187-A [Cattell's 16-factor personality questionnaire. 16 FLO-187-A.]. URL: www.gurutestov.ru/test/60 (data obrashcheniya: 13.01.2021) (in Russian).

Aristotel'. Sochineniya: V 4-h t. T. 4 [Compositions: In 4 volumes. Vol. 4] / Obshch. red. A.I. Dovatura. M., 1983 (in Russian).

Chanyshhev A.N. Kurs lekcij po drevnej filosofii: Ucheb. posobie dlya filos.fak. i otdel'nyh un-tov [A course of lectures on ancient philosophy: Uch. manual]. M., 1981 (in Russian).

Chudina E.A. Psihologicheskie osobennosti proyavleniya emocional'noj neustojchivosti lichnosti. Dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psihologicheskikh nauk. Special'nost' 19.00.11 — psihologiya lichnosti [Psychological features of the manifestation of emotional non-stability of the individual: Diss. ... Cand. psychol. sciences. Specialty 19.00.11 — personality psychology]. M., 1999. URL: www.dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti (data obrashcheniya: 01.02.2021) (in Russian).

Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologiya: V 3 t. T. 3: Social'nye instituty i process [Sociology: In 3 volumes. Vol. 3: Social institutions and processes]. M., 2000 (in Russian).

Entsiklopediya. Vsemirnaja istorija [Encyclopedia. The World History]. URL: www.histrf.ru/Periody.../show/konservativizm (data obrashcheniya 05.02.2021) (in Russian).

Galov A.A. Zapadnyj biznesmen i otechestvennyj predprinimatel'. (Opros VCIOM 23–29 iyulya 2001 g.) [Western businessman and domestic entrepreneur. (Poll by VTsIOM, July 23-29, 2001)]. URL: www.levada.ru...biznesmen...otechestvennyipredprinimatel (data obrashcheniya: 25.12.2012) (in Russian).

Mel'nikov V.M., Yampo'skij L.T. Vvedenie v eksperimental'nyyu psihologiyu lichnosti: Uchebnoe posobie dlya slushatelej IPK prepodavatelej po ped. disciplin un-tov i ped. in-tov [Introduction to experimental psychology of personality: Uch. manual. for students of IPC teachers on ped. disciplines of high fur boots and ped. in-tov.]. M., 1985 (in Russian).

Oseev A.A. Social'no-psihologicheskij portret rukovoditelya: ideal'naya model' i sposoby ee izmereniya [Socio-psychological portrait of a leader: an ideal model and ways to measure it] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 1 (in Russian).

Oseev A.A. Lichnostnye kachestva personala, zanyatogo v sfere bezopasnosti: sociologicheskij portret [Personal qualities of personnel employed in the field of security: a sociological portrait] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 3 (in Russian).

Oseev A.A. Social'no-psihologicheskij portret vracha v svete motivacionnoj teorii M. Vebera [Socio-psychological portrait of a doctor in the light of M. Weber's motivational theory] // Sociologiya. Zhurnal Rossijskoj sociologicheskoj asociacii. 2017. N 1 (in Russian).

Oseev A.A. Sredstva sociologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya personalom: diagnostika prichin, latentnyh form social'no-trudovyh konfliktov i professional'no vaznyh lichnostnyh kachestv rukovoditelej: Uchebnoe posobie [Means of sociological diagnostics in the personnel management system: diagnostics of causes, latent forms of social and labor conflicts and professionally important personal qualities of managers. Uch. manual]. M., 2020 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Lichnostnye kachestva komandnogo sostava "specnaz" (20 let spustya) [Personal qualities of the command staff of "special forces" (20 years

later)] // Sociologiya. Zhurnal Rossijskoj sociologicheskoy asociacii. 2013. N 1 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Metodologicheskie osnovy issledovaniya lichnostnyh kachestv rukovoditelej i otbora kandidatov na vakantnye dolzhnosti na gosudarstvennyu sluzhbu, personala v sfere bezopasnosti, rukovoditelej promyshlennyh predpriyatij [Methodological foundations of the study of the personal qualities of managers and the selection of candidates for vacant positions in the civil service, personnel in the field of security, heads of industrial enterprises] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 3 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Empiricheskie modeli struktury lichnostnyh kachestv rukovoditelej: affektivnyj tip social'nogo dejstviya M. Vebera (rezul'taty prikladnyh issledovanij) [Empirical models of the structure of personal qualities of managers: the affective type of social action by M. Weber (results of applied research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 2 (in Russian).

Osipov G.V. Menedzhment: Ucheb [Management: Uch.]. M., 2011 (in Russian).

Radaev V.V. Chelovek v roli predprinimatelja [Man in the role of an entrepreneur] // Ekonomicheskaya sociologiya. Kurs lekcij: Ucheb. posobie. M., 1997 (in Russian).

Rimskaya R., Rimskij S. Prakticheskaya psihologiya v testah, ili Kak nauchit'sya ponimat' sebya i drugih [Practical psychology in tests, or How to learn to understand yourself and others]. M., 1998 (in Russian).

Shcherbina V.V., Rodina V.Yu., Erohin A.S. Metodicheskie rekomendacii po ocenke ispol'zovaniya rabotnikov v kachestve linejnogo rukovoditelya srednego zvena [Methodological recommendations for assessing the use of workers as a line manager of the middle management]. M., 1983 (in Russian).

Tradiciya kak osnovnaya forma peredachi mezhpokolennogo opyta [Tradition as the main form of transmission of intergenerational experience]. URL: www.cult.bobrodobro.ru/18743 (data obrashcheniya: 02.01. 2021) (in Russian).

Veber M. Motivy social'nogo dejstviya [Motives of social action] // *Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova, predisl. P.P. Gajdenko. M., 1990* (in Russian).

Veber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation and profession] // *Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova. Predisl. P.P. Gajdenko. M., 1990* (in Russian).

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-235-251

АНАЛИЗ ДЕТСКИХ ИГРУШЕК КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЛИКА БУДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.С. Новикова, специалист по УМР кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания РКИ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, первый учебный гуманитарный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В данной работе обсуждаются социальные и поколенческие теории, созданные видными социологами и экономистами, выявленные ими закономерности развития общества, а также прослеживается взаимосвязь между портретом того или иного поколения и игрушками для детей до 7–11 лет, распространенными в годы формирования данного поколения. Дан обзор современных популярных игрушек и сделан прогноз о том, какие черты и ценности поколения может сформировать их распространение.

В начале работы говорится о связи волновой теории Н. Кондратьева, отражающей экономическую ситуацию, оказывающей влияние на формирование облика поколения, и теорией поколений Хоува-Штрауса, а также о социологических трудах, дополняющих современное представление о поколениях: иерархия поколенческих ценностей А.М. Рикель, классификация поколений Ю.А. Левада. Далее внимание уделяется истории игрушек с 1920-х по 2020 гг. и проводится анализ влияния игрушек на формирование поколения, выявляются закономерности между ценностями поколения и распространенными в соответствующий исторический период игрушками, прогнозируется результат влияния современных игрушек на портрет поколения, а также затрагиваются причины такого современного тренда, как геймификация.

Поиск закономерностей, по которым изменяется общество, описание разных поколений и исторических и экономических факторов, обусловивших их формирование, попытки предсказать облик следующих поколений актуальны и имеют перспективу развития на стыке общественных и точных наук, могут быть применены в целях прогнозирования сценариев будущего развития социума. Выявление причинно-следственных связей и последующее их выражение с помощью математических методов позволит компаниям и государственным

* Новикова Елена Сергеевна, e-mail: elene27.01.1993@mail.ru

Примечание. Автор настоящей статьи поднимает обсуждаемые вопросы в рамках работы «Влияние игрушек на формирование облика поколения», принимавшей участие в VIII Российском философском конгрессе «Философия в полицентричном мире».

органам быть более готовыми к новым вызовам, адаптироваться к изменениям запросов общества и тенденций его развития. На данном этапе работа частично освещает облик поколения, рожденного в 2000–2020 гг., и оставляет вопросы для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: теория поколений, волны Кондратьева, игрушки, прогнозирование.

ANALYSIS OF CHILDREN'S TOYS AS A METHOD FOR PREDICTING THE FUTURE GENERATION

Novikova Elena S., Specialist in Educational Methodical Work of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian for Foreigners, Faculty of Philology, Moscow State University by M.V. Lomonosov, Leninskie Gory, The first educational humanitarian building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: elene27.01.1993@mail.ru

This research analyses social and generational theories by sociologists and economists, the patterns of development of society that they identified, and also traces the correlation between the portrait of a particular generation and toys for children under 7–11 years old, prevalent during the formation of this generation. An overview of modern popular toys is given and a forecast is made about what features and values of a generation can form their distribution.

At the beginning of the research, the author discusses the connection between N. Kondratyev's wave theory, which reflects the economic situation influencing the formation of a generation, and the Hove-Strauss theory of generations, as well as sociological works that supplement the modern understanding of generations: A.M. Rykiel's generational values hierarchy, classification of generations by Yu.M. Levada.

Further, attention is paid to the history of toys from the 1920s to 2020s and an analysis of the influence of toys on the formation of a generation is carried out. Some patterns are found between the values of a generation and toys widespread in the appropriate historical period, the result of the influence of modern toys on the portrait of a generation is predicted, and the reasons for such modern trend as gamification are also discussed.

The search for patterns by which society is changing and the description of different generations and the historical and economic factors that determined their formation give the opportunity for the scientists to predict the image of the next generations. This perspective is relevant for the future as it has the prospect of development at the junction of social and exact sciences, may be used to predict scenarios of the future development of society. Revealing causal relationships and their subsequent expression by methods of mathematics will allow companies and government agencies to be more ready for new challenges, adapt to changes in society's needs and trends in its development.

At this stage, the research partially forecast the face of the generation born in 2000–2020, and asks questions for further research¹.

Key words: generation theory, Kondratiev's waves, toys, forecasting.

¹ Note. The author of this research raises the issues which considered in the article "Influence of toys on the formation of a generation", which took part in the VIII Russian Philosophical Congress "Philosophy in a polycentric world".

Важнейшими факторами в формировании облика поколения являются экономическая и политическая картины, исторические события, состояние образования, степень развития науки и технологий. Однако можно выделить и множество других, менее очевидных, факторов и проследить их влияние.

В данной работе анализируется воздействие игрушек на детей до 7–11 лет как инструмент влияния на пять поколений по теории Штрауса-Хоува.

Для начала рассмотрим экономическую картину каждого анализируемого двадцатилетнего промежутка с точки зрения волновой теории Н. Кондратьева.

На 1920–1940-е гг. приходится понижательная фаза К-волны, что говорит об экономическом спаде, завершающемся фазой кризиса, совпавшей исторически с началом Второй мировой войны. На начало 1940-х гг. приходится окончание 3-го К-цикла, характеризующегося развитием электроэнергетики, неорганической химии, тяжелого машиностроения, использованием электродвигателей, и начало 4-го К-цикла, которая ознаменовалась как для СССР, так и для мира в целом необходимостью послевоенного восстановления. Для сохранения мира и быстрой “отстройки” городов, налаживания производства необходима сплоченность и альтруизм народа, в связи с чем лидирующие позиции в иерархии ценностей заняли такие ценности, как патриотизм, единство, счастье других². Опыт Второй мировой войны высветил для поколения ценность здоровья. Естественно, что такие ценности, как высокое положение в обществе, разнообразие, космополитизм, не имели актуальности в данный исторический период. Подъем К-волны оказал влияние на формирование характерных черт “бэби-бумеров”, впитавших в себя идеалы патриотизма и единения.

Начиная с 1960-х гг., К-волна идет на спад, в это время появляется поколение X, чьи ценности близки к ценностям предыдущего поколения, но более индивидуалистичны: на первый план выходят “интересная работа” и “счастливая семейная жизнь”, хотя патриотические идеалы также признаются значимыми. Можно предположить, что на фоне более благополучной экономической ситуации, восстановленной предыдущим поколением, у поколения X появилась возможность поставить личные цели. В середине 1980-х гг., в фазе депрессии, когда, по Кондратьеву, возникает необходимость в новых изобретениях и экономика берет курс на развитие новых технологий, поколенческие

² Рикель А.М. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 209–216.

ценности кардинально меняются. Интересно отметить, что иерархия ценностей поколения “бэби-бумеров” и поколения Y почти противоположны: меняются местами космополитизм и патриотизм, первые места занимают ценности разнообразия и индивидуальности, тогда как социальная полезность отходит на нижние позиции. Можно предположить, что с окончанием 4-го Кондратьевского цикла его ценности стали восприниматься как неактуальные, а для подъема и нового витка возникла потребность их полного пересмотра и иной ценностной иерархии. Периоды формирования поколения “бэби-бумеров” и поколения Y соответствуют повышательным фазам К-волн, т.е. являются доминирующими. Вероятно, поэтому именно их ценности характеризуют всю волну, а с началом новой волны меняются. Интересно проанализировать иерархию ценностей поколения 1923–1943 гг., формировавшегося в период спада К-волны, с целью выявления взаимосвязи между большими циклами экономики и ценностями поколения, однако в данный момент это не представляется возможным.

Говоря о значительных общественных переломах, существенно повлиявших на сознание больших групп людей и пережитых ими как переоценка собственных ценностей, социолог и политолог Ю.А. Левада, предложивший свою классификацию поколений, вводит понятие “переломного поколения”, под которым подразумевает людей, “которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т.е. как бы заново переживают процесс социализации или аккультурации”³. Такими переломными моментами он считает в рассматриваемом им периоде отечественной истории два события: после 1917 г. и в конце 1960-х гг. По словам Левада, «в первом случае речь шла о принятии победившей системы, во втором — о расхождении (в предельных случаях — о разрыве) с ней. Продуктом первого перелома явилась “советизированная” интеллигенция, второго — “шестидесятники”»⁴. Интересно, что на графике волн Кондратьева приблизительно на эти временные периоды приходятся вершины волн 3-го и 4-го циклов. Подробнее изучить взаимосвязь больших циклов Кондратьева и смену поколенческих ценностей на данный момент не представляется возможным по причине недостатка информации о ценностях как более ранних, так и более поздних поколений.

Социолог Н.П. Попов, изучая возможности теории поколений Штрауса-Хоува, дает справедливую оценку перспективам ее развития и указывает на узость сферы ее применения на данный

³ Левада Ю.А. Сочинения: Избранное. Социологические очерки. М., 2000–2005.

⁴ Там же. С. 7.

момент: «Исследования поколенческой темы носят “эпизодический характер”, в публичных оценках доминируют эмоции и публичность, существующая исследовательская традиция опирается в основном на разработки в интересах маркетинга и кадровых служб. Чаще всего предлагается портрет потребителя и наемного работника. Социологическое, философское, культурологическое осмысление темы еще предстоит»⁵.

Проанализировав экономическую картину каждого из выделенных периодов, рассмотрим последовательно каждое десятилетие XX в., начиная с 1920-х гг. и охватывая начало XXI в., с точки зрения распространенных в СССР, а потом и в постсоветской России детских игрушек.

В 1920–1930 гг. — время становления советской игрушки. К началу 1930-х гг. игрушка рассматривается партией и правительством, в частности, как средство воспитания подрастающего поколения. “Советский ребенок должен был получить новую игрушку — красивую, полезную, идеологически выдержанную. К началу второго десятилетия советской власти это уже понимали все”⁶.

В этот период широко распространены национальные и классовые куклы (рабочие, крестьяне), игольницы-цыганки, заводные мишки, кареты. Прослеживается спортивная (фигуристка, малыш-лыжник) и военная (игрушечные солдатики, матросы в форме) тематика в игрушках.

В статьях журнала “Советская игрушка” дается следующее определение сущностных характеристик игрушки: политичность и классовая принадлежность⁷. Игрушка должна была демонстрировать социалистические общественные отношения и отечественные научно-технические достижения. Печатные игры напоминают современным детям агитационные плакаты, в игрушках отражены типы красноармейцев, колхозников, милиционеров. Технические игрушки в большинстве своем самодельные, выполнены из подручных материалов. К концу 1930-х гг. появляются сложные заводные игрушки, электрические железные дороги и военная техника, однако они являются дефицитным товаром.

В послевоенные 1950-е гг. ассортимент игрушек расширяется благодаря введению в промышленность новых синтетических материалов, в том числе, целлулоида. Роль детской игрушки определяется

⁵ Попов Н.П. Российское и американское поколение XX века: откуда пришли миллениалы? // Государство и общество. Фонд “Петербургская политика”. СПб., 2017.

⁶ Марченко М.А. На стыке культур. Игрушка СССР 1920–1930 годов // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3. С. 2.

⁷ За высокое качество // Советская игрушка. 1935. № 1. С. 1–2.

как строго утилитарная, поэтому пользуются популярностью наборы для опытов и настольные игры: “Юный техник”, “Полный набор по физике”, “Аэронавтика” и др. Также распространены пупсы, машинки, краны, герои профессий. Игрушки отражают реальность советской жизни и лишены фантазийной составляющей. Этим можно объяснить популярность Чебурашки, прообразом которой стала бракованная игрушка. В 1970-е гг. выросшее поколение “бэби-бумеров” сделает Чебурашку героем мультфильмов и детских повестей. «В качестве альтернативы фантазийным игрушкам советская индустрия предлагала продукты, отражавшие оптимистическое видение будущего, атмосферу обороны, большой стройки или ремонта: тракторы и подъемные краны, самолеты и лодки, корабли и ракеты, куклы, одетые в униформы представителей разных профессий. Предметом особой гордости советской автомобильной промышленности была точная копия модели “Москвич” для детей»⁸. Интересно отметить, что 1970–1980-е гг. ознаменовались масштабной стройкой (Второй Генеральный план развития Москвы 1971 г.), что пришлось на активный трудовой возраст поколения, воспитанного на игрушках такой тематики. Приблизительно в этих же временных рамках в СССР налаживается массовое производство автомобилей, а чуть позднее начинает развиваться электроника.

Важное место в производстве игрушек по-прежнему отведено куклам в национальных костюмах: танцующие грузины, украинец с рожком, игрушечные киргизы, узбеки. Они производятся в большом количестве, несмотря на низкий спрос с целью иллюстрации многонациональности государства, но маловостребованы и остаются в музеях, на полках домашних шкафов.

Поскольку цель распространения игрушек для советского правительства — отражение уклада жизни, бытовых реалий и ценностей, транслируемых идеологией, то развлекательные и развивающие игрушки являются дефицитными. Например, сборно-разборные игрушки и конструкторы выпускаются небольшим тиражом и продаются только в специализированном магазине учебно-наглядных пособий московского городского комитета ДОСААФ⁹. Высокая цена на игрушки обуславливает популярность самодельных игрушек, среди которых бумажные модели самолетов и кораблей, настольные игры с карточками. Журналы “Пионерская правда” и “Мурзилка” регулярно публикуют идеи для изготовления елочных игрушек, что развивает моторику и навыки ручного труда у детей. Важно заметить,

⁸ Лейтнер Л.В. “Совсем как настоящие...” — игры и игрушки в СССР в 1950–1960 годы // Интерлос. Неприкосновенный запас. 2011. № 3.

⁹ Пионерская правда. 1953. Выпуски.

что в обиходе принят самостоятельный ремонт игрушек, а также их изготовление и копирование с целью экономии. Возможно, описанные реалии времени привели к формированию бережливости.

Широкое распространение пластмассовых кукол-голышек, а также игрушечных предметов быта — одежда, посуда, холодильник “Снежок”, мясорубка, утюг, швейная машинка — и больших кукол в различной одежде, у которых могли закрываться глаза, возможно, в какой-то степени оказало влияние на формирование ценностей семьи и материнства у поколения “бэби-бумеров”.

Нельзя не отметить, что игрушки 1960-х гг. отражают такие важнейшие достижения СССР, как полет в космос, скачок в развитии космической техники и аппаратуры. Появились игрушечные ракеты, самолеты, космонавты, вызывавшие гордость и интерес у подрастающего поколения. Исследователи выделяют в портрете “бэби-бумеров” такие черты, как ценность значительных достижений, амбициозность, лидерство, так называемая “психология победителей”.

В 1966 г. проведено первое послевоенное социологическое исследование интересов подростков в возрасте 11–15 лет, которое показывает, что лишь 4% респондентов связывают свои мечты с приобретением вещей, что свидетельствует о невысокой значимости материальных ценностей для поколения. Наиболее распространенные желания подростков этого времени — это покупка велосипеда, охотничьего ружья, фотоаппарата, книг о путешествиях, музыкальных инструментов, домашних питомцев. Поколение “бэби-бумеров” формируется хорошо приспособленным к быту, умелым, способным ремонтировать и заменять различные предметы обихода в условиях дефицита. Эта способность отражается во всех сферах жизни общества, что позволяет впоследствии охарактеризовать его как “общество ремонта”¹⁰.

В 1970-е гг. производители предлагают поколению советских детей расширенный ассортимент плюшевых игрушек ярких цветов. Наиболее популярны мягкие животные (зайцы, мишки, собачки) и герои мультфильмов (Айболит, Буратино). Игрушки из легкой пластмассы имеют долгий срок эксплуатации и используются ребенком в различных бытовых условиях, в том числе, и в ванной, и тем не менее остаются с подрастающим ребенком на многие годы, благодаря чему их ценность для ребенка увеличивается и формируется привязанность.

Широкое распространение среди детей, рожденных в 1970-е гг., получает цветная юла. Интересно, что волчок “Скачущий всадник”,

¹⁰ Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.

выпускаявшийся на Московском станкостроительном заводе “Красный пролетарий” и продававшийся, в частности, в Доме игрушки, вдохновил Владимира Ворошилова на создание известной интеллектуальной игры “Что? Где? Когда?”.

Игрушки для мальчиков, популярные в рассматриваемый период времени, это машинки различных марок, автобусы, “скорая помощь”. Следует упомянуть об игрушках на военную тематику: в 1960 г. среди педагогов и членов Художественно-технического совета по игрушке состоялась дискуссия о влиянии таких игрушек на агрессивность детей. «Методист в области детских игр А.В. Былеева высказывала свои опасения следующим образом: “Дети играют в драку, бьют и начинают допрос делать, обязательно связанный с избиением”. Члены ЦК ВЛКСМ, напротив, отстаивали необходимость выпуска военных игрушек как одного из главных средств патриотического воспитания»¹¹. В результате дискуссии отменяют производство оловянных солдатиков, хотя о снижении объемов выпуска других игрушек на военную тематику на данном этапе исследования достоверной информации нет. Однако в 1970-е гг., напротив, приобрели популярность игрушечные пистолеты, пистоны, резиновые пульки, что могло оказать влияние на агрессивность детей и подростков. В данном контексте отмечу возросший уровень бандитизма в 1990-е гг., в период трудоспособности поколения X.

1980-е гг. характеризуются производством более сложных, красочных и привлекательных игрушек. Впервые становятся доступными функциональные игрушки: куклы могут ходить, пистолеты — издавать звук выстрела. В 1984 г. появляются первые электронные игры “Ну, погоди!” и “Тетрис”. Распространение получает металлический конструктор, развивающий логическое и пространственное мышление, а также математические способности детей. Наряду с ним появляются модели машин и техники, также предназначенные для самостоятельной сборки. Все игрушки производятся только в СССР, зарубежной альтернативы нет до 1990-х гг.

Начиная с 1990-х, на постсоветское пространство поступают капиталистические игрушки: кассовый аппарат “Fisher-Price”, “Черепашки Ниндзя”, “My little pony”, трансформеры от “Хасбро”, “Тамагочи”, лазерная указка. Отдельной темой является влияние кукол “Барби”, импортируемых с конца 1980-х гг., на представление поколения о красоте и женственности. Кукла “Барби” с лицом и фигурой взрослой женщины быстро вытесняет с рынка пластмассовых и резиновых пупсов и создает новое представление о стандартах

¹¹ Мурзилка. 1959. № 12.

красоты и о роли женщины в обществе у поколения Y: снижается рождаемость по сравнению с предыдущими поколениями, увеличивается число случаев анорексии у подростков. По определению А.Н. Леонтьева, “Барби” — это квази-игрушка, поскольку направлена на формирование стереотипов и навязывание определенного образа жизни и мировоззрения подросткам, вызывает недовольство своей фигурой¹².

В 2000-е гг. получили распространение такие игрушки, как покемоны, сотки, конструктор “Lego”, коллекции “Киндер-сюрприз”, пружина-радуга, куклы-тролли.

В 2010-е гг. конструктор “Lego” также популярен, однако его впервые обогнали в продажах радиоуправляемые дроны, роботы и трансформеры. Если в первом квартале 2016 г. продажи дронов составляли 9% от общего количества, то в первом квартале 2017 г. они выросли до 13% — такие данные опубликовало исследование “Дроны и радиоуправляемые игрушки завоевывают рынок”. Интересно, что приблизительно с 2017–2018 гг. начинается новый цикл волны Кондратьева, который характеризуется развитием информационных и когнитивных технологий (NBIC-конвергенция). Прогнозируя сценарий процесса цифровизации, А.А. Акаев и В.А. Садовничий математически обосновывают и выводят, что “в ближайшие годы процесс производства технологических знаний будет развиваться по сценарию с обострением под влиянием революционных цифровых технологий, оснащенных элементами искусственного интеллекта. Но затем вступят в дело силы торможения, связанные с ресурсными и прочими ограничителями, в результате практически реализуется режим обострения с последующей стабилизацией”¹³. Основываясь на данном прогнозе, можно сделать вывод о направлении развития цифровизации в годы взросления поколения Z. Рассмотрим рейтинг наиболее популярных игрушек 2017–2018 гг., опубликованный на сайте Plum.ru [Дроны и радиоуправляемые игрушки завоевывают рынок]: конструкторы, радиоуправляемый транспорт, минитранспорт, фигурки героев, бластеры и аксессуары, наборы и аксессуары для минитранспорта и наборы для игр с фигурками. Интересно отметить популярность роботизированных предметов среди игрушек наряду с введением роботов в быт взрослого населения. Возможно, что поколение Z, с детства освоившее применение роботов, будет стремиться полностью ввести их в обычную жизнь, а также будет

¹² Родителям об играх и игрушках // Дошкольное воспитание. 2005. № 4.

¹³ Акаев А.А., Садовничий В.А. Математические модели для расчета динамики развития в эпоху цифровой экономики // ДАН. 2018. Т. 482. № 3. С. 264–265.

ценить и активно использовать в быту многофункциональные вещи, трансформеры.

Начиная с 2020-х гг., популярными становятся роботы-трансформеры, автоботы, десептиконы, “Оптимус Прайм”. Современные игрушки часто представляют собой “анимационные бренды”, что связано с возросшей популярностью российской анимации сегодня. Многие игрушки являются героями детских сериалов: покемоны, монстры, человек-паук, “малышарики”, “деревяшки”¹⁴. “Серийные” игрушки пользуются спросом, однако они несут ребенку идею скорее обладания, чем идею изучения окружающего мира. Современные дети, в отличие от советских детей, имеют большое количество игрушек и менее бережно обращаются с ними. Потребность в ремонте или копировании игрушек сейчас не возникает, так как рынок изобилует доступными товарами.

С помощью анализа игрушек, распространенных в периоды взросления пяти рассматриваемых поколений, можно проследить и смену ценностей данных поколений, а также предположить, как идеи, заложенные в детских игрушках, могут повлиять на формирование облика поколения, который, в свою очередь, коррелирует с макроэкономическими явлениями. Анализ требует объемной работы и дает возможность выявить причинно-следственные связи между игрушкой и определенными качествами, свойственными поколению, воспитанному на них, и реалиями времени, которое наступает с вступлением этого поколения во взрослую жизнь.

Анализ влияния игрушек на формирование поколения

На основе описанного выше метода исследования сделана таблица, иллюстрирующая взаимосвязь облика поколения, его ценностей, этапа развития экономики и детских игрушек. Материалом исследования послужили данные об облике поколений из книги Хоува-Штрауса “Поколения” (1–3 колонки таблицы). В третьей колонке перечислены исторические события, в которых формировалось каждое поколение. В четвертой колонке описан участок экономического цикла по Н. Кондратьеву в рассматриваемый период. В пятой колонке перечислены детские игрушки, популярные у каждого поколения.

На основании данных таблицы можно сделать вывод о взаимосвязи распространенных игрушек и представлений детей о мире,

¹⁴ Сайт Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы “Школа № 1412” // Влияние игрушек на развитие ребенка. URL: https://sch1412sv.mskobr.ru/dou_edu/korpus_8/obrazovanie/gruppa_3_quot_solnyshki_luchiki_quot/vliyanie_igrushki_na_razvitie_rebyonka/ (дата обращения: 10.09.2020).

Таблица

Годы рождения	Название поколения по Штраусу-Хоуву и краткая характеристика	Исторические события периода	Цикл волн по Н. Кондратьеву	Игрушки
1920–1940 гг.	“Молчаливое” поколение. Основные ценности: терпение, исполнительность, уважение к закону, должностному статусу, беспрекословное подчинение начальству, приоритет семьи, запасливость, экономность	Вторая мировая война, первая пятилетка, индустриализация, коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война, избрание антибиотиков	Спад, низшая точка	Национальные и классовые куклы (рабочие, крестьяне, кукла-эскимос, кукла-ненец), мишки, кареты, заводные игрушки, игрушки со спортивной тематикой (строгая фигуристка, малыш-льжжик), военные (солдаты, матросы в форме). Игрушки изготовлены из подручных материалов
1940–1960-е гг.	“Бэби-бумеры”. Основные ценности: оптимизм, целеустремленность, уважение к спорту, забота о здоровье, сохранение активности на долгие годы, значимость для общества, склонность к коллективизму, лидерство	Конец Великой Отечественной войны, “Холодная” война, период “оттепели”, восстановление СССР, избрание протигивозачаточных средств	Низшая точка волны, “кризис”, подъем	В игрушках отражена советская идеология. Пупсы, машинки, краны, герои-профессий, кукла-неваляшка. Расширение ассортимента игрушек, для их изготовления применяется целлулоид

Годы рождения	Название поколения по Штраусу-Хоуву и краткая характеристика	Исторические события периода	Цикл волны по Н. Кондратьеву	Игрушки
1960–1980-е гг.	<p>Поколение X.</p> <p>Основные ценности: самостоятельность, жизненный опыт, готовность к переменам, расчет на собственные силы.</p> <p>Нулевой пророст населения, рост количества разводов</p>	<p>Олимпиада 1980г., война в Афганистане, распространение наркотиков, СПИД, эпоха “застоя”, перестройка</p>	<p>Высшая точка волны, спад</p>	<p>Трактор, легковой автомобиль, танк. Имеют реалистичный вид.</p> <p>Фигурки солдатиков, куклы в платьях по моде, в национальных костюмах народов СССР.</p> <p>Ракеты, самолеты, космонавты.</p> <p>В 1970-е появляются пистолеты, бытовые предметы</p>
1980–2000-е гг.	<p>Поколение Y</p>	<p>Авария в Чернобыле, распад СССР, дефолт, террористические акты, распространение мобильных телефонов и интернета</p>	<p>Низшая точка волны, “кризис”, подъем</p>	<p>Функциональные игрушки: ходячие куклы, пистолеты с пулями, издающие звуки выстрела.</p> <p>Калейдоскоп, стереоскоп, “морской бой”, настольные хоккей и футбол, электронная игра “Ну, погоди!”, металлический конструктор, модели машин и техники, цветная пружина, куклы “Барби”</p>
2000–2020-е гг.	<p>Поколение Z</p>	<p>Развитие IT-технологий, расширение виртуального пространства, социальные сети</p>	<p>Высшая точка волны, спад</p>	<p>“Тамагочи”, тетрис, “киндер-сюрприз”, покемоны, сотки, конструктор “Lego”, роботы, дроны, трансформеры</p>

развития у них определенных навыков, закрепления жизненных сценариев.

В тематической окраске детских игрушек находит отражение не только политическая жизнь и идеология, но и будущее поколения. Так, “молчаливое поколение”, среди представителей которого были популярны игрушки с национальной, профессиональной и военной тематикой, характеризуется трудовой выносливостью, исполнительностью и дисциплинированностью, экономностью, уважает национальные традиции и своеобразие, способно к ручному труду и эффективному использованию подручных средств.

Поколение “бэби-бумеров”, игравшее в детстве в пупсов и неваляшек, важное место в иерархии отводит семейным ценностям, уважает материнство. Спортивная тематика игрушек прививает интерес к спорту и активному долголетию. Также популярны герои профессий и игрушечная техника, что находит отражение в возрастании ценности профессионализма у представителей поколения. Игрушки, отражавшие советскую идеологию, послужили формированию соответствующих ценностей (перечислены в таблице). Для восстановления страны, разрушенной Великой Отечественной войной, эти качества были важны. Однако в следующем поколении X словно “качнуло маятник” в другую сторону: увеличился рост разводов и сократился прирост населения, а появление игрушечных пистолетов могло повлиять на уровень агрессии выросших детей и, в частности, проявиться в сложной обстановке 1990-х гг.

Поколение Y получило игрушки механические, выполняющие простые действия. Распространение конструкторов для детей поспособствовало развитию пространственного мышления. Именно на поколение Y пришелся технологический скачок. Кроме того, это поколение хорошо воспринимает визуальную информацию, чему могла поспособствовать яркая окраска игрушек. Изменился и образ женщины и отношение к материнству, чему поспособствовало распространение кукол “Барби”, как эталона женственности взамен колясок, пупсов и “кукол-голышей”. И действительно, ускоренно развивается косметология, стали популярны такие профессии, как косметолог, стилист, фотограф.

Среди представителей поколения Z также популярны конструкторы, однако их обгоняют в продаже дроны и радиоуправляемые игрушки. Возможно, в будущем представители этого поколения предпочтут решать задачи дистанционно: они будут работать и управлять техникой удаленно. Кроме того, интерес к трансформерам может найти отражение в особенностях быта и оснащении городского

пространства. Популярны куклы, представляющие различные молодежные субкультуры, отличительной чертой которых, в частности, являются раскрашенные лица, определенные тематические атрибуты и аксессуары. Вероятно, это отразится в облике формирующегося поколения: возрастет популярность и качество татуировок, макияжа, значимость аксессуаров во внешнем облике.

Распространение игрушек-трансформеров и игровых наборов, которые ребенок может собирать на свой вкус, усиливает ценность персонализации. Предметы быта все легче адаптируются под индивидуальные потребности. Способ жизни, комфортный для конкретного человека, не подвергается осуждению, как было в период формирования “молчаливого” поколения и поколения “бэби-бумеров”, в иерархии ценностей которых высокое место занимают ценности коллектива, общины, равенства.

Раннее знакомство детей с роботизированными игрушками способствует легкости взаимодействия с IT-технологиями во взрослой жизни и активному использованию их в быту. Можно предположить, что реальностью будущего станет совершенствование и простота использования роботов.

Поскольку дети, рожденные в 2000–2020 гг., с раннего возраста играют в виртуальном пространстве, используя гаджеты, то, вероятно, эта тенденция поспособствует развитию ощущения “личных границ”, автономности.

С помощью анализа игрушек, распространенных в периоды взросления пяти рассматриваемых поколений, можно проследить и смену ценностей данных поколений, а также предположить, как идеи, заложенные в детских игрушках, могут повлиять на формирование облика поколения, который, в свою очередь, коррелирует с макроэкономическими явлениями. Анализ требует объемной работы и дает возможность выявить причинно-следственные связи между игрушкой и определенными качествами, свойственными поколению, воспитанному на них, а также реалиями времени, которое наступает с вступлением этого поколения во взрослую жизнь. Однако результаты развития этой мысли могут иметь практическое применение и объяснить ряд современных трендов, например, причины такого современного тренда, как геймификация, и предсказать возникновение трендов будущего.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что вопрос влияния различных факторов на формирование поколения имеет перспективу для глубокого изучения и широкую область применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России. М., 2013.

Акаев А.А., Садовничий В.А. Математические модели для расчета динамики развития в эпоху цифровой экономики // ДАН. 2018. Т. 482. № 3.

Воронцова Ю.А. Теоретическая основа теории поколений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2.

Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.

Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Современная теория поколений в ракурсе циклов Кондратьева // X Международная Кондратьевская конференция “Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность” (г. Москва, 28–29 сентября, 2017). М., 2017.

Гусева А.Ю. Эстетика игрушки как феномена массовой культуры. СПб., 2001.
Дроны и радиоуправляемые игрушки завоевывают рынок. URL: <https://tium.ru/news/drony-i-radioupravlaemye-igruski-zavoevyvaut-rynok/> (дата обращения: 14.10.2020).

За высокое качество // Советская игрушка. 1935. № 1.

Зиновьева Т.Н. Отношение “человек-игрушка” в культуре. Ростов-н/Д., 2001.

Левада Ю.А. Сочинения: Избранное. Социологические очерки. М., 2000–2005.

Лейтнер Л.В. “Совсем как настоящие...” — игры и игрушки в СССР в 1950–1960 годы // Интерлос. Неприкосновенный запас. 2011. № 3.

Марченко М.А. На стыке культур. Игрушка СССР 1920–1930 годов // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3.

Мурзилка. 1959. № 12.

Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. Бизнес-образование в экономике знаний. М., 2015.

Онощенко С.В. Игрушка как средство формирования социального опыта дошкольников. Тамбов, 2009.

Пионерская правда. 1953. Выпуски.

Попов Н.П. Российское и американское поколение XX века: откуда пришли миллениалы? // Государство и общество. Фонд “Петербургская политика”. СПб., 2017.

Проект “Теория Поколений в России” (RUGeneration). URL: <https://rugenerations.ru> (дата обращения: 14.10.2020).

Рикель А.М. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4.

Родителям об играх и игрушках // Дошкольное воспитание. 2005. № 4.

Сайт Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы “Школа № 1412” // Влияние игрушек на развитие ребенка. URL: https://sch1412sv.mskobr.ru/dou_edu/korpus_8/obrazovanie/gruppa_3_quot_solnyshki_luchiki_quot/vliyanie_igrushki_na_razvitie_rebyonka/ (дата обращения: 10.09.2020).

Семенова В.В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002.

Ткаченко А.А. Кондратьева циклы // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010.

REFERENCES

Akajev A.A. Bol'shie cikly kon#junktury i innovacionno-ciklicheskaja teorija jekonomicheskogo razvitija Shumpetera-Kondratěva [Big cycles of the conjuncture and the innovation-cyclical theory of economic development of Schumpeter-Kondratiev] // *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. M., 2013 (in Russian).

Akajev A.A., Sadovnichiy V.A. Matematicheskie modeli dlja raschjota dinamiki razvitija v jepohu cifrovoj jekonomiki [Mathematical models for calculating the dynamics of development in the era of the digital economy] // *DAN*. 2018. Vol. 482. N 3 (in Russian).

Alexander G.M., Saenz J. Early androgens, activity levels and toy choices of children in the second year of life // *Hormones and Behavior*. 2012. N 62.

Drony i radioupravljaemye igrushki zavojovyvajut rynek [Drones and radio-controlled toys conquer the market]. URL: <https://tlum.ru/news/drony-i-radioupravlaemye-igruski-zavoevyvaut-rynok/> (accessed: 14.10.2020) (in Russian).

Gerasimova E., Chujkina S. Obshhestvo remonta [Repair society] // *Neprikosnovennyj zapas*. 2004. N 2 (in Russian).

Gurova I.M., Evdokimova S.Sh. Sovremennaja teorija pokolenij v raketse ciklov Kondratěva // [Modern theory of generations from the perspective of Kondratiev's cycles] // X Mezhdunarodnaja Kondratěvskaja konferencija "Nauchnoe nasledie N.D. Kondratěva i sovremennost'" (Moscow, September 28–29, 2017). M., 2017 (in Russian).

Guseva A.Y. Jestetika igrushki kak fenomena massovoj kul'tury [Aesthetics of toys as a phenomenon of mass culture]. SPb., 2001 (in Russian).

Howe N., Strauss W. Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. N.Y., 1991.

Levada Y.A. Sochinenija: izbrannoe: sociologicheskie ocherki [Works: selected: sociological essays]. M., 2000–2005 (in Russian).

Lyojtner L.V. "Sovsem kak nastojashhie..." — igry i igrushki v SSSR v 1950–1960 gody ["Just like the real thing..." — games and toys in the USSR in 1950–1960] // *Interlos*. *Neprikosnovennyj zapas*. 2011. N 3 (in Russian).

Marchenko M.A. Na styke kul'tur. Igrushka SSSR 1920b1930 godov [At the intersection of cultures. Toys of USSR 1920–1930th] // *Obshhestvo*. Sreda. Razvitie. 2017. N 3 (in Russian).

Murzilka. 1059. N 12 (in Russian).

Onoshchenko S.V. Igrushka kak sredstvo formirovanija social'nogo opyta doshkol'nikov [The toy as a means of forming the social experience of preschoolers]. Tambov, 2009 (in Russian).

Ozhiganova E.M. Teorija pokolenij N. Houva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primenenija. Biznes-obrazovanie v jekonomike znaniy [The theory of generations by N. Howe and W. Strauss. Possibilities of practical application. Business education in the knowledge economy]. M., 2015 (in Russian).

Pionerskaja pravda [Pioneer truth]. 1953 (in Russian).

Popov N.P. Rossijskoe i amerikanskoe pokolenie XX veka: otkuda prishli milenialy? [20th century Russian and American generations: where did millennials come from?] // *Gosudarstvo i obshhestvo*. Fond "Peterburgskaja politika". SPb., 2017 (in Russian).

Proekt "Teorija Pokolenij v Rossii" (RUGeneration) [Materials: Project "Theory of Generations in Russia" (RUGeneration)]. URL: <https://rugenerations.ru> (accessed: 14.10.2020) (in Russian).

Roditeljam ob igrah i igrushkah. [To parents about games and toys] // *Doshkol'noe vospitanie*. 2005. N 4 (in Russian).

Rykiel A.M. Social'no-psihologicheskaja model' cennostej razlichnyh pokolenij sovremennogo rossijskogo obshhestva [Socio-psychological model of values of different generations of modern Russian society] // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2017. Vol. 14. N 4 (in Russian).

Sayt Gosudarstvennogo bjudzhetnogo obshheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya goroda Moskvy "Shkola N 1412" [State budgetary educational institution of the city of Moscow "School N 1412"] // Vlijanie igrushek na razvitie rebenka. URL: https://sch1412sv.mskobr.ru/dou_edu/korpus_8/obrazovanie/gruppa_3_quot_solnyshki_luchiki_quot/vliyanie_igrushki_na_razvitie_rebyonka/ (accessed: 10.09.2020) (in Russian).

Semenova V.V. Social'nyj portret pokolenij [Social portrait of generations] // Rossija reformirujushhajasja / Pod red. L.M. Drobizhevoy. M., 2002 (in Russian).

Tkachenko A.A. Kondrat'eva cikly [Kondratieva cycles] // Bolshaja rossijskaja jenciklopedija. Vol. 15. M., 2010 (in Russian).

Vorontsova Y.A. Teoreticheskaja osnova teorii pokolenij [The theoretical basis of the theory of generations] // Uchjonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. M., 2016 (in Russian).

Za vysokoe kachestvo [For high quality] // Sovetskaja igrushka. 1935. N 1 (in Russian).

Zinovieva T.N. Otnoshenie "chelovek-igrushka" v kulture [The relationship "man-toy" in culture]. Rostov-on/D., 2001 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-252-260

КИТАЙСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ: ВКУС ЖИЗНИ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН

Тэн Юэ, асп. Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, г. Москва, Российская Федерация, 119192*

Китайская киноиндустрия зародилась в начале XX в. Китайские городские эмоциональные фильмы в последние годы приобретают все большую популярность, поэтому они все чаще появляются на экране. Темой городского эмоционального фильма, как становится понятно уже из названия, является город: городская повседневная жизнь, городская семья, дружба и любовь. Художественным же средством воплощения режиссерской идеи становится отражение эмоций людей. Сочетание кино и музыки — отдельный “культурный продукт”, порожденный киноиндустрией. Музыка играет ведущую роль в фильме, и особенно важна для того, чтобы подчеркнуть главную тему и передать внутреннюю связь персонажей. Сочетание кинематографической картинки и музыки является очень значимым элементом в развитии кинематографа. Китайцы любят китайские городские эмоциональные фильмы. Большинство же эмоциональных фильмов зависит от обработки звучащих в них песен. В представлении зрителей хороший фильм определяется наличием в нем “хороших” эпизодов. В успешных китайских городских эмоциональных фильмах, как правило, звучит больше одной популярной песни. Эти песни могут быть представлены именно как песни из фильмов, как неразрывно связанные с его сюжетом. А создание текстов песен — очень сложная творческая задача, можно даже сказать “стремление к совершенству”, и этот момент, безусловно, нельзя недооценивать.

Ключевые слова: Китай, город, эмоции, фильмы, тексты песен, жизнь.

CHINESE URBAN EMOTIONAL FILM: A TASTE OF LIFE IN LYRICS

Teng Yue, Postgraduate Student, Graduate School of Cultural Policy and Humanitarian Management, Moscow State University by M.V. Lomonosov, Lomonosovsky avenue, 27, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: tengziyue@yandex.ru, 1099426007@qq.com

The Chinese film industry began in the early twentieth century. Chinese urban emotional film has become more and more popular with the Chinese people in recent years, so urban working youth emotional film also appears more and more often on the screen. An urban emotional film takes the city as a theme, takes urban life as a back-

* Тэн Юэ, e-mail: tengziyue@yandex.ru, 1099426007@qq.com

drop, takes urban family, friendship and love as the main clue for plot development, and takes the artistic expression of emotions as the main point of note. The combination of cinema and music is an independent cultural product generated by the film industry. Music plays a leading role in the film, especially in order to emphasize the theme and convey the inner connection of the characters. The combination of cinematography and music is an essential element in the development of cinema. Chinese people love Chinese urban emotional movies, and most of them depend on processing good songs from movies. Therefore, a good movie and a good episode of the movie, in the audience's understanding and expectation, are equally important things. Successful Chinese urban emotional films often have more than one popular song that can be passed on to the general public as their cinematic song, and the song's value orientation is determined by the connotation of the text. Therefore, the creation of song lyrics can be described as the pursuit of excellence, which should not be underestimated.

Key word: China, city, emotions, movies, lyrics, life.

1. Китайский городской эмоциональный фильм

1.1. Китайский фильм

Фильм — это непрерывное видеоизображение, созданное комбинацией фотографии и слайд-проекции, это визуальное и слуховое современное искусство, но оно также может вместить драму, фотографию, живопись, музыку, танец, текст, скульптуру, архитектуру и другие виды искусства современного научно-технического и художественного комплекса. Киноискусство развивалось достаточно долго: от немногого — к звуковому, от черно-белого — к цветному, а затем и к компьютерной эре высоких технологий¹. С момента своего рождения фильмы вызвали большой интерес у широкой аудитории и получили восторженное внимание со стороны “культурной публики” и специалистов².

Китайское кино зародилось в начале XX в.³ К основным видам китайских фильмов относятся комедийные, трагические, тематические фильмы, а также фильмы о боевых искусствах и кунг-фу. В 1905 г. Жэнь Цзинфэн, основатель пекинской фотостудии Фэн Тай, снял короткометражный музыкальный фильм “Дин Цзюньшань”, с которого началось китайского кино⁴. Позже в журнале “Восток” был опубликован первый, более полный сценарий китайского фильма. Это произошло в 1925 г. и это был фильм режиссера Хун Шена “Шэнь Туши”. В это время происходит становление первого поколения китайских режиссеров, среди которых можно назвать

¹ Editorial Board of the book. Introduction and evaluation of cinematography. Nanjing, 2009. P. 3.

² Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. М., 2001. С. 84.

³ Zhao Weifang. Chinese film: history, modernity, and interaction. Beijing, 2015. P. 36.

⁴ Liu Guodian. A brief history of the Chinese news and movies. Nanjing, 2019. P. 31.

Чжэн Чжэнцю и Чжан Шичуаня. Именно они сняли первый в Китае короткометражный фильм с сюжетной линией “Пара в беде”. Чжэн Чжэнцю даже называют “отцом китайского кино”. В 1931 г. фильм “Женщина, которая поет о красном пионе” стал первым китайским звуковым фильмом. В том же 1931 г. китайцы завершили съемки первого китайского звукового фильма “Дождь прекратился, ясный день” в Японии. К 1935 г. Китай завершил переход от немого кино к звуковому.

После 1930 г. под руководством Коммунистической партии Китая в Шанхае были созданы Китайский союз писателей и Китайский союз драматургов⁵. Начало китайско-японской войны дало толчок к появлению фильмов, отражающих военную реальность. Первым фильмом периода войны стал “Дикий поток”, затем был уже более зрелый “Весенний шелкопряд”. Режиссер Чжоу Эньлай⁶ внес значительный вклад в развитие военных фильмов (1938 г.). Победа в антияпонской войне дала начало новому витку институционализации китайского кино. Часть патриотических кинематографистов вступила в ОАО “Центральная кинокомпания”, которая видела своей задачей съемку “прогрессивных фильмов”. Другая часть кинематографистов присоединилась к кинокомпаниям Кун Лунь и другим частным кинокомпаниям, в которых был принят подход “единства, поддержки, борьбы и сотрудничества”, направленный на производство современных фильмов. После создания Китайской Народной Республики наступил новый период развития киноиндустрии в Китае. Следующий период начался с развитием цифровых технологий в начале 2000-х гг. В это время китайское кино постепенно изменяется эстетически и культурно, следуя за изменениями, охватившими весь мировой кинематограф⁷. В последние годы развитие киноиндустрии в Китае становится все более заметным, а общее количество позиций в мировом прокате увеличивается. Последние годы стали золотым периодом развития китайского кинорынка⁸. В 2019 г. кассовые сборы китайского кино значительно выросли, китайские фильмы заняли 9708 блоков, общее количество просмотров в Китае стабильно занимает первое место в мире. С каждым годом в Китае растет и производство фильмов.

⁵ *Wan Sisi*. Brilliant: the cultural interpretation of film music. Shanghai, 2019. P. 15.

⁶ Чжоу Эньлай (1898–1976) – пролетарский революционер, военный деятель, государственный деятель, премьер-министр, один из основателей Китайской Народной Республики.

⁷ *Hai Kuo*. Spatial turn of the film’s narrative. Beijing, 2015. P. 5.

⁸ *Li Baoyu*. Another Golden decade of cinema. Shanghai, 2016. P. 35.

1.2. Китайский городской эмоциональный фильм

В последние годы китайский городской эмоциональный фильм становится все более популярным жанром у китайского зрителя, поэтому и производство фильмов этого жанра постоянно растет. Темой городского эмоционального фильма, как становится понятно уже из названия, является город: повседневная городская жизнь, городская семья, дружба и любовь. Средством же художественного выражения становятся эмоции людей. Завязкой же сюжета как правило являются стремление к лучшей жизни, борьба с препятствиями в любви, межличностные отношения в целом.

В XXI в. люди в Китае в материальном плане стали жить лучше, у них появилась потребность в развитии духовности, их гораздо сильнее стали волновать вопросы проявления эмоций, поиска смысла жизни. Именно жанр китайского городского эмоционального фильма отвечает на внутренние потребности людей, соответствует современным тенденциям. Простые китайцы теперь видят на экранах таких же простых людей с разным уровнем жизни, разными культурными обычаями, разной внутренней жизненной мотивацией. Этот жанр наилучшим образом отражает не только жизнь китайского общества в целом, но и жизнь каждого человека в отдельности и отношения между людьми. Отражению эмоций и взаимоотношений людей служат и песни в фильмах, их захватывающие и эмоциональные мелодии и тексты проникают в сердца и души людей, помогают выразить проблемы реальной жизни. Люди, посмотрев фильм и вдохновившись звучавшими в нем песнями, поют их затем и в своей повседневной жизни. Некоторые эмоциональные проблемы трудно разрешить в жизни, но можно в фильме показать, как это лучше сделать. Такие фильмы помогают людям, именно поэтому они так популярны.

2. Музыка китайского городского эмоционального кино

2.1. Особенности китайской кинематографической музыки

Музыка к фильмам включает в себя тематические песни, эпизоды, тематическую музыку, музыку сцены и фоновую музыку. Сочетание кино и музыки — это самостоятельный культурный продукт, производимый киноиндустрией. Музыка играет ведущую роль в фильме, она призвана подчеркнуть тему и передать внутреннюю связь персонажей. Сочетание кинематографической картинки и музыки является существенным элементом в развитии кинематографа. Так и китайская киномузыка имеет свои особенности, которые отличают ее от обычной музыки.

Во-первых, в зависимости от психологического состояния человека при прослушивании музыки, степени развития его личной культуры, его жизненной среды возникает различное пространство музыкального восприятия. Поэтому интерпретация музыкального содержания у каждого человека различается. Что касается кинематографической музыки, то хоть она и ограничена определенным сюжетом, но ее эстетическое и эмоциональное восприятие может быть значительно шире сюжета. Во-вторых, большую роль играет музыкальное воображение. Люди, как правило, исходят из своего собственного жизненного опыта, их личные ассоциации каждый раз по-своему заставляют интерпретировать героя. Однако что бы ни происходило с героем, плавно ли текут его мысли или он активно ищет решение, музыкальный поток проникает в наши сердца и заставляя его понять. В-третьих, создание киномузыки, безусловно, вращается вокруг потребностей сюжета. Например, в некоторых сценах есть только действия персонажа, без слов, в этой ситуации требуется более длинный музыкальный “текст”. В некоторых сценах нужны лишь небольшие музыкальные фрагменты. Но независимо от того, какой “спрос на музыку” в том или ином фильме, ее выбор достаточно свободен. Можно сказать, что структура кинематографической музыки имеет гибкий характер.

2.2. Особенности лирики городского эмоционального фильма

Китайский городской эмоциональный фильм очень близок людям, их жизни. Лиричность сюжета создается в том числе и за счет использования человеческого голоса. Песни из фильмов, как правило, легко поются, полны жизни и эмоций. С художественно-эстетической точки зрения, если сравнивать лирику городского эмоционального фильма с лирикой китайских исторических телесериалов, то первая гораздо понятнее широкой публике. Язык городского эмоционального кино полон размышлений о реальной жизни, супружеских отношениях, любви и ненависти, карьере, работе и т.п.

Песни городских эмоциональных фильмов делятся на тематические и эпизодические. Тематическая песня — это полноценный обзор содержания фильма в целом. Эпизоды, которые появляются в сюжете фильма, часто создаются для раскрытия конкретных персонажей, конкретных событий, а тексты песен этих эпизодов тесно связаны как с сюжетом, так и с персонажами. Эпизодические песни способствуют раскрытию как внутренних эмоций конкретных персонажей, так и сюжета в целом.

3. Вкус жизни в текстах песен

3.1. Песня “Ты ждешь меня на финише”

“Ты ждешь меня на финише” — эпизодическая песня из фильма “Проходя мимо всего вашего мира”. Это песня о человеке, который опьянен любовью, готов заплатить за нее чем угодно, но в конце концов обнаруживает, что он, влюбленный, ждет самого себя. Он сам воплощает в себе реинкарнацию любви, теряет себя и затем вновь обретает радость.

Перевод текста песни: “Ты дала мне зонтик, чтобы я мог чувствовать одиночество под проливным дождем. Так сильно хочется послать тебе речной поток, чтобы он смыл ржавчину сожаления с твоей души. Отдаю тебе все свое тепло, свой единственный плащ. Чувствую холод спиной, вздрагиваю. Глаза все следят за тобой, взгляд горит. Я шел по следам твоего настроения. И даже если тебя неправильно поймут все вокруг, то я сделаю все, чтобы понять тебя. Я готов бороться даже с надвигающимися тучами, лишь бы ты ждала меня. И пусть в твоей улыбке прячутся дождевые капли. Я хочу, чтобы ты помнила о прошлом, о былой страсти, и тогда я готов в одиночестве уйти, лишь бы ты ждала меня. Позволь мне жить в твоём сердце. Многословие и излишняя сентиментальность — это крылья, которые помогут взлететь тебе на плечи”.

В этой песне много метафор: одиночество сравнивается с каплями дождя, сентиментальность — с крыльями. Песня очень красивая и трогательная. Текст песни прост, но он словно мозаика заставляет людей вслушиваться в настроение, чувствовать взлеты и падения героя, его слезы. Именно песня помогает нам почувствовать и понять, что любовь — это “величие обычного”, истинный смысл жизни, а обладание ею — это счастье.

3.2. Песня “Маленькая удача”

“Маленькая удача” — саундтрек к фильму “Мой девичий возраст”. В октябре 2015 г. она была номинирована на 52-ю премию тайваньского кинофестиваля “Золотая лошадь” за лучшую оригинальную песню, 31 декабря того же года она заняла первое место в рейтинге “100 синглов” HitFm⁹, а 13 мая 2016 г. стала финалистом 27-й тайваньской Золотой премии песни года. “Маленькая удача” стала шлягером как в материковом Китае, так и на Тайване. На прослушивании для

⁹ HitFm – международная поп-частота, принадлежащая центральному радио и телевидению, открылась 28 марта 1999 г.

“Супер-женский голос¹⁰ 2016” она была спета самое большое количество раз. Воспоминания молодости, вызванные “Маленькой удачей”, заставили многих студентов университетов вспомнить время, проведенное в школах и колледжах, и адаптировать под них “Маленькую удачу”. Популярность этой песни настолько огромна, что это трудно представить. “Маленькая удача” — это голос, который звучит в сердце каждого человека, тоска по ушедшей молодости, печаль людей среднего возраста.

Перевод текста песни: “Я слышу, как капли дождя падают на зеленую траву, и как вдалеке звонят школьные колокола. Но я не слышу, всерьез ли ты зовешь меня по имени. Когда я только влюбился в тебя, я еще не мог понять свои чувства, а после расставания остался лишь длинный след в памяти. Почему в то время я не понимал, что встреча с тобой — лучшее, что было в жизни? Может быть, в то время я думал только о твоей улыбке и слезах, и гонялся за звездами в небе. Конечно, забудется, кто тогда стоял и в ветер, и в дождь, как молчаливый охранник. Оказывается, тогда мы были очень близко от любви. Решимость бороться с миром за меня... Человек, который шел рядом под дождем... Каждый момент — это ты, незапятнанное сердце. Мне повезло встретиться с тобой, но я уже потерял право плакать о тебе. Надеюсь, где-нибудь ты найдешь то, чего не хватает мне, сможешь расправить крылья, познакомиться с другой частью своей жизни. Как тебе повезло! Молодость — это путешествие, молодость — это ошибки. Красоту молодости мы пойдем уже позже. Сейчас уже слишком поздно благодарить тебя за то, что ты дала мне мужество, мужество быть самим собой”.

“Маленькая удача” создает ощущение чистой и всеобъемлющей любви. Слова песни возрождают в душе слушателя ощущения подростковой застенчивости, наивного восприятия жизни. В сердце оживают переживания молодости, нелепости первой любви, застенчивости и радости от встреч. Песня заставляет вспомнить о юности, ушедших чувствах, позволяет нам вновь пережить красоту и трогательность, которые были с нами во времена молодости.

3.3. Песня “Самая яркая звезда в ночном небе”

“Самая яркая звезда в ночном небе” — эпизодическая песня в фильме “План побега”, вошедшая в альбом “Мир”, выпущенный в

¹⁰ “Супер женский голос” — развлекательная программа женского пения, запущенная телевизионной станцией китайской провинции Ху Нань.

2011 г., а также тематическая песня мини-фильма “Ты, который выбирал звезды”.

Перевод текста песни: «Можно услышать одиночество и вздох в сердце тех, кто смотрит на тебя снизу-вверх. Самая яркая звезда в ночном небе! Можно вспомнить фигуру, которая когда-то была рядом со мной, а потом исчезла на ветру. Я молюсь о том, чтобы мое сердце оставалось чистым, а глаза не разучились плакать, чтобы мне хватило мужества снова поверить и пройти через ложь, чтобы вновь обнять тебя. Всякий раз, когда я теряю смысл жизни, когда я блуждаю в ночи, я прошу у самой яркой звезды в ночном небе: “Пожалуйста! Освети мой путь!” А знает ли самая яркая звезда в ночном небе, где сейчас та, что когда-то была рядом? Скажи, самая яркая звезда в ночном небе, не все ли равно тебе — долго ждать восхода солнца или встретить его неожиданно? Пусть лучше вся боль останется в моем сердце, чем я забуду твои глаза».

Песня выражает юношескую мечту, стремления молодости, силу одержимости страстью. Песня пронизана спокойным романтизмом, заставляющим предаваться воспоминаниям и мечтам. Это рождает в человеке смелость и силу, дает уверенность в том, что мечты сбываются, позволяет продолжать идти по выбранному пути, никогда не сдаваться и добиваться целей. Самая яркая звезда в ночном небе вселяет надежду, что и в повседневной рутине могут быть яркие моменты. Эти моменты, как яркие звезды в ночном небе, указывают нам новый путь, возрождают силу, которая помогает вновь и вновь начинать все с начала.

4. Заключение

Китайцы очень любят городские эмоциональные фильмы, и эта любовь во многом обусловлена тем, что в них есть хорошие песни. Хороший фильм в понимании простых зрителей определяется хорошими эпизодами. В успешных китайских городских эмоциональных фильмах часто бывает несколько популярных песен. Эти песни могут оказаться очень тесно связанными с фильмом, в котором они прозвучали, а вот их эмоциональная ценность для зрителей определяется смыслом их текстов. Поэтому создание текстов песен можно охарактеризовать как стремление к совершенству, и его нельзя недооценивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. М., 2001.

REFERENCES

- Editorial Board of the book. Introduction and evaluation of cinematography. Nanjing, 2009.
- Hai Kuo*. Spatial turn of the film's narrative. Beijing, 2015.
- Li Baoyu*. Another Golden decade of cinema. Shanghai, 2016.
- Liu Guodian*. A brief history of the Chinese news and movies. Nanjing, 2019.
- Menegetti A*. Kino, teatr, bessoznatel'noe [Cinema, theater, unconscious]. M., 2001.
- Wan Sisi*. Brilliant: the cultural interpretation of film music. Shanghai, 2019.
- Zhao Weifang*. Chinese film: history, modernity, and interaction. Beijing, 2015.